Научный журнал
«Эпомен»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 59, июль 2021
No. 59, July 2021

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2021

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор
Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор
Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор
Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор
Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор
Тебекин Алексей Васильевич, д-р. экон. наук, д-р техн.наук, профессор
Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор
Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор
Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор
Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук
Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент
Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики
Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор
Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Белорусь), канд. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна
Младшие редакторы: Гудзенко Полина Руслановна, Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor
Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK[1] professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor
Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor
Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor
Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor
Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professo
Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor
Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor
Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor
Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor
Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law
Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor
Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor
Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics
Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

[1]Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Khlus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna
Junior editors: Gudzenko Polina Ruslanovna, Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Экономические науки

Биткина И. К.
Особенности определения ставки дисконтирования для проектов в области декарбонизации и ресурсосбережения (стр. 12-23)

Кондратенко Ю. Н.
Продвижение товаров в условиях пандемии: вызовы и возможности (стр. 24-35)

Мигалева Е. А.
Разработка городской (районной) программы развития малого предпринимательства на примере сети женских консультаций ООО «Медок» (стр. 36-47)

Паневина О. А.
Проблема сохранения кадрового потенциала в здравоохранении - фокус на качество жизни медицинского персонала (стр. 48-60)

Тебекин А. В., Митропольская-Родионова Н. В., Хорева А. В.
Взгляд «снизу» на разрабатываемую стратегию социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. в части перспектив достижения национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» (стр. 61-81)

Трофимова Н. Н.
Особенности экономики знаний в условиях выхода предприятий из постпандемического кризиса COVID-19 (стр. 82-90)

Трофимова Н. Н.
Положительные эффекты и барьеры при переходе предприятий к промышленной бизнес-модели циркулярной экономики (стр. 91-98)

Хорунженко Т. А.
Оптимизация клинического управления - основа эффективной деятельности медицинской организации (стр. 99-114)

Юридические науки

Абашина Л. А., Ефремова О. В.
Специальная превенция преступлений в сфере компьютерной информации: уголовно-правовой аспект (стр. 115-126)

Батюкова В. Е.
Молодежный экстремизм: проблемы и пути решения (стр. 127-140)

Богомолова К. И., Снычев В. А.
Объективные признаки взятки: проблемы теоретического осмысления (стр. 141-150)

Бровкина А. А.
Предупреждение радикализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (стр. 151-162)

Ковалев О. Г.
Современные организационно-правовые проблемы реализации Модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в учреждениях УИС и пути их решения (стр. 163-172)

Маевский С. С., Дударев В. А.
Особенности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотических средств, с использованием правоохранительными органами новых направлений криминалистики (стр. 173-186)

Маресина М. А.
Некоторые проблемы квалификации преступлений против правосудия, совершаемых адвокатами (стр. 187-196)

Сурбашева В. А.
Профилактика ненасильственных преступлений в информационно-коммуникационной сети «Интернет» в контексте распространения детской порнографии (стр. 197-205)

Фадеев К. А., Удалов М. И.
К вопросу о качественной характеристике соучастия в преступлении (стр. 206-217)

Хлус А. М.
Представление о коррупции и взяточничестве в древних источниках права и произведениях философов (стр. 218-235)

Шайкова М. В.
Теоретико-методологический подход к современному состоянию преступности несовершеннолетних (стр. 236-253)

Table of Contents

Economics

Bitkina I. K.
Features of determining the discount rate for projects in the field of decarbonization and resource conservation (pp. 12-23)

Kondratenko Yu. N.
Product promotion in a pandemic: challenges and opportunities (pp. 24-35)

Migaleva Ye. A.
Elaboration of a city (district) program for the development of small business on the example of the network of women's consultation centers "Medoc"LLC. (pp. 36-47)

Panevina O. A.
The problem of retaining health workforce - focus on the quality of life of medical personnel (pp. 48-60)

Tebekhin A. V., Mitropolskaya-Rodionova N. V., Khoreva A. V.
A bottom-up view of the developed strategy for the socio-economic development of the Russian Federation until 2030 in terms of the prospects for achieving the national goal "Decent, effective work and successful entrepreneurship" (pp. 61-81)

Trofimova N. N.
Features of the knowledge economy in the context of enterprises emerging from the post-pandemic COVID-19 crisis (pp. 82-90)

Trofimova N. N.
Positive effects and barriers in the transition of enterprises to the industrial business model of the circular economy (pp. 91-98)

Khorunzhenko T. A.
Optimization of clinical management is the basis for the effective operation of a medical organization (pp. 99-114)

Law

Abashina L. A., Yefremova O. V.
Special prevention of crimes in the field of computer information: criminal-legal aspect (pp. 115-126)

Batyukova V. Ye.
Youth extremism: problems and solutions (pp. 127-140)

Bogomolova K. I., Snychev V. A.
Objective signs of a bribe: problems of theoretical comprehension (pp. 141-150)

Brovkina A. A.
Prevention of radicalization of persons serving a sentence of imprisonment (pp. 151-162)

Kovalev O. G.
Modern organizational and legal problems of the implementation of the model law on operational investigative activities in the institutions of the criminal justice system and ways to solve them (pp. 163-172)

Mayevskiy S. S., Dudarev V. A.
Peculiarities of disclosing and investigating crimes committed in the sphere of illegal drug trafficking with the use of new areas of forensic science by law enforcement agencies (pp. 173-186)

Maresina M. A.
Some problems of qualification crimes against justice committed by advocates (pp. 187-196)

Surbasheva V. A.
Prevention of non-violent crimes on the Internet (in the context of the distribution of child pornography) (pp. 197-205)

Fadeyev K. A., Udalov M. I.
On the question of the qualitative characteristics of complicity in a crime (pp. 206-217)

Khlus A. M.
The concept of corruption and bribery in ancient sources of law and the works of philosophers (pp. 218-235)

Shaykova M. V.
Theoretical and methodological approach to the current state of juvenile delinquency (pp. 236-253)

УДК/UDC 338:330.322

Особенности определения ставки дисконтирования для проектов в области декарбонизации и ресурсосбережения

Биткина Ирина Константиновна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов
Волгоградский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Волгоград, Россия
e-mail: bitkinai@rambler.ru
SPIN-код: 8253-3771

Аннотация

В представленном исследовании выделены особенности инвестиционных проектов в области декарбонизации и ресурсосбережения. Необходимость выделения данных проектов обусловлена изменением структуры современной экономики, в частности повышением значимости программ в рамках «зеленой экономики» и «зеленых финансов». Одним из элементов структуры любого инвестиционного проекта является ставка дисконтирования. Несмотря на ее распространенность, в экономике существуют различные подходы к определению ее величины, в т. ч. зависящие от типа инвестиционного проекта. Цель данного исследования состоит в разработке рекомендаций по установлению величины ставки дисконтирования для инвестиционных проектов в области декарбонизации и ресурсосбережения на основе проведенного обобщения и комплексного анализа подходов. Предмет статьи - методические подходы по оценке эффективности инвестиционных проектов. Показаны возможности и ограничения применения различных подходов по определению величины ставки дисконтирования. В частности, выделены возможности и ограничения, наиболее значимые для проектов в области декарбонизации и ресурсосбережения. Предложен модифицированный авторский подход. Представлены рекомендации по определению величины ставки дисконтирования для инвестиционных проектов в области декарбонизации и ресурсосбережения. Проведена апробация авторского подхода.

Ключевые слова: инвестиционный проект, ставка дисконтирования, декарбонизация, «зеленые финансы», «зеленая экономика», средневзвешенная цена капитала,

инвестиционные риски, ресурсосберегающая экономика, ресурсосберегающие технологии, модель CAPM.

Features of determining the discount rate for projects in the field of decarbonization and resource conservation

Bitkina Irina Konstantinovna
Candidate of Economics, assistant professor, assistant professor of the Department of Economics and Finance
Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Volgograd, Russia
e-mail: bitkinai@rambler.ru
SPIN Code: 8253-3771

Abstract

In the presented study, the features of investment projects in the field of decarbonization and resource conservation are highlighted. The need to highlight these projects is due to a change in the structure of the modern economy, in particular, an increase in the importance of programs within the framework of the "green economy"and "green finance". One of the elements of the structure of any investment project is the discount rate. Despite its prevalence, in the economy there are various approaches to determining its value, including those that depend on the type of investment project. The purpose of this study is to develop recommendations for setting the value of the discount rate for investment projects in the field of decarbonization and resource conservation based on the generalization and comprehensive analysis of approaches. The subject of the article - methodological approaches to assessing the effectiveness of investment projects. The possibilities and limitations of using various approaches to determine the value of the discount rate are shown. In particular, the author highlights the opportunities and limitations that are most significant for projects in the field of decarbonization and resource conservation. A modified author's approach is proposed. Recommendations for determining the value of the discount rate for investment projects in the field of decarbonization and resource conservation are presented. The author's approach was tested.

Key words: investment project, discount rate, decarbonization, "green finance "green economy weighted average price of capital, investment risks, resource-saving economy, resource-saving technologies, CAPM model.

Проблемы экологического развития являются достаточно обсуждаемыми в рамках экономической науки в последнее время. Данный факт подтверждает количество научных статей, индексированных в различных базах цитирования (Web of Science, Scopus и РИНЦ) по указанному направлению за 2017–2021 г. Причина повышения интереса к подобной тематике объясняется значимостью для практической деятельности. При непринятии необходимых практических мер и отсутствии должного их научного обоснования величина потенциальных потерь от негативного воздействия на окружающую среду может привести к более значительному фактическому экономическому ущербу.

Поскольку указанные проблемы носят системный характер, наилучшей формой их решения является проектная деятельность. Примером практической реализации подобных инструментов являются инвестиционные проекты в области декарбонизации и ресурсосбережения.

В 2015 г. в рамках Всемирного экономического форума в Давосе была представлена оценка стоимости задержки мер по изменению последствий изменения климата. В основу данной оценки легли результаты 16 репрезентативных исследований. По результатам оценки наибольшие потери для экономики в ближайшее 30 лет будут наблюдаться по таким областям, как отрасли, приводящие к выбросу углерода в атмосферу, а также использующие невозобновлямые природные ресурсы. По мнении участников данного форума, на данный момент к наиболее существенным рискам мировой экономики относятся риски экологического характера [1]. В частности, в опросе предупреждается об экстремальных погодных явлениях «с большим ущербом для имущества, инфраструктуры и жизни», а также о стихийных бедствиях, ожидаемых в течение следующих десяти лет. Кроме того, отмечается вероятность утраты биоразнообразия и разрушения наземных и водных экосистем [1]. Для предот-

вращения негативного влияния по данным направлениям целесообразна разработка технологий в рамках экологических проектов, связанных с сельским хозяйством, возобновляемыми источниками энергии, экологически чистой промышленностью. Данные направления получают развития и в рамках так называемых целей устойчивого развития.

Базовым параметром любого инвестиционного проекта является ставка дисконтирования, которая позволяет осуществить приведение полученного в результате реализации проекта эффекта к определенному моменту времени. По нашему мнению, ставка дисконтирования имеет особенно важное значение для рассматриваемых в работе проектов. Объясняется это срочностью их реализации, что аналогично концепции временной стоимости денег.

В классической экономической науке вопросы определения ставки дисконтирования и обоснование ее роли в финансовом анализе исследовались у таких ученых, как Г. Марковиц, У. Шарп, Дж. Литнер, М. Миллер, Ф. Модильяни, Я. Моссин.

Вопросы определения величины ставки дисконтирования для инвестиционных проектов являются достаточно обсуждаемыми в финансовой теории и практике. Так, В. Е. Леонтьев, В. В. Бочаров и Н. П. Радковская рекомендуют применять в качестве ставки дисконтирования «приемлемое значение цены капитала» [2, с. 197]. Ученые отмечают динамичный характер данного показателя, который может изменяться, например, под воздействием инфляции. Это способно привести к итоговому сокращению эффективности проекта, что обусловлено условиями его реализации. Помимо этого, исследователями отмечается неодинаковый уровень чувствительности инвестиционных проектов к динамике данного фактора [2].

Основная практическая сложность в использовании данного подхода заключается в порядке определения цены капитала. В современной финансовой теории на данный момент являются неразрешенными вопросы оценки стоимости отдельных элементов капитала фирмы (в частно-

сти, собственного капитала). В этой связи представляется целесообразным отнести данную точку зрения к стоимостной концепции управления.

Наиболее распространенная точка зрения на роль ставки дисконтирования заключается в определении ее функционального значения как величины приведения стоимости будущих потоков к текущему моменту времени. Данного подхода придерживаются В. М. Аскинадзи, В. Ф. Максимова. Они предлагают определять значение ставки дисконтирования на основе «издержек упущенной возможности капитала» [3, с. 57]. Другими словами, в основе определения ставки дисконтирования в данном случае лежит концепция альтернативных затрат. Данный подход позволяет интерпретировать показатели оценки эффективности инвестиционных проектов, рассчитанных в рамках дисконтированного подхода.

В. М. Аскинадзи, В. Ф. Максимова в рамках своего подхода также выделяют свойство изменчивости ставки дисконтирования, но при этом дают рекомендацию об использовании одинакового значения на протяжении всего срока реализации проекта с целью упрощения расчетов. Ставка дисконтирования может применяться в равной степени как для положительных, так и отрицательных денежных потоков. В качестве количественного значения для определения ставки дисконтирования ученые используют величину инфляции [3, с. 66], при этом она должна соответствовать критериям однородности и равномерности.

Аналогичной точки зрения на природу ставки дисконтирования придерживаются А. Н. Супрун и Г. Ф. Яричина [4]. При этом методика определения ее величины у данных ученых несколько иная. В основе расчета ставки дисконтирования предлагается использовать модели WACC и CAPM. При этом авторы также отмечают возможные практические способы при определении ставки дисконтирования данными способами [4]. Аналогичными методиками определения ставки дисконтирования рекомендует пользоваться Г. Х. Ямалетдинова [5]. Достаточно интересной является рекомендация по применению корректирующих валютного и странового рисковых коэффициентов при использовании зарубежных информационных баз для проведения оценки. При этом Г. Х. Ямалет-

динова достаточно обоснованно объясняет свою позицию по вопросам искаженных оценок при применении моделей WACC и CAPM в условиях функционирования отечественных компаний. В частности, полноценное применение CAPM является возможным для рынков со значительным количеством публичных компаний с сопоставимыми акциями.

В рамках данного подхода ставка дисконтирования представляет собой «требуемую норму доходности во вложенный капитал в сопоставимые по уровню риска альтернативные инвестиции», что подтверждает необходимость учета альтернативных затрат при оценке эффективности инвестиционного проекта. При отсутствии необходимых данных в таком контексте ставка дисконтирования может приравниваться к уровню рентабельности, который планирует получить инвестор по итогам реализации проекта. Возможно установление ставки дисконтирования и в размере минимального уровня рентабельности. Существует точка зрения, согласно которой наряду с нормой прибыли следует принимать в расчет и предполагаемые риски [6].

Рассмотрению ставки дисконтирования через требуемую норму доходности посвящено исследование М. А. Барышева [7], в котором указывается на невозможность применения единого размера ставки дисконтирования для различных инвестиционных проектов. Помимо вышеописанных моделей WACC и CAPM, для определения количественного значения ставки дисконтирования ученый рекомендует использовать кумулятивный метод. Последний предполагает расчет ставки дисконтирования на основе агрегированных значений ставки доходности безрискового актива и премий по различным видам рисков. Последние чаще всего определяются на основе экспертных оценок. М. А. Барышев также допускает возможность установления величины ставки дисконтирования на основе «экспертных оценок или самостоятельно руководителями, собственниками и инвесторами, исходя из предъявляемых к инвестиционному проекту требований и анализа сложившейся ситуации» [7].

В целом к существенному преимуществу модели CAPM можно отнести возможность учета различных рисков при расчете ставки дискон-

тирования. Модель WACC является более расширенной, поскольку, помимо рисков, учитывает и затраты на привлечение капитала, используемого при реализации инвестиционного проекта.

Таким образом, основная практическая сложность в определении величины ставки дисконтирования состоит в обосновании применяемого подхода. Данная проблематика отмечается и в трудах ряда современных зарубежных исследователей [6], при этом они предлагают еще один способ определения ставки дисконтирования, основанный на расчете внутренней нормы доходности (IRR).

Все представленные подходы основаны на учете особенностей реализуемых инвестиционных проектов при установлении величины ставки дисконтирования. Из этого следует, что для рациональной оценки инвестиционного проекта целесообразно устанавливать индивидуальную величину ставки дисконтирования. К особенностям, оказывающим влияние на ставку дисконтирования для проектов в области «зеленой экономики», можно отнести следующие:

1. Экономические риски, которые определяются не только возможностью потери финансовых ресурсов, но и вероятностью изменения состояния природной среды.
2. Широкое применение государственного финансирования при реализации указанных инвестиционных проектов, что предполагает учет не только коммерческой, но и социально-экономической эффективности, а также результативности.
3. Большая чувствительность к инфляционному фактору, поскольку реализация инвестиционных проектов в области декарбонизации и ресурсосбережения осуществляется в рамках стратегических проектов, срок которых составляет от 5 до 30 лет: прогнозирование уровня инфляции в данном случае будет затруднено.
4. Применение альтернативных инструментов финансирования инвестиционных проектов в современной России, включая венчурное финансирование и краудинвестинг. Данная особенность

приводит к сложности определения размера средневзвешенной стоимости капитала, который применяется для определения ставки дисконтирования в рамках концепции альтернативных затрат.

5. Недостаточное количество проектов-аналогов.
6. Необходимость учета стоимости природных ресурсов, на оптимизацию использования которых направлен данный инвестиционный проект (например, углерода для проектов в области декарбонизации).

Исходя из выделенных черт, рассмотрим особенности определения ставки дисконтирования для рассматриваемых проектов в рамках каждого из выделенных способов (табл. 1):

Особенности определения ставки дисконтирования в различных подходах

Наименование метода	Информационная база анализа	Ограничения применения	Сфера использования	Уровень чувствительности ставки к внешней среде
Определение на основе показателя WACC	1. Бухгалтерский баланс. 2. Договора по обязательствам компании	1. Доминирование элементов капитала с неявной стоимостью. 2. Непубличный характер деятельности компании	Проекты с высоким уровнем транспарентности	Низкий
Определение на основе показателя IRR	1. План (отчет) о движении денежных средств. 2. Смета затрат на реализацию проекта	1. Определяет только «пороговое» значение эффективности проекта. 2. Приближенный характер расчетов	Наличие развитого рынка предложения альтернативных инвестиционных проектов	Средний

Определение на основе показателя CAPM	1. Характеристики внешнего рынка. 2. Описание бизнес-среды реализации проекта	1. Отсутствие аналога безрискового актива. 2. Субъективный характер оценки существующих рисков	Развитый финансовый рынок	Высокий
Экспертные оценки	1. Финансовая отчетность компании. 2. Управленческая отчетность компании	1. Недостаточный уровень квалификации экспертов. 2. Субъективный характер оценки	Внутренние проекты	Высокий
Определение на основе минимального уровня рентабельности	1. Бухгалтерский баланс. 2. Отчет о финансовых результатах	1. Наличие ретроспективных данных по предыдущим проектам. 2. Сложность в оценке рисков	Наличие значительного количества альтернативных проектов	Средний

Таблица 1

Таким образом, для определения ставки дисконтирования для инвестиционных проектов в области декарбонизации и ресурсосбережения рекомендуется учитывать следующие виды рисков:

1) инфляционный;
2) потери промышленного объекта в результате практической реализации экологических рисков;
3) ликвидности;
4) финансовых потерь вследствие снижения финансовых результатов, вызванный регулирующими ограничениями при выборе углерода;
5) систематический;
6) снижения конкурентоспособности продукции;
7) международный;
8) экологический.

Прочие риски на проекты в области декарбонизации и ресурсосбережения оказывают менее существенное влияние.

Представим числовое выражение данной ставки. Для этого рекомендуется воспользоваться следующим алгоритмом:

1. Определение минимального значения ставки дисконтирования. Исходя из особенностей инвестиционных проектов в области декарбонизации и ресурсосбережения, рекомендуется принять его на уровне прогнозируемой инфляции (в лучшем случае учитывается «временная» стоимость денегг).
2. Выбор формализованной методики оценки вышеприведенных рисков.
3. Определение количественного значения по каждому риску портфеля инвестиционного проекта.
4. Ранжирование представленных выше рисков по уровню их существенности для конкретного инвестиционного проекта. (возможна оценка с помощь методик стресс-тестирования и Монте-Карло).
5. Исключение из системы оценки рисков, имеющих низкое и умеренное влияние на проект.
6. Определение итогового значения ставки дисконтирования для анализируемого проекта.

Список литературы

1. Форум в Давосе назвал климатические катастрофы крупнейшим риском для мировой экономики // Новости и аналитика о Германии, России, Европе, мире. URL: https://inlnk.ru/WMNEG (дата обращения: 10.06.2021).

2. Леонтьев В. Е., Бочаров В. В., Радковская Н. П. Инвестиции: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019. 455 с.

3. Аскинадзи В. М., Максимова В. Ф. Инвестиции. Практикум : учебное пособие для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 347 с.

4. Яричина Г. Ф., Супрун А. Н. Ставка дисконтирования как инструмент манипуляции стоимостью проекта // Вестник КрасГАУ. 2008. № 3. С. 10–13.

5. Ямалетдинова Г. Х. Ставка дисконтирования в оценке бизнеса и инвестиционном анализе // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 4. С. 1290–1293.

6. Дин Уилсон Л. Ставка дисконтирования: игра воображения или строгая наука? // Вопросы оценки. 1996. № 4. С. 7–14.

7. Барышев М. А. Ставка дисконтирования для оценки инвестиционного проекта: понятие, необходимость применения и методик расчета // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2011. № 2 (38). С. 286–289.

8. Вычисление ставок дисконтирования // Сайт управляющей компании «Арсагера». URL: https://arsagera.ru/info-blok/arsmedia_video-materialy_-kompanii/periodicheskie_video-materialy/interaktiv_wacc_i_raschet_stavki_diskontirovaniya/ (дата обращения: 18.07.2021).

9. Галасюк В. О ставке дисконтирования и природе экономических рисков // Финансовый директор. 2007 № 2. С. 69–79.

10. Ивашковская И. В., Кукина Е. Б., Пенкина И. В. Экономически добавленная стоимость. Концепции. Подходы. Инструменты // Корпоративные финансы. 2018. № 2 (14). С. 6.

11. Лазарев А. В., Пострелова А. В. Ставка дисконтирования с учетом риска и методы ее определения // Молодой ученый. 2013. № 6. С. 373–376.

12. Михайлова Н., Кондрунина М. Обоснование ставки дисконтирования // Корпоративный менеджмент. URL: https://www.cfin.ru/finanalysis/discount_-rate.shtml (дата обращения: 18.07.2021).

13. Ример М. И., Касатов А. Д., Матиенко Н. Н. Экономическая оценка инвестиций. СПб.: Питер, 2007. 480 с.

References

1. Forum in Davos called climatic disasters the biggest risk for the world economy // News and analytics about Germany, Russia, Europe, the world. URL: https://inlnk.ru/WMNEG (date of access: 10.06.2021).

2. Leontiev V. E., Bocharov V. V., Radkovskaya N. P. Investment: Textbook and Workshop for Academic Bachelor's Degree. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 455 p.

3. Askinadzi V. M., Maksimova V. F. Investments. Practicum: textbook for universities / 2nd ed., Revised. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 347 p.

4. Yarichina G. F., Suprun A. N. Discount rate as a tool for manipulating the project cost // Bulletin of KrasGAU. 2008. No. 3. Pp. 10–13.

5. Yamaletdinova G. Kh. Discount rate in business valuation and investment analysis // Bulletin of the Bashkir University. 2010.Vol. 15, No. 4. Pp. 1290–1293.

6. Dean L. Wilson Discounting Rate: Imagination or Rigorous Science? // Assessment questions. 1996. No. 4. Pp. 7–14.

7. Baryshev M. A. Discount rate for evaluating an investment project: concept, necessity of application and calculation methods // Bulletin of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2011. No. 2 (38). Pp. 286–289.

8. Calculation of discount rates // Site of the management company "Arsagera". URL: https://arsagera.ru/info-blok/arsmedia_video-materialy_kompanii/periodicheskie_video-materialy/interaktiv_wacc_i_raschet_stavki_diskontirovaniya/ (date of access: 18.07.2021).

9. Galasyuk V. On the discount rate and the nature of economic risks // Financial Director. 2007. No. 2. Pp. 69–79.

10. Ivashkovskaya I. V., Kukina E. B., Penkina I. V. Economically added value. Concepts. Approaches. Instruments // Corporate Finance. 2018. No. 2 (14). P. 6.

11. Lazarev A. V., Postrelova A. V. Discount rate taking into account risk and methods of its determination // Young Scientist. 2013. No. 6. Pp. 373–376.

12. Mikhailova N., Kondrunina M. Substantiation of the discount rate // Corporate management. URL: https://www.cfin.ru/finanalysis/discount_rate.shtml (date of access: 18.07.2021).

13. Rimer M. I., Kasatov A. D., Matienko N. N. Economic evaluation of investments. SPb .: Peter, 2007. 480 p.

УДК/UDC 339.5 +338.2

Продвижение товаров в условиях пандемии: вызовы и возможности

Кондратенко Юлия Николаевна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и международного менеджмента
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: julkon@yandex.ru
SPIN-код: 5887-1810

Аннотация

В работе исследуется влияние пандемии COVID-19 на деятельность российских предприятий сегмента B2B в сфере продвижения продукции на зарубежные рынки. В качестве основных вызовов пандемии для данных компаний определены ограничение очного взаимодействия с клиентами и невозможность использования техники личных продаж, быстро меняющиеся потребности клиентов и технические сложности с проведением оплат и доставкой товара. На примере одного из ведущих предприятий-экспортеров Свердловской области - «Уральский оптико-механический завод» - рассмотрены цифровые технологии и новые методы продвижения продукции, внедренные на предприятии после начала пандемии и позволившие сохранить партнеров и получить новые возможности для успешного выхода на зарубежные рынки. Также проведено сравнение эффективности стандартных очных схем продвижения товаров и новых цифровых технологий.

Ключевые слова: продвижение, пандемия, рынок B2B, личные продажи, цифровые технологии.

Product promotion in a pandemic: challenges and opportunities

Kondratenko Yuliya Nikolayevna
Candidate of Economics, assistant professor, assistant professor of the Department of Marketing and International Management
Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russia
e-mail: julkon@yandex.ru
SPIN Code: 5887-1810

Abstract

The paper examines the impact of the COVID-19 pandemic on the activities of Russian enterprises in the B2B segment in the field of promoting products to foreign markets. The main challenges of the pandemic for these companies are the limitation of face-to-face interaction with customers and the inability to use personal sales techniques, the rapidly changing needs of customers and technical difficulties in making payments and delivering goods. On the example of one of the leading exporting enterprises of the Sverdlovsk region "Ural Optical and Mechanical Plant digital technologies and new methods of product promotion, introduced at the enterprise after the start of the pandemic, were considered. They made it possible to retain partners and gain new opportunities for successful entry into foreign markets. We also compared the effectiveness of standard face-to-face schemes for promoting goods and new digital technologies.

Key words: promotion, pandemic, B2B market, personal selling, digital technologies.

Пандемия коронавирусной инфекции оказала существенное влияние на ведение бизнеса, изменила поведение потребителей и заставила субъектов предпринимательской деятельности по-новому взглянуть на такой вид маркетинговой деятельности, как продвижение. Самоизоляция привела к формированию новых моделей поведения потребителей - предпочтение онлайн-покупок, увеличение потребления цифрового контента, рост технической грамотности, склонность к небольшим покупкам. При этом ограничение передвижения через государственные границы, карантины в большинстве стран мира, переориентация бюджетов на закуп-

ку медицинского оборудования, помогающего бороться с COVID-19, и отмена или перенос всех остальных закупок привели к значительному снижению объемов продаж у многих организаций.

Например, крупнейший производитель титана — ПАО «Корпорация ВСМПО-Ависма», которая обеспечивала до 35% всех потребностей в титане Boeing Company, 65% —Airbus SE и 100% — Embraer столкнулась с резким снижением спроса на новые самолеты, что отразилось на производстве титана. Чтобы не допустить перепроизводства, ПАО «Корпорация ВСМПО-Ависма» сократила производственный план на 2020 г. с 39 тыс. до 26,5 тыс. т товарной титановой продукции. В конце июня 2020 г. корпорация перевела на режим неполной занятости более 10 тыс. сотрудников (около 50% штата) [1].

Из-за сокращения заказов на трехдневную рабочую неделю с 1 июля 2020 г. вынужден был перейти ООО «Нижнетагильский завод металлоконструкций», были заморожены переговоры и подписания контрактов, остановилось заключение новых сделок, а т. к. завод является предприятием с длительным циклом производства, то это существенно повлияло на загрузку заводов [2].

Особенно сильно пандемия повлияла на предприятия, занимающиеся внешнеэкономической деятельностью и работающие в сегменте B2B. Если B2C сегмент уже давно активно использует цифровые инструменты и онлайн-формат, то предприятия B2B сегмента в большинстве своем работают по традиционным схемам: даже при наличии сайта товары часто выбираются через каталог, заказ осуществляется по письму или звонку, заявки обрабатываются вручную и сопровождаются зачастую неоднократными переговорами, презентации продукции проводятся лично на выставках или в ходе переговоров. Электронная B2B торговля в России пока не очень развита, рынок практически не автоматизирован и очень мало существует B2B маркетплейсов, т. к. все традиционно держится на личных контактах менеджеров по продажам. В связи с этим пандемия весьма серьезно затронула маркетинговые коммуникации предприятий B2B сферы.

Дж. Бернет, С. Мориарти понимают под маркетинговыми коммуникациями процесс передачи информации о товаре целевой аудитории [3]. Главная задача маркетинговых коммуникаций заключается в развитии и интегрировании действий организации по реализации ее сбытовых целей [4].

Маркетинговые коммуникации участвуют на всех этапах сделки с покупателем:

1) знакомят с продуктом и формируют потребность,
2) помогают определиться с выбором в момент покупки,
3) способствуют правильному использованию продукта,
4) стимулируют дальнейший спрос,
5) формируют лояльность к бренду.

К основным элементам маркетинговых коммуникаций обычно относят рекламу, стимулирование сбыта, личные продажи, связи с общественностью, директ-маркетинг и методы BTL.

В B2B сегменте процесс принятия решения о приобретении различных товаров осуществляется коллективно и зависит от ряда факторов, например репутации компании-поставщика, высокого уровня доверия, который достигается за счет активного личного взаимодействия между менеджерами компаний. По статистике в B2B сегменте лишь 2% продаж могут произойти при первом контакте продавца и покупателя. Обычно это относится к ситуациям, когда потребитель точно знает, что он хочет, и приобретается небольшой объем. Остальные 98% (включая все крупные продажи) происходят только после выстраивания доверительных отношений с потенциальными партнерами [5]. Построение же доверия требует большого количества взаимодействий. Например, сотрудники Xerox осуществляли в среднем 48 встреч, чтобы совершить сделку, а после внедрения метода SPIN-продаж их количество сократилось до 22 [6].

Основным способом продвижения в B2B сегменте является проведение конференций, семинаров, презентаций и выставок, организуемых как для существующих клиентов - юридических лиц, так и для потен-

циальных партнеров. Именно за счет личного взаимодействия и прямых контактов на этих мероприятиях компании получали возможность не только провести презентации товара, но и установить первичные связи, закрепить имеющиеся, а также провести очные переговоры по крупным сделкам и проектам.

Пандемия же поставила перед предприятиями B2B сегмента целый ряд барьеров, ограничивающих личное взаимодействие. К основным вызовам пандемии, затрагивающим продвижение и продажу товаров, можно отнести следующие:

1) неопределенность - отсутствие точных дат завершения карантина, постоянно меняющаяся ситуация на разных рынках;
2) сложности с проведением платежей из-за удаленной работы
3) невозможность оперативного решения технических сбоев;
4) отмена большого количества выставочных и иных очных мероприятий для продвижения;
5) ограничение или полная остановка личных продаж;
6) сложности с доставкой товаров из-за отмен рейсов и закрытия границ;
7) заполнение складов товарами, невостребованными в условиях пандемии;
8) быстро меняющиеся потребности клиентов из-за нестабильной ситуации в мире;
9) активизация поиска информации о компаниях и продуктах в информационно-коммуникационной сети «Интернет» (далее по тексту - интернет).

Примечательно, что и до пандемии по статистике 95% покупателей выбирали того продавца, который предоставил им достаточно информации для принятия решения о покупке, а 68% клиентов ощущали возросшую лояльность к бренду после того, как нашли на его сайте все, что их интересовало. В условиях же пандемии поиск информации в интернете стал одним из основных способов для выбора товара или поставщика.

Однако, создав данные ограничения, пандемия при этом подтолкнула многие предприятия и к открытию новых возможностей. Например, в США во время пандемии выросли продажи жилых автофургонов: по сравнению с предыдущими годами они увеличились более чем на 600%. А поскольку большинство клиентов, купивших фургоны, будут пользоваться ими в дальнейшем неоднократно, это означает возможность выхода на рынок новых продуктовых линеек [7].

Кроме того, очень часто руководители отделов продвижения и продаж стремятся избегать серьезных преобразований, пока к ним не вынуждают внешние обстоятельства, т. к. реструктуризации или сокращения могут при неправильной организации приводить к проблемам в работе команды, ухудшать отношения с клиентами и сокращать выручку. Пандемия же, хотя и создала многочисленные проблемы и сложности, стала тем внешним обстоятельством, которое подтолкнуло многие компании к переменам. И если сначала изменения и принятые ограничения рассматривались предприятиями как временные, то в последнее время наблюдается принятие новых подходов и инструментов на постоянной основе.

Согласно исследованию, проведенному консалтинговым агентством «Герань и Партнеры» совместно с Канадской деловой ассоциацией в России и Евразии, по итогам опроса российских и зарубежных компаний из различных секторов бизнеса были получены следующие результаты по влиянию пандемии на систему маркетинговых коммуникаций в компаниях:

1) 56% респондентов отметили, что COVID-19 повлиял на подход к внешним коммуникациям;
2) наиболее эффективными респонденты считают собственные каналы в YouTube и Telegram (33%) и онлайн-мероприятия (26%);
3) часть респондентов пересмотрели бюджеты в пользу онлайн-мероприятий (25% было отдано собственным каналам, 20% - связям с прессой и 15% - SMM) [8].

Для участников рынка важным стало «следовать» за своим клиентом, создавая такую коммуникацию, которая будет комфортной для потребителя в моменте, и при этом проявлять гибкость и скорость из-за постоянно меняющейся внешней среды.

На примере одного из ведущих предприятий-экспортеров Свердловской области (АО «Уральский оптико-механический завод») рассмотрим, какие возможности и новые способы продвижения продукции были найдены в условиях пандемии.

АО «Производственное объединение "Уральский оптико-механический завод" им. Э. С. Яламова» (далее по тексту - «УОМЗ») - предприятие Свердловской области, входящее в холдинг «Швабе» ГК «Ростех» и активно занимающееся экспортной деятельностью. Медицинское оборудование «УОМЗ» имеет международные сертификаты качества и поставляется на экспорт в более чем 80 стран мира.

В период пандемии объемы экспорта предприятия снизились на 20%, что было обусловлено следующими факторами:

1) бюджеты большинства стран были перераспределены в пользу закупки продукции, помогающей бороться с последствиями вируса и, как результат, были отменены или перенесены 87% всех тендеров, в которых принимало участие предприятие;
2) из-за закрытия границ произошла отмена части регулярных рейсов и возникли проблемы с доставкой уже законтрактованной и оплаченной продукции;
3) стоимость доставки грузов выросла более чем в два раза, что сделало часть сделок нерентабельными;
4) требования к обязательной сертификации продукции не позволили быстро вывести на международный рынок часть изделий, специально разработанных для борьбы с COVID-19 (например, узлы подготовки кислорода, пульсоксиметры и др.);
5) введение временного запрета согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 2 марта 2020 г. на экспорт отдельных видов продукции не позволило организовать постав-

ки на экспорт наиболее востребованных на тот момент изделий (в частности, аппаратов искусственной вентиляции легких) [9].

Главные инструменты для продвижения оборудования «УОМЗ» как на внутренние, так и на внешние рынки были следующие:

1) участие в выставках и конгрессах (ежегодно не менее 10 выставок, как со своим стендом, так и через дистрибьюторов);
2) активная рассылка предложений и «холодные» звонки по методу follow-up;
3) техника личных продаж с использованием переговорных тактик (SPIN, AIDA, ПЗП, SNAP и др.);
4) проведение очных презентаций конечным потребителям (в госпиталях - для медицинского оборудования, в кадастровых учреждениях - для геодезической продукции).

Вывод на новый рынок медицинского оборудования требует достаточно больших финансовых затрат, принятия решений на многих уровнях в компании-производителе, в т. ч. с учетом внешних возможностей, неоднократных контактов с потенциальными дистрибьюторами [10]. Потерять же завоеванные позиции можно очень быстро. С целью сохранения экспортной деятельности «УОМЗ» принял ряд мероприятий для поддержания работы департамента продвижения и продаж в условиях пандемии.

Меры, предпринятые на «УОМЗ» для продолжения успешной деятельности в условиях кризиса, указаны в табл. 1.

Мероприятия «УОМЗ» по борьбе с вызовами пандемии COVID-19

№	Проблема	Мероприятия
1	Невозможность использования техники личных продаж	1) проведение обучения менеджеров по продвижению и продажам техникам удаленной работы; 2) установка программ Zoom, Skype, Cisco, а также камер и микрофонов на ПК менеджеров для проведения онлайн-переговоров и презентаций; 3) упрощение процедуры размещения заказов через сайт; 4) расширение инструментов follow-up (помимо телефонных звонков и писем добавлены Instagram, новостные рассылки с сайта, вебинары с потенциальными клиентами)
2	Отмена международных выставок и конгрессов	1) регистрация на площадках онлайн-выставок продолжительностью от 30 дней до года и более (пример, MedicalExpo - онлайн-выставка для продвижения медицинского оборудования); 2) активное участие в видеоконференцсвязи и онлайн-бизнес-миссиях, организуемых торговыми представительствами, Торгово-промышленной палатой Российской Федерации, Российским экспортным центром и отраслевыми министерствами
3	Сокращение бюджетов на закупку, снижение покупательной способности клиентов	1) разработка многофакторной гибкой системы скидок в зависимости от ситуации на рынке, объема сделки, важности проекта, лояльности клиента в определенный момент времени (адресное предоставление скидок, а не массовая рассылка акций); 2) коммерческое предложение с элементами калькулятора-визуализатора и с возможностью формирования индивидуальной комплектации заказчиком; 3) адресная рассылка специальных предложений (в течение года); 4) стимулирующие новости в социальных сетях и на сайте
4	Невозможность очных опросов для определения уровня удовлетворенности клиентов	1) проведение опросов в рамках Instagram в течение года по разным информационным поводам (до 7–10 в год); 2) проведение автоматизированного анкетирования по ссылкам на выставочных платформах (на постоянной основе)
5	Невозможность выезда для оказания помощи партнеру в установке сложного оборудования	создание видеоинструкций по сборке и монтажу оборудования
6	Невозможность выезда специалистов для проведения обучения конечных потребителей и сервисных тренингов для дистрибьюторов	проведение онлайн-обучений и консультаций

Таблица 1

Данные меры позволили поддержать продажи продукции, избежать сокращения персонала, не потерять связь с существующими партнерами и привлечь немного новых клиентов. В дальнейшем на предприятии планируется продолжать работу по внедрению цифровых инструментов в двух направлениях: роботизация коммуникаций и внедрение площадок для торговли онлайн.

Однако если сравнивать очное и заочное взаимодействие, то за 2019 г. с помощью очных мероприятий предприятию удалось найти 34 новых партнера и заключить 18 крупных сделок, тогда как дистанционные средства позволили в 2020 г. найти только 11 новых партнеров и заключить 2 крупных сделки.

Таким образом, можно сделать вывод, что не для всех случаев подходят дистанционные средства для взаимодействия с клиентами.

Высокую эффективность онлайн-инструменты для продвижения товаров показывают в случаях, когда требуется обмен стандартизированной информацией, приобретение серийной/стандартной продукции, общение с покупателями, которые знают, что им нужно (например, повторные покупки), а также для самостоятельного изучения продукта покупателем до первого контакта с продавцом.

При этом для заказов, требующих обсуждения, креативности и совместной работы, для приобретения нестандартной продукции и сложного оборудования, а также для покупателей, которые не понимают своих потребностей и подвергаются влиянию разных лиц при принятии решения о покупке, очень высокую эффективность сохраняют способы личного взаимодействия.

В целом дополнение традиционных схем цифровыми инструментами позволило «УОМЗ» поддержать продажи в условиях пандемии, сохранить экспорт и ускорить ряд бизнес-процессов, дав возможность собирать и обрабатывать больший массив данных и экономить средства на очных мероприятиях. Однако полный отказ от стандартных схем личного общения при продвижении товаров в B2B сегменте представляется на данном этапе невозможным и для каждого предприятия актуальным

остается нахождение оптимального баланса между цифровыми и традиционными инструментами.

Список литературы

1. Трифонова П «ВСМПО-Ависма» на треть сократит производство титана // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/04/18/828381-proizvodstvo-titana (дата обращения: 07.06.2021).

2. Яблонский Н. Испытание коронавирусом. Как уральская промышленность работает в пандемию // Коммерсантъ. № 119. 09.07.2020.

3. Бернет Дж., Мориарти С. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход / Пер. с англ. под ред. С. Г. Божук. СПб.: Питер, 2001. 864 с.

4. Тарасова Е. Е., Воронин Я. М. Роль Интернет-рекламы в системе маркетинговых коммуникаций // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2008. № 3 (27). С. 5–14.

5. Золтнерс А., Синха П., Лоример С., Морган К. Что нужно менять в отделах продаж прямо сейчас // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/11/24/848129-nuzhno-menyat (дата обращения: 19.05.2021).

6. Рекхэм Н. СПИН-продажи. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. 161 с.

7. Уинтерс Д. Что делать, чтобы не остаться без B2B-продаж во время кризиса // Harvard Business Review. URL: https://hbr-russia.ru/marketing/prodazhi/836303 (дата обращения: 21.05.2021).

8. Как пандемия COVID-19 повлияла на подход компаний к внешним коммуникациям? // Герань и Партнеры. URL: https://geranandpartners.com/analytics/kak-pandemiya-covid-19-povliyala-na-podhod-kompanij-k-vneshnim-kommunikacziyam/ (дата обращения: 05.06.2021).

9. Simon J. E. Talking coronavirus // Prepared by the Global Trade Alert Team University of St. Gallen, Switzerland, 2020. URL: file:///C:/Users/ikondratenkoun/Downloads/TacklingCoronavirus.pdf (дата обращения: 05.06.2021).

10. Саяпина К. В. Вывод инновационных продуктов на внешние рынки: эмпирический анализ рынка медицинского оборудования // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 3. С. 80–87.

References

1. Trifonova P VSMPO-Avisma will cut titanium production by one third // Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/04/18/828381-proizvodstvo-titana (access date: June 07, 2021).

2. Yablonsky N. Test with coronavirus. How the Ural industry works in a pandemic // Kommersant. No. 119. 09.07.2020.

3. Burnet J., Moriarty S. Marketing communications: an integrated approach / Per. from English ed. S. G. Bozhuk. SPb.: Piter, 2001. 864 p.

4. Tarasova E. E., Voronin Ya. M. The role of Internet advertising in the system of marketing communications // Bulletin of Belgorod University of Consumer Cooperatives. 2008. No. 3 (27). Pp. 5–14.

5. Zoltners A., Sinha P., Lorimer S., Morgan K. What needs to be changed in sales departments right now // Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/11/24/848129-nuzhno-menyat (date of access: 19.05.2021).

6. Reckham N. SPIN Sales. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2008. 161 p.

7. Winters D. What to do in order not to be left without B2B sales during the crisis // Harvard Business Review. URL: https://hbr-russia.ru/marketing/prodazhi/836303 (date of access: 05/21/2021).

8. Sverdlova A. Pandemic and external communications: new challenges and new opportunities // Internet publication about business, startups, innovations, marketing and technologies URL: https://vc.ru/marketing/127863-pandemiya-i-vneshnie-kommunikacii-novye-vyzovy-i-novye-vozmozhnosti (date of accessed: 05.06.2021).

9. Simon J. E. Talking coronavirus // Prepared by the Global Trade Alert Team University of St. Gallen, Switzerland, 2020. URL: file: /// C: /Users/ikondratenkoun/Downloads/TacklingCoronavirus.pdf (date of access: 05.06.2021).

10. Sayapina K. V. Bringing innovative products to foreign markets: an empirical analysis of the medical equipment market // Strategic decisions and risk management. 2018. No. 3. Pp. 80–87.

УДК/UDC 338.22

Разработка городской (районной) программы развития малого предпринимательства на примере сети женских консультаций ООО «Медок»

Мигалева Елена Андреевна
медицинская сестра
ООО «Медок»
г. Москва, Россия
e-mail: kinder1988@list.ru

Аннотация

Малое предпринимательство имеет значительные перспективы развития, что объясняется рядом обстоятельств. Среди различных факторов, способствующих развитию малого бизнеса и создающих потенциальные возможности для его роста, можно выделить несколько основных: структурно-технологическая перестройка производства, распространение информационных технологий, бурное развитие экономики, основанной на знаниях; изменения в социально-экономической структуре общества, приоритетах потребителей, отношении к труду; изменения в политике и организационной структуре крупных корпораций, которые направлены на предоставление максимальной самостоятельности филиалам и дочерним компаниям, развитие субподрядных отношений с малым бизнесом, включая инновационно-венчурные фирмы; стимулирующая политика, проводимая в различных странах мира, включающая предоставление различных финансовых и фискальных льгот и другой помощи малому и среднему предпринимательству; развитие интеграционных процессов и глобализация мировой экономики, что связано с либерализацией рынков, уменьшением торговых, инвестиционных и других ограничений. Была исследована возможность создания малого предпринимательства на примере сети женских консультаций ООО «Медок», разработан SWOT-анализ предприятия.

Ключевые слова: малое предпринимательство, программа, внешняя среда, неблагоприятные факторы, экономические барьеры.

Elaboration of a city (district) program for the development of small business on the example of the network of women's consultation centers "Medoc"LLC.

Migaleva Yelena Andreyevna
Nurse
LLC "MEDOK"
Moscow, Russia
e-mail: kinder1988@list.ru

Abstract

Small business has significant development prospects, which is explained by a number of circumstances. Among the various factors contributing to the development of small business and creating potential opportunities for its growth, several main ones can be distinguished: structural and technological restructuring of production, the spread of information technologies, the rapid development of the knowledge-based economy; changes in the socio-economic structure of society, consumer priorities, attitudes towards work; changes in the policy and organizational structure of large corporations, which are aimed at providing maximum independence to branches and subsidiaries, the development of subcontracting relations with small businesses, including innovative venture firms; stimulating policies carried out in different countries of the world, including the provision of various financial and fiscal benefits and other assistance to small and medium-sized enterprises; the development of integration processes and the globalization of the world economy, which is associated with the liberalization of markets, a decrease in trade, investment and other restrictions. The possibility of creating a small business was investigated on the example of the network of women's consultations of LLC "Medoc a SWOT analysis of the enterprise was developed.

Key words: small business, program, external environment, adverse factors, economic barriers.

Малый бизнес как система хозяйствования стала зарождаться в современной России в конце 1980-х гг. Начало развития малому бизнесу положил Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности»

1986 г. и Закон «О кооперации» 1988 г. За ними было принято много других нормативно-правовых актов, регулирующие сферу малого и среднего предпринимательства.

Существенный вклад в исследование фигуры предпринимателя в течение XVIII–XX вв. сделали известные западные экономисты А. Смит, Д. Рикардо, Ж. Б. Сей, И. фон Тюнен, Ф. Найт, А. Маршал и другие. Основой современных западных концепций являются теоретические разработки Й. Шумпетера, Ф. Хайека, М. Вебера, В. Зомбарта, а также представителей неоавстрийской школы. Все теории связывают предпринимательство с инновациями, поиском и использованием новых возможностей, а также сходятся на том, что главной целью предпринимателя является максимизация прибыли.

Официально к субъектам малого предпринимательства относятся коммерческие организации, в которых средняя численность работающих не превышает 100 человек в промышленности, строительстве, транспорте, 60 человек - в сельском хозяйстве и научно-технического сфере, 30 человек - в бытовом обслуживании и розничной торговли, 50 - в других отраслях.

При этом доля организаций и юридических лиц, не являющихся субъектами малого предпринимательства, в уставном капитале малого предприятия не превышает 25%. Официальная статистика свидетельствует, что пока малый бизнес не получил широкого распространения в стране. В России сегодня работает менее одного миллиона малых предприятий (далее по тексту - МП).

Доля ВВП, создаваемого на малых и средних предприятиях, составляет лишь 15%. Малое и среднее предпринимательство (далее по тексту - МСП) обеспечивает рабочими местами лишь 13% от общего количества работающих. Малый бизнес в России в основном концентрируется в сфере обслуживания и торговли. Количество предприятий, разрабатывающих и внедряющих новые технологии, выпускающих принципиально новую продукцию, совсем невелико. Потенциал малого предпринимательства остается нереализованным. Существуют серьезные эконо-

мические и административные барьеры для создания и развития новых небольших предприятий [1].

Осознавая важность той роли, которую может сыграть малый бизнес в развитии экономики страны, российское государство пытается проводить политику, направленную на развитие малого бизнеса. Были приняты специальные Федеральные законы («О государственной поддержке малого предпринимательства», «Об упрощенной системе налогообложения, отчетности и учета для субъектов малого бизнеса»), федеральные программы развития малого предпринимательства, другие нормативно-правовые документы, в которых определялись основные направления, средства и методы поддержки МСП.

Однако на практике государственная политика в сфере развития малого бизнеса оказалась лишь декларативной. Меры, которые принимались, имели непоследовательный половинчатый характер, они не ликвидировали существующих административных, экономических и других барьеров на пути развития малого предпринимательства.

Цель статьи - исследовать возможности малого предпринимательства и аргументировать создание программы развития малого предпринимательства на примере сети женских консультаций ООО «Медок».

Так, существующая налоговая система вместо того, чтобы способствовать развитию малого бизнеса, заставляет предпринимателей или закрывать компании, или уходить в «тень». Она является тормозом в развитии МСП на всех стадиях его жизненного цикла. По отдельным подсчетам величина налоговых изъятий вместе с платежами во внебюджетные фонды и другими обязательными отчислениями существенно превышают критический уровень в 45–50% ВВП, при котором функционирование предприятий становится просто убыточным. Во многих случаях, в т. ч. в связи с особенностями местного бюрократизма, бремя финансовых отчислений становится непомерным для малого бизнеса.

Финансовая поддержка со стороны государства также практически не ощущается. Во-первых, кредитные ресурсы достаточно дорогие и имеют краткосрочный характер. Во-вторых, в бюджете постоянно не хва-

тает средств. В-третьих, бюджетные ассигнования, выделяемые малым фирмам, часто не доходят до конкретных предприятий, а застревают в уполномоченных банках. В-четвертых, система государственного гарантирования займов малого бизнеса не имеет смысла в условиях высоких процентных ставок [2].

Попытки создать государственные и частные институты для поддержки малого бизнеса также не имели серьезных результатов. Была «похоронена» идея создания ассоциации банков для кредитного обслуживания МП. Безответственность и бесконтрольность скомпрометировали многие фонды поддержки предпринимательства, которые предоставляли льготные кредиты МП, гарантии по банковским кредитам, обеспечивали МП оборудованием через лизинговые операции.

Таким образом, хотя в России формально действует система государственной поддержки субъектов малого предпринимательства, на практике пока государство не может обеспечить устойчивое развитие малого бизнеса в стране. К тому же, малый бизнес рассматривается сегодня как один из возможных дополнительных, а не основных факторов, влияющих на уменьшение безработицы, насыщение определенных сегментов рынка товарами и услугами, развитие конкуренции, активизацию инновационных процессов.

Создание благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства является одним из приоритетных направлений региональной политики. Средства, вложенные в поддержку предпринимательства, способствуют решению проблем занятости населения и ослаблению социальной напряженности, насыщению рынка товарами и услугами. Не секрет, что субъекты малого и среднего предпринимательства сталкиваются с определенными трудностями: их доступ к банковским кредитным ресурсам ограничен, отсутствует механизм самофинансирования, сказывается нехватка квалифицированных кадров, имеют место организационные проблемы взаимодействия малого бизнеса с рынком и структурами власти.

Для решения этих и других проблем, для сохранения уже существующих и создания новых субъектов предпринимательской деятельности, увеличения количества рабочих мест и налоговых поступлений МСП необходимо постоянно оказывать организационно-техническую, финансовую и имущественную поддержку разного уровня. Преодоление проблем развития МСП возможно путем объединения усилий самих предпринимателей, руководителей небольших предприятий, органов государственной власти и местного самоуправления [3].

МСП имеет целый ряд специфических экономических свойств, которые в своей совокупности формируют экономический потенциал сектора МСП, а именно: способность сравнительно быстро создавать рабочие места; гибкость в плане адаптации к новым рыночным требованиям (что имеет особое значение в период глубоких структурных изменений); высокий инновационный потенциал благодаря узкой специализации производства; способность идентифицировать новые рынки благодаря наличию потенциала расширения производства и выхода на внешние рынки. Именно поэтому стратегической целью государственной политики является реализация потенциала МСП.

Основными проблемными вопросами развития предпринимательства являются:

1) нестабильность и противоречивость в действующих законах и нормативных документах, регламентирующих предпринимательскую деятельность;
2) сложность и продолжительность получения обязательных разрешений и согласований;
3) недостаточная помощь предпринимательству со стороны государства, незащищенность предпринимателей и их бизнеса;
4) недостаток собственных оборотных средств и трудности с получением финансово-кредитной помощи, высокая стоимость заемных средств;
5) незначительное бюджетное обеспечение мероприятий по поддержке этого важного сектора экономики;

6) дефицит инвестиционных ресурсов;
7) недостаток профессиональных знаний и опыта у предпринимателей, отсутствие знаний по осуществлению маркетинга и современного менеджмента для организации производства и сбыта продукции и пассивности по приобретению таких знаний, что негативно влияет на структуру МСП, которое тяготеет к торгово-посреднической деятельности, а не к производству;
8) несовершенство системы защиты прав потребителей;
9) социальная незащищенность наемных работников, низкий уровень среднемесячной заработной платы;
10) высокий уровень «тенизации» предпринимательской деятельности и трудовых отношений работодателей с наемными работниками;
11) низкая конкурентоспособность товаров, работ и услуг [1].

В ходе аналитической работы по разработке программы развития малого предпринимательства был проведен SWOT-анализ. Определены внутренние (сильные и слабые стороны) и внешние (благоприятные возможности и угрозы) факторы, сдерживающие развитие предпринимательской деятельности. Основные задачи SWOT-анализа: выявление благоприятных возможностей, определение угроз и разработка мероприятий по обезвреживанию их влияния, выявление сильных сторон и сопоставление их с рыночными возможностями, определение слабостей и разработка стратегических направлений их преодоления, выявление конкурентных преимуществ организации и формирование ее стратегических приоритетов.

Сильные стороны:

1) выгодное транспортное и географическое положение;
2) наличие свободного земельного ресурса;
3) налаженная система розничной торговли;
4) отсутствие давления со стороны местной власти и ее установка на развитие предпринимательства, в т. ч. путем ведения конструктивного диалога с бизнесом через функционирование

консультативно-совещательных органов по вопросам ведения предпринимательской деятельности;

5) обеспечение прозрачности, гласности, доступности и открытости при осуществлении государственной политики в сфере дерегуляции предпринимательской деятельности.

Слабые стороны:

1) неравномерность развития малого бизнеса;
2) низкий уровень иностранных и внутренних инвестиций, в т. ч. из-за отсутствия государственной гарантии инвестиций;
3) высокий уровень налогового бремени;
4) «тенизация» бизнеса;
5) избыточная бюрократизация административных процедур, отсутствие четких критериев определения их стоимости;
6) отсутствие стартового капитала для открытия бизнеса и нехватка оборотных средств для его развития;
7) низкий уровень использования инновационных технологий, сложность их внедрения, а также отсутствие экономической мотивации к инвестированию в наукоемкие проекты;
8) низкий уровень гармонизации отечественных стандартов с мировыми;
9) нехватка квалифицированной рабочей силы определенных профессий, особенно узких специализаций (несоответствие между спросом и предложением на местном рынке труда);
10) слабая активность представителей местных общественных организаций, объединений предпринимателей в обсуждении проектов нормативно-правовых актов по вопросам регулирования предпринимательской деятельности и их пассивность в получении информации и знаний относительно действующего законодательства;
11) отсутствие системы формирования органами местного самоуправления межсекторного сотрудничества (бизнес-власть-общество).

Возможности:

1) внедрение энергосберегающих технологий;
2) привлечение внешних инвестиций;
3) снижение административных барьеров для развития предпринимательства, проведение анализа действующих нормативно-правовых актов органов местного самоуправления относительно их соответствия принципам государственной регуляторной политики;
4) реформирование отрасли образования в направлении увеличения количества и качества подготовки узких специалистов.

Угрозы:

1) дестабилизация общественно-политической ситуации в стране и, как следствие, снижение уровня инвестиционной привлекательности;
2) усиление риска разбалансировки валютного рынка на фоне роста девальвационных ожиданий у субъектов хозяйственной деятельности, подогретого спекулятивными проявлениями на внутреннем валютном рынке, и формирования существенных проблем в банковской сфере;
3) недоступность кредитных ресурсов из-за их высокой стоимости;
4) повышение стоимости горючесмазочных материалов (и, как следствие, коммунальных услуг и расходов на транспортировку) и энергоносителей;
5) снижение покупательной способности населения;
6) ухудшение демографической ситуации;
7) невозможность выполнения предусмотренных программами развития предпринимательства мероприятий в полном объеме недостаточности финансирования;
8) снижение уровня знаний руководителей субъектов предпринимательства по действующей законодательной базе основ ведения бизнеса.

Поскольку по количеству пунктов в SWOT-анализе преобладают слабые стороны и угрозы, мерами программы комплексно учтены сильные стороны и предусмотрены возможности с целью максимального содействия в решении проблемных вопросов развития субъектов предпринимательства [4].

Два критических вопроса - улучшение бизнес-климата и поддержка предпринимательства - как решающие факторы для развития предпринимательства, которые в совокупности будут способствовать достижению основной цели программы. Именно эти решающие факторы определили стратегию развития бизнеса и основные направления поддержки предпринимательства:

1. Составление нормативного регулирования предпринимательской деятельности.
2. Финансово-кредитная поддержка.
3. Инвестиционная поддержка.
4. Ресурсное и информационное обеспечение, формирование инфраструктуры.

Реализация мероприятий программы развития малого предпринимательства способствует:

1) увеличению количества субъектов малого предпринимательства (юридических и физических лиц) по различным видам деятельности;
2) обеспечению увеличения доли поступлений в бюджет от деятельности малого предпринимательства;
3) созданию новых рабочих мест;
4) увеличению количества самозанятого населения и привлечению безработных граждан к предпринимательской деятельности;
5) улучшению качества обслуживания и расширения сферы предоставления услуг;
6) укреплению общественного мнения относительно положительного социального статуса предпринимателя;

7) улучшению деятельности объектов инфраструктуры поддержки малого предпринимательства;
8) уменьшению диспропорций в развитии предпринимательства;
9) повышению качества предоставления административных услуг в центре предоставления административных услуг с целью уменьшения затрат средств и времени субъектов малого предпринимательства, связанных с получением разрешительных документов.

Можно сделать вывод, что в результате деятельности ООО «Медок» будет не только увеличено поступление в бюджет города, но и повышено качество предоставления медицинских услуг для беременных, что, в свою очередь, приведет к улучшению демографической ситуации.

Список литературы

1. Губанова М. С., Жуковская Е. А. Малое предпринимательство и критерии определения субъектов малого и среднего предпринимательства // В сборнике: Современные проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса региона. Сборник трудов научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. 2019. С. 160–163.

2. Rasel M., Panikarova S. V. Small and Medium-Sized Enterprise: Problems and Development Prospects: A Reflective Analysis // В сборнике: Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2020. С. 242–249.

3. Павлович Е. С. Проблемы применения МСФО для малого и среднего бизнеса субъектами малого предпринимательства России // Бухгалтерский учет, анализ и аудит: проблемы теории и практики. Материалы V научной конференции регионального уровня для студентов, магистрантов и аспирантов. 2019. С. 39–42.

4. Одинцова К. А. Экономическая сущность и содержание понятия «малое предпринимательство» («малый бизнес») // Modern Science. 2020. № 3-3. С. 66–73.

References

1. Gubanova M. S., Zhukovskaya E. A. Small business and criteria for determining the subjects of small and medium business // In the collection: Modern problems and

prospects for the development of the agro-industrial complex of the region. Collection of works of the scientific-practical conference of teachers, graduate students, undergraduates and students. 2019. Pp. 160–163.

2. Rasel M., Panikarova S. V. Small and Medium-Sized Enterprise: Problems and Development Prospects: A Reflective Analysis // In the collection: Strategies for the development of social communities, institutions and territories. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 2020. Pp. 242–249.

3. Pavlovich E. S. Problems of applying IFRS for small and medium-sized businesses by subjects of small business in Russia // Accounting, analysis and audit: problems of theory and practice. Materials of the V scientific conference of the regional level for students, undergraduates and postgraduates. 2019. Pp. 39–42.

4. Odintsova K. A. The economic essence and content of the concept of "small business"("small business") // Modern Science. 2020. No. 3-3. Pp. 66–73.

УДК/UDC 331.108

Проблема сохранения кадрового потенциала в здравоохранении - фокус на качество жизни медицинского персонала

Паневина Ольга Александровна
старшая медицинская сестра
Филиал № 1 ФГБУ «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневского» Минобороны России
г. Красногорск, Россия
e-mail: olg-panevina@mail.ru

Аннотация

Кадровая политика государства в системе здравоохранения в Российской Федерации входит в ряд приоритетных задач, которые предстоит решить в рамках национального проекта «Здравоохранение». Решение проблем кадровых ресурсов в здравоохранении требуют наличия в т. ч. адекватной информации и мониторинга данных о качестве жизни работников учреждений здравоохранения, а также разработки методов его улучшения. Данная статья посвящена выявлению факторов, влияющих на качество жизни, связанное с профессиональной деятельностью медицинских сестер отделений хирургического и терапевтического профиля Филиала № 1 ФГБУ «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневского» Минобороны России, и разработке мероприятий, направленных на его улучшение. Исследование проводилось на основе данных анкетирования 100 медицинских сестер терапевтического и хирургического отделений Филиала № 1 ФГБУ «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневского» Минобороны России, в результате которого оценивались (по 100-балльной шкале) компоненты качества жизни медицинского персонала с помощью опросника SF-36.

Ключевые слова: кадровый потенциал, качество жизни, здравоохранение, медицинские сестры.

The problem of retaining health workforce - focus on the quality of life of medical personnel

Panevina Olga Aleksandrovna
Senior Nurse
Branch No. 1 of the Federal State Budgetary Institution «3 Vishnevsky Central Clinical Hospital» of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Krasnogorsk, Russia
e-mail: olg-panevina@mail.ru

Abstract

The personnel policy of the state in the healthcare system in the Russian Federation is one of the priority tasks to be solved within the framework of the national project "Healthcare". Solving the problems of human resources in health care requires, among other things, adequate information and monitoring of data on the quality of life of health workers, as well as the development of methods to improve it. This article is devoted to the identification of factors affecting the quality of life associated with professional activities, nurses of the departments of the surgical and therapeutic profile of Branch No. 1 of the Federal State Budgetary Institution «3 Vishnevsky Central Clinical Hospital», and the development of measures aimed at improving it. The study was carried out on the basis of data from a survey of 100 nurses of the therapeutic and surgical departments of the Branch No. 1 of the Federal State Budgetary Institution «3 Vishnevsky Central Clinical Hospital», as a result of which the components of the quality of life of medical personnel were assessed (on a 100-point scale) using the SF-36 questionnaire.

Key words: human resources, quality of life, healthcare, nurses.

Кадры - единственный вид ресурсов, который со временем не только не теряет исходной стоимости, но и приобретает более высокую ценность за счет накопления профессиональных навыков и знаний [1]. Кадровая политика государства в системе здравоохранения в Российской Федерации входит в ряд приоритетных задач, которые предстоит решить в рамках национального проекта «Здравоохранение», в структуру которого включен Федеральный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами». Наци-

ональный проект «Здравоохранение» нацелен на ликвидацию кадрового дефицита в отрасли, повышение престижа профессии медицинского работника [2].

Вопросы кадрового голода в медицине не новы. Дефицит медицинских кадров сложился еще в конце XX в., когда ввиду низкой заработной платы, больших задержек в ее выплате из системы здравоохранения ушло большое число молодых кадров [3].

В настоящее время в большинстве регионов России существуют такие кадровые проблемы в медицине, как дефицит кадров, дисбаланс между врачебным и сестринским персоналом, между регионами, асимметрия в распределении врачей по специализации, отток кадров из государственной медицины в коммерческую [4]. Рост коэффициента текучести кадров свидетельствует о неудовлетворенности работников условиями труда, неэффективной системе мотивации персонала, что также подтверждают данные социологического исследования. Увольнение сотрудников по собственному желанию негативно сказывается на деятельности учреждения как с экономической, так и социальной точки зрения [5].

Решение проблем кадровых ресурсов для улучшения деятельности здравоохранения требует наличия в т. ч. адекватной информации и мониторинга данных о качестве жизни (далее по тексту - КЖ) работников учреждений [1]. Учитывая значимость проблемы оттока из учреждений здравоохранения медицинских кадров, особенно среднего медицинского персонала, важным представляется принятие мер по сохранению кадрового потенциала в каждом конкретном учреждении здравоохранения. При этом возможна разработка мер по стимулированию медицинских работников и улучшению условий труда на основании исследования факторов, которые наиболее негативно влияют на их КЖ, связанное с профессиональной деятельностью.

Целью исследования является выявление факторов, влияющих на КЖ, связанное с профессиональной деятельностью, медицинских сестер отделений хирургического и терапевтического (соматического) профиля

Филиала № 1 ФГБУ «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневского» Минобороны России, и разработка мероприятий, направленных на его улучшение.

Исследование проводилось на основе данных анкетирования 100 медицинских сестер терапевтического и хирургического отделений Филиала № 1 ФГБУ «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневского» Минобороны России. При выполнении исследования применялся метод анкетирования, личной беседы (интервью) с сестринским персоналом, исследование КЖ работников по данным опросника SF-36, статистические методы (U-критерий Манна-Уитни).

Опросник SF-36, используемый во многих странах Европы, США, Австралии при проведении в т. ч. и популяционных исследований, позволил вывести общие критерии нормы КЖ как для здорового населения, так и при различных видах патологии [6; 7].

Опросник SF-36 состоит из 36 вопросов, которые формируют 8 шкал. Его вопросы составляют два компонента здоровья: физический и психологический. После проведения шкалирования результаты исследования КЖ с помощью опросника SF-36 выражают в баллах от 0 до 100 по каждой из восьми шкал (физическое функционирование, ролевое физическое функционирование, шкала боли, общее состояние здоровья, шкала жизнеспособности, шкала социального функционирования, ролевое эмоциональное функционирование, психологическое здоровье). Чем выше балл по шкале опросника SF-36, тем лучше показатель КЖ. После выявления наиболее низких показателей КЖ медицинских сестер были разработаны и предложены к внедрению мероприятия по их улучшению.

В исследовании уровня КЖ по опроснику SF-36 приняли участие 50 медицинских сестер терапевтического отделения филиала и 50 медицинских сестер хирургического отделения. В табл. 1 представлен возрастной состав исследуемых групп медицинских работников - большая часть из них представлена активной трудоспособной группой.

Возрастной состав сестринского персонала хирургического и терапевтического отделений Филиала № 1 ФГБУ «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневского» Минобороны России

Возрастная группа, лет	Медицинские сестры терапевтического отделения	Медицинские сестры хирургического отделения
20 – 25	22	18
26 – 30	11	10
31 – 40	8	10
41 – 50	5	6
51 – 60	4	6
Всего	50	50

Таблица 1

Сравнительная характеристика результатов оценки КЖ медицинских сестер хирургического и терапевтического отделений показала, что общий показатель КЖ медицинских сестер отделения хирургического профиля ниже (77,8), чем показатель КЖ медицинских сестер терапевтического профиля (80,83), что представлено на рис. 1.

Общий показатель КЖ медицинских сестер отделений хирургического и терапевтического профиля в сравнении

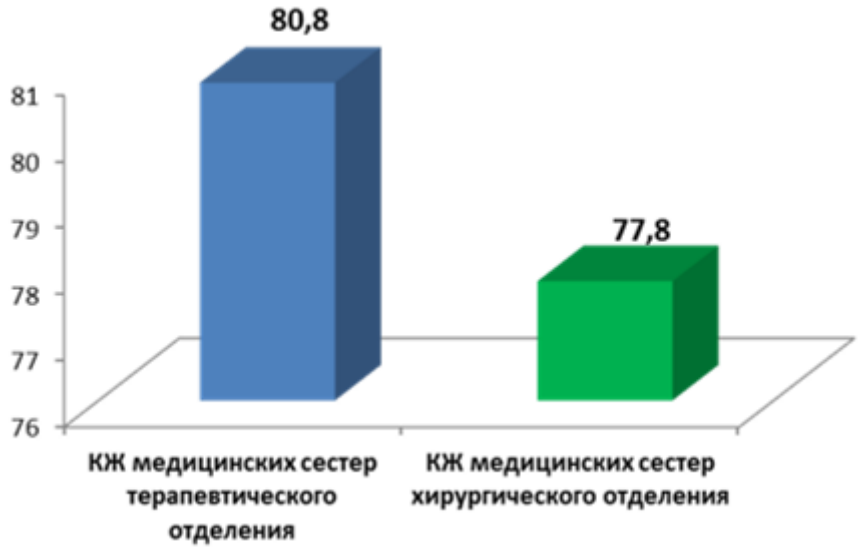

Рисунок 1

При анализе отдельных компонентов КЖ медицинских сестер терапевтического отделения (рис. 2) выявлено, что наименьшие показате-

ли получены по шкалам: ПЗ - психологическое здоровье (70,98), РФФ - ролевое физическое функционирование (72,28) и СФ - социальное функционирование (77,78).

Показатели отдельных компонентов КЖ медицинских сестер терапевтического отделения (ФФ - физическое функционирование, РФФ - ролевое физическое функционирование, Б - боль, ОЗ - общее здоровье, Ж - жизнеспособность, СФ - социальное функционирование, РЭФ - ролевое эмоциональное функционирование, ПЗ - психологическое здоровье

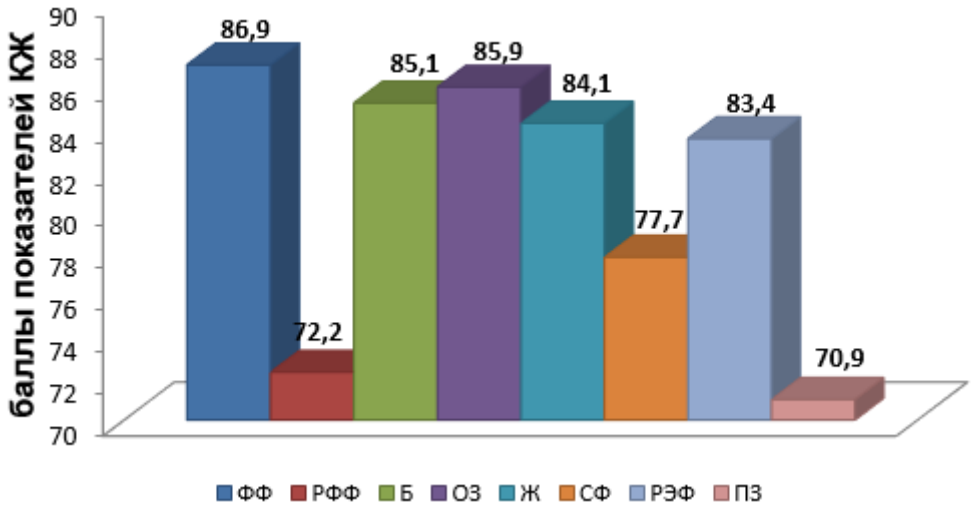

Рисунок 2

В группе медицинских сестер хирургического отделения (рис. 3) на фоне в целом более низких показателей практически по всем шкалам наиболее низкие показатели получены по тем же самым шкалам: ПЗ - психологическое здоровье (65,46), РФФ - ролевое физическое функционирование (71,94) и СФ - социальное функционирование (75,98), а также по шкале Б - боль (75,8).

Показатели отдельных компонентов качества жизни медицинских сестер хирургического отделения (ФФ - физическое функционирование, РФФ - ролевое физическое функционирование, Б - боль, ОЗ - общее здоровье, Ж - жизнеспособность, СФ - социальное функционирование, РЭФ - ролевое эмоциональное функционирование, ПЗ - психологическое здоровье)

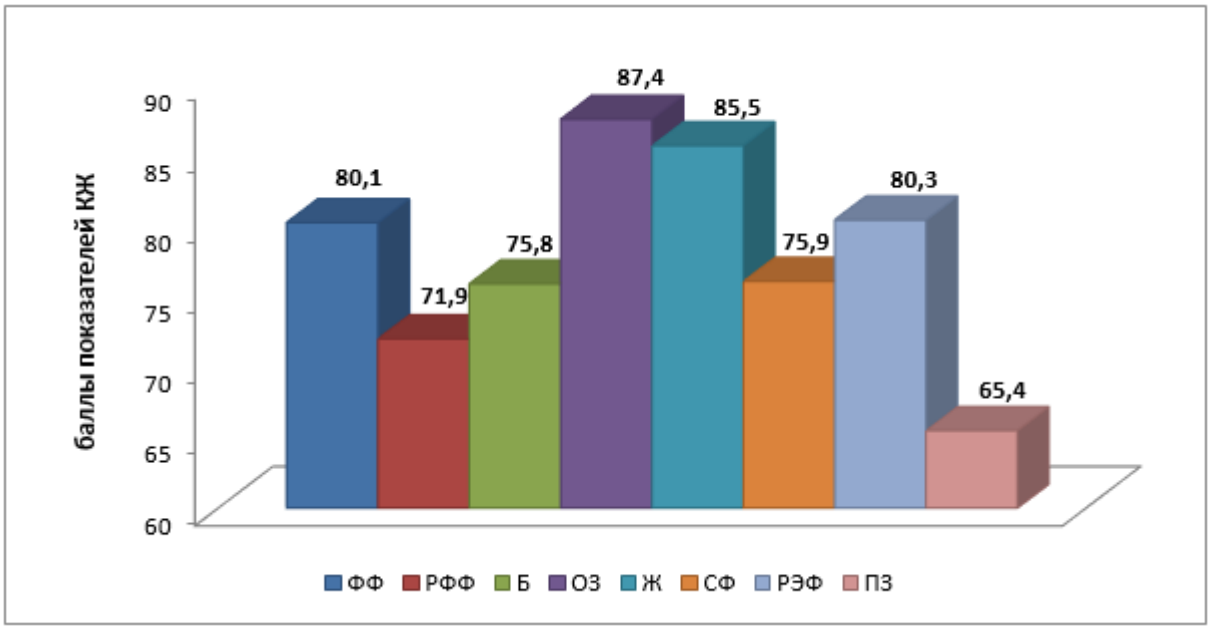

Рисунок 3

Низкие показатели по шкале ролевое физическое функционирование (РФФ) у респондентов обеих групп на фоне достаточно высоких показателей шкалы общего физического функционирования (ФФ) указывают на высокие нагрузки, испытываемые медицинскими сестрами в процессе трудовой деятельности. Эти нагрузки негативно отражаются и на состоянии здоровья медицинских сестер. В результате физические силы полностью тратятся на осуществление профессиональной деятельности, в процессе которой медицинские сестры не всегда находят время даже на прием пищи, не говоря уже об отдыхе в рабочее время, поскольку график работы у них зачастую посуточный, ночные смены по 15 часов и дневные по 9 часов без регламентированного времени на обед. Дополнительные нагрузки испытывают медицинские сестры, вынужденные брать подра-

ботки. Основной причиной подработок (совместительства) сестринского персонала является низкая заработная плата.

Низкие показатели, полученные по шкале социального функционирования (СФ), наглядно показывают, насколько ограничены в проявлении социальной активности медицинские сестры. Ввиду большой загруженности и сопутствующих ей нарушений физического и эмоционального состояния респондентов ограничены такие важные социальные функции, как общение с друзьями, семьей, соседями, в коллективе.

Показатель психологического здоровья (ПЗ) снижен у медицинских сестер как терапевтического, так и хирургического отделений. Этот показатель свидетельствует о высоком психоэмоциональном напряжении, которое испытывают медицинские сестры на работе. Низкие показатели сигнализируют о наличии депрессивных, тревожных состояний, психологическом неблагополучии. Причем из всех компонентов качества жизни именно шкала психологического здоровья имеет самые низкие баллы. Здесь также у хирургических медицинских сестер показатель значительно ниже, чем у терапевтических. Помимо трех вышеуказанных шкал, у медицинских сестер хирургического отделения низкие показатели имеет еще и шкала боли (Б) - она оценивает интенсивность болевого синдрома и его влияние на способность заниматься повседневной и профессиональной деятельностью. Низкие значения шкалы свидетельствуют о том, что боль значительно ограничивает физическую активность исследуемых. Из полученных данных можно предположить, что значительные физические нагрузки и профессиональные вредности, испытываемые медицинскими сестрами хирургического отделения, оказывают ощутимое влияние на состояние их здоровья, вызывая болевой синдром. Низкий доход на одного члена семьи вынуждает сотрудников брать подработки, увеличивая тем самым свои доходы. Подработки повышают интенсивность как физических, так и психоэмоциональных нагрузок, вследствие чего ухудшаются как состояние здоровья, так и компоненты КЖ. Чем более загружены медицинские сестры на работе, тем более они ограничены в проявлении социальной активности - в общении с

друзьями и семьей, соседями, с коллегами в коллективе. Отсюда и низкие показатели, полученные по шкале социального функционирования (СФ). Основной (60%) причиной подработок (совместительства) сестринского персонала ожидаемо явилась низкая заработная плата (рис. 4).

Причины подработок медсестер терапевтического и хирургического отделений

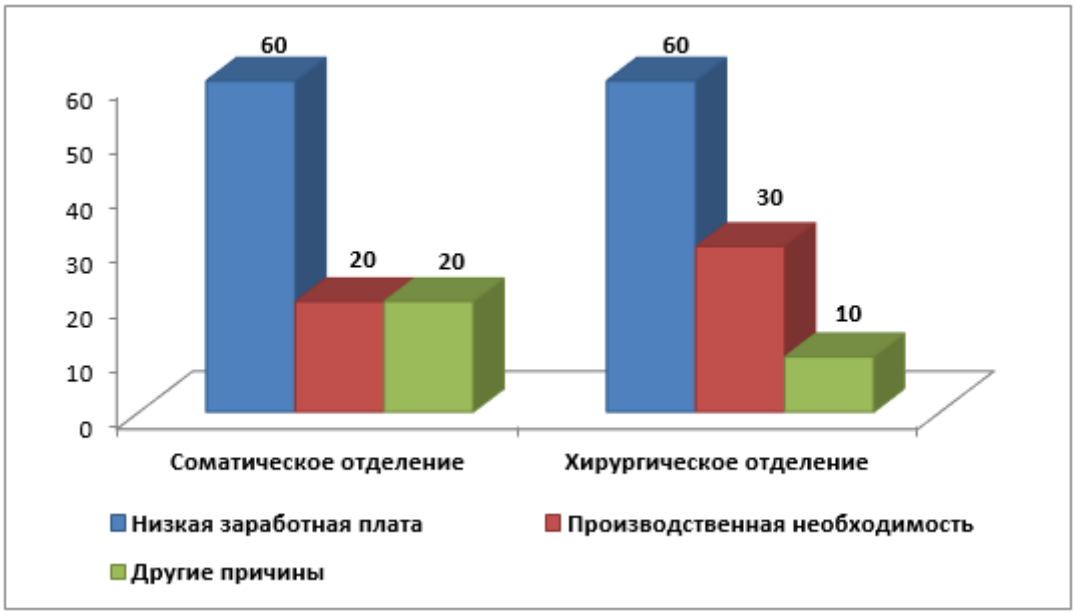

Рисунок 4

Большое значение для комфортной трудовой деятельности имеет правильная организация рабочего места медицинского персонала. Результаты исследования показали, что полностью не удовлетворены организацией своих рабочих мест 12% медсестер терапевтического отделения и 14% медсестер хирургического отделения, не совсем удовлетворены организацией рабочего места 46% и 50% опрошенных соответственно и удовлетворены организацией рабочего места 42% и 36% респондентов соответственно (рис. 5).

Удовлетворенность медицинских сестер организацией своих рабочих мест

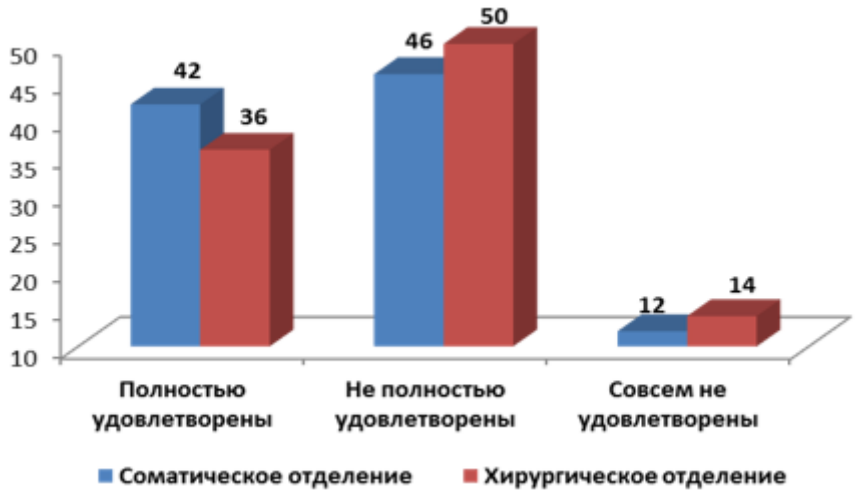

Рисунок 5

Неудовлетворенность работников организацией рабочих мест ведет к снижению работоспособности и, самое главное, - к текучести кадров. Кроме того, неудовлетворенность организацией рабочего места ассоциирована с объективным снижением производительности труда, а также со снижением различных компонентов КЖ. В первую очередь речь идет о показателе психического здоровья (ПЗ). Медицинские сестры испытывают высокое физическое и психоэмоциональное напряжение, нередко переходящее в депрессивные, тревожные состояния.

Результаты проведенного исследования выявили наиболее низкие компоненты КЖ, воздействуя на которые, можно повысить в целом КЖ медицинских сестер Филиала № 1 ФГБУ «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневского» Минобороны России, а следовательно улучшить кадровый потенциал учреждения и снизить возможный отток кадров. Исходя из полученных данных, был разработан ряд рекомендаций, направленных на повышение уровня КЖ сестринского персонала:

1. Необходимо выполнение мониторинга КЖ медицинских сестер с использованием опросника SF-36 на постоянной основе.
2. С целью повышения показателей шкал РФ (ролевое функционирование), СФ (социальное функционирование), значения ко-

торых снижены за счет больших профессиональных нагрузок, необходимо доступными средствами проводить разгрузку медицинских сестер (как физическую, так и психологическую). К таким доступным средствам относится рациональная организация трудового процесса и перераспределение профессиональных нагрузок в коллективе, обустройство в отделениях комнат релаксации, а также четкая организация времени и места в течение рабочего дня для удобного приема пищи медицинским персоналом.

3. Наибольшее внимание следует уделить показателю шкалы ПЗ (психическое здоровье), поскольку именно ее показатели наиболее низкие среди медицинских сестер как терапевтического, так и хирургического профиля. Следовательно, воздействие именно на эти показатели может в наибольшей степени повысить общий уровень КЖ. На психическое здоровье медицинских сестер влияют высокие психоэмоциональные нагрузки, испытываемые при общении с больными, коллегами и руководством. С целью улучшения показателя психического здоровья необходима не только психологическая разгрузка (комнаты релаксации), но и улучшение психологического климата в коллективе - организация совместных мероприятий, коллективное принятие управленческих решений, совершенствование сотрудника в профессиональном плане (организация дополнительных курсов повышения квалификации, возможность заниматься научными исследованиями, участвовать в работе съездов и конференций), введение в штат учреждения должности психолога.
4. Результаты исследования показали, что часть опрошенных в группах исследования полностью не удовлетворены организацией своих рабочих мест, в связи с чем необходимо оптимизировать рабочие места медицинских сестер.

Таким образом, решение проблем кадровых ресурсов в здравоохранении зависит в т. ч. и от КЖ медицинских работников, низкие уровни

которого могут привести к оттоку кадров и снижению производительности труда. На примере проведенного исследования КЖ медицинских сестер Филиала № 1 ФГБУ «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневского» Минобороны России показано, что выявление наиболее сниженных компонентов КЖ медицинских работников и поиск путей по их повышению может стать важным компонентом кадровой политики учреждений здравоохранения.

Список литературы

1. Махаматова З. Х., Таджибаева Г. А., Тешабаева М. Х., Камалова Д. К. Анализ путей по повышению качества трудовой деятельности среднего медицинского персонала // Молодой ученый. 2014. № 5 (64). С. 148–150.

2. Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами: Федеральный проект // Национальные проекты Российской Федерации. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/zdravookhranenie/podgotovka_vrachey (дата обращения: 12.06.2021).

3. Штернис Т. А., Ивойлов В. М. Определение потребности в медицинских кадрах, необходимых для реализации программы государственных гарантий оказания населению Кемеровской области бесплатной медицинской помощи // Медицина в Кузбассе. 2013. № 3. Т. 12. С. 6–11.

4. Смольянинова Е. Н., Просалова В. С. Проблема кадрового обеспечения системы здравоохранения и пути ее решения на примере Приморского края. Фундаментальные исследования. 2014. № 10-5. С. 968–972.

5. Власова О. В. Направления совершенствования системы управления кадровым потенциалом медицинской организации. Региональный вестник. 2019. № 6 (21). С. 46–47.

6. Новик А. А., Ионова Т. И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. СПб.: Нева, 2002. 320 с.

7. Aaronson N. K. Quality of life assessment in clinical trials: methodologic issues // Control Clin. Trials. 1989. Vol.10. Pp. 195–208.

References

1. Makhamatova Z. Kh., Tadjibaeva G. A., Teshabaeva M. Kh., Kamalova D. K. Analysis of ways to improve the quality of labor activity of nurses // Young scientist. 2014. No. 5 (64). Pp. 148–150.

2. Provision of medical organizations of the healthcare system with qualified personnel: Federal project // National projects of the Russian Federation. URL: https:

//nationalprojects.rf/projects/zdravookhranenie/podgotovka_vrachey (date of access: 12.06.2021).

3. Shternis T. A., Ivoilov V. M. Determination of the need for medical personnel necessary for the implementation of the program of state guarantees for the provision of free medical care to the population of the Kemerovo region // Medicine in Kuzbass. 2013. No. 3. Vol. 12. Pp. 6–11.

4. Smolyaninova E. N., Prosalova V. S. The problem of staffing the health care system and ways to solve it on the example of Primorsky Krai. Basic research. 2014. No. 10-5. Pp. 968–972.

5. Vlasova O. V. Areas of improving the personnel potential management system of a medical organization. Regional bulletin. 2019. No. 6 (21). Pp. 46–47.

6. Novik A. A., Ionova T. I. Guidelines for research on the quality of life in medicine. Saint Petersburg: Neva, 2002. 320 p.

7. Aaronson N. K. Quality of life assessment in clinical trials: methodologic issues // Control Clin. Trials. 1989. Vol. 10. Pp. 195–208.

УДК/UDC 338.24

Взгляд «снизу» на разрабатываемую стратегию социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. в части перспектив достижения национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство»

Тебекин Алексей Васильевич
доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры менеджмента
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
г. Одинцово, Россия
e-mail: Tebekin@gmail.com
SPIN-код: 5271-1385

Митропольская-Родионова Надежда Владимировна
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
г. Одинцово, Россия
e-mail: n.mitropolskaya@odin.mgimo.ru
SPIN-код: 1903-0043

Хорева Анна Вячеславовна
старший преподаватель кафедры менеджмента
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
г. Одинцово, Россия
e-mail: a.horeva@odin.mgimo.ru
SPIN-код: 9610-6427

Аннотация

В статье рассмотрены перспективы достижения национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство», определенной Указом

Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» от 21 июля 2020 г. № 474. С использованием инструмента зрительной системы научной школы предпринимательства Й. Шумпетера взгляд «снизу» критически проанализированы ключевые направления разрабатываемой Правительством Российской Федерации в интересах достижения национальных целей Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. Выполнены прогнозные оценки возможностей достижения целевых показателей национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство». Обоснованы предложения по реализации комплекса мероприятий, позволяющих повысить результативность и эффективность достижения национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство».

Ключевые слова: взгляд «снизу», разработка стратегии, социально-экономическое развитие Российской Федерации, национальная цель, достойный и эффективный труд, успешное предпринимательство.

A bottom-up view of the developed strategy for the socio-economic development of the Russian Federation until 2030 in terms of the prospects for achieving the national goal “Decent, effective work and successful entrepreneurship“

Tebekhin Aleksey Vasilyevich
Doctor of Technical Sciences, Doctor of Economics, professor, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Professor of the Department of Management
Odintsovo branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
Odintsovo, Russia
e-mail: Tebekin@gmail.com
SPIN Code: 5271-1385

Mitropolskaya-Rodionova Nadezhda Vladimirovna
Candidate of Economics, assistant professor of the Department of Management
Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
Odintsovo, Russia

e-mail: n.mitropolskaya@odin.mgimo.ru
SPIN Code: 1903-0043

Khoreva Anna Vyacheslavovna
Senior Lecturer of the Department of Management
Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
Odintsovo, Russia
e-mail: a.horeva@odin.mgimo.ru
SPIN Code: 9610-6427

Abstract

The article discusses the prospects for achieving the national goal "Decent, effective work and successful entrepreneurship defined by the Decree of the President of Russia "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030"of July 21, 2020 No. 474. Using the visual system tool of the Schumpeter Scientific School of Entrepreneurship, a look from below, critically analyzed the key directions of the Strategy for the Social and Economic Development of the Russian Federation until 2030, developed by the Government of the Russian Federation in order to achieve national goals assessing the possibilities of achieving the target indicators of the national goal "Decent, effective work and successful entrepreneurship."Proposals were substantiated for the implementation of a set of measures to improve the efficiency and effectiveness of achieving the national goal "Decent, effective work and successful entrepreneurship".

Key words: view from below, strategy development, socio-economic development of the Russian Federation, national goal, decent and effective work, successful entrepreneurship.

Национальные цели развития Российской Федерации, обозначенные в Указе Президента России № 474 от 21 июля 2020 г. [1], определяют пути преодоления не только текущего экономического кризиса (оказавшегося для национальной экономики достаточно глубоким [2]), но и длительной стагнации, продолжающейся уже несколько десятилетий [3].

Развертывание положений, определяющих достижение национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г., обозначенных в Указе Президента России № 474 от 21 июля 2020 г., закономерно должно найти отражение в разрабатываемой Правительством Россий-

ской Федерации (хотя и с большим опозданием) Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года (далее по тексту - Стратегии-2030) [4].

Учитывая негативный отечественный опыт [5] реализации предыдущей стратегии социально-экономического развития Российской Федерации (Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (далее по тексту - Стратегии-2020 [6])), когда были нарушены многие основополагающие принципы стратегического планирования [1] (начиная от научной обоснованности и реалистичности и заканчивая соответствием используемых показателей заданным целям и ответственностью участников процесса), в результате чего Стратегия-2020, получив однозначную оценку экспертов [7–11], так и не получила никакой официальной оценки выполнения (т. к. подведения итогов выполнения Стратегии-2020, длившейся на протяжении тринадцати лет, на официальном уровне фактически не было), возникает объективная необходимость в критическом анализе процессов подготовки Стратегии-2030 сквозь призму практической реализации в ней национальных целей, определенных Указом Президента России № 474 от 21 июля 2020 г.

Целью настоящего исследования является анализ и оценка перспектив достижения национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство», целевые показатели которой представлены на рис. 1, посредством критических направлений и мероприятий, планируемых к реализации в Стратегии-2030.

Целевые показатели, характеризующие достижение в соответствии с Указом Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство»

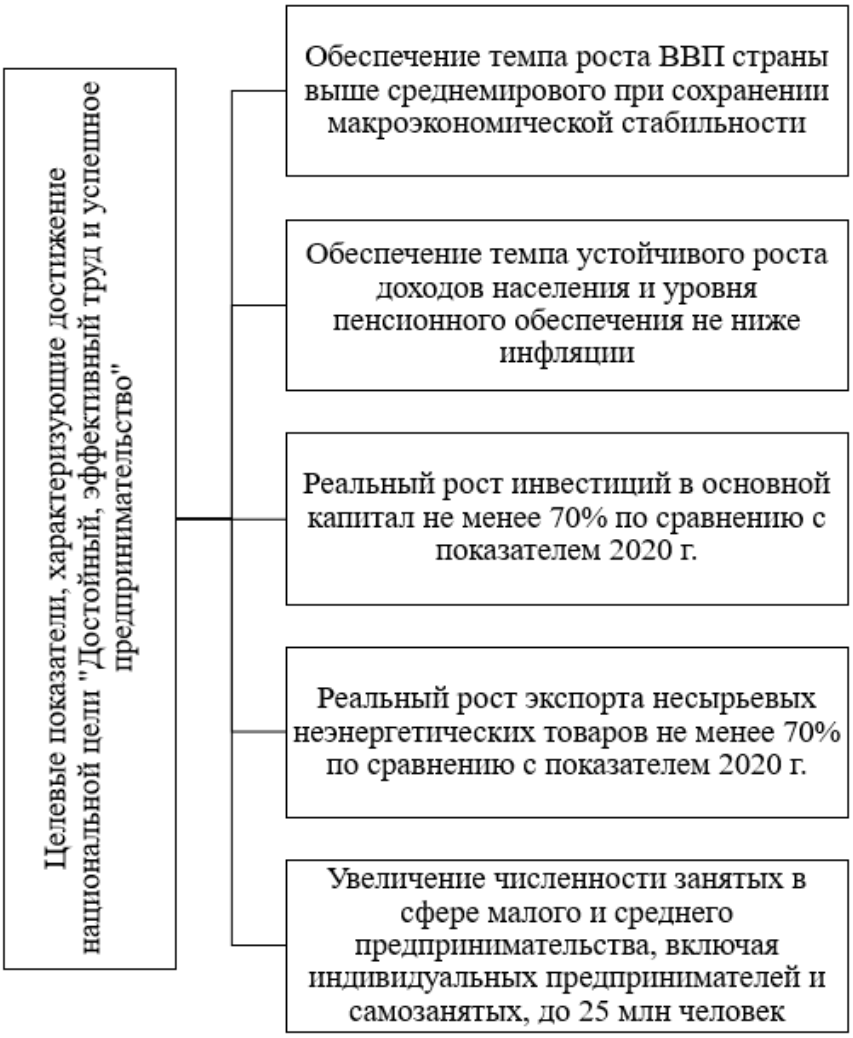

Рисунок 1

В качестве методической базы исследования в данном исследовании использован инструментарий зрительной системы научной школы предпринимательства Й. Шумпетера [12] (рис. 2), дополненный взглядом «снизу», т. е. взглядом, «позволяющим при формировании стратегии развития управляемой системы учесть знания и опыт специалистов, непосредственно реализующих те или иные стратегические задачи, с учетом особенностей реализации этих задач» [13] (иными словами, экспертным взглядом).

Состав элементов («взглядов») «зрительной системы» стратегического мышления научной школы предпринимательства [14].

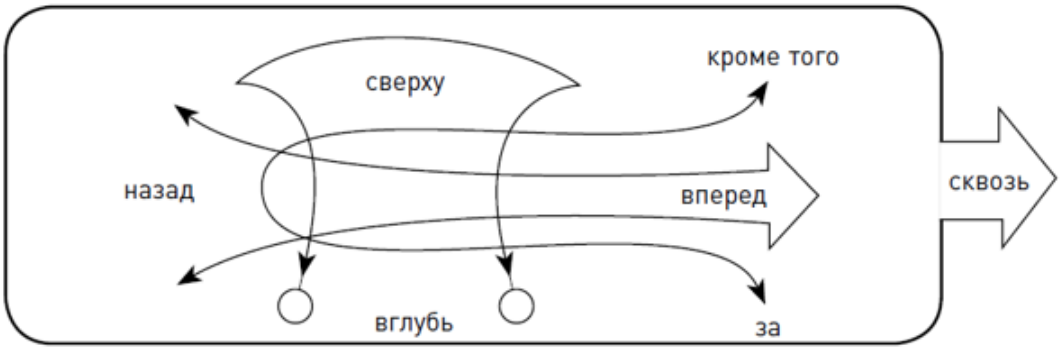

Рисунок 2

Актуальность такого взгляда определяется еще и тем, что именно от этого экспертного взгляда «снизу» и отказалось Правительство Российской Федерации при разработке Стратегии-2030. Так, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН А. Широв подчеркивает: «В документе [Стратегии-2030] вообще не упоминаются никакие неправительственные структуры. Вероятно, это отражает некоторое разочарование людей, которые принимают решения, в деятельности экспертного сообщества».

Комментируя этот тезис, следует отметить, что позицию «людей, которые принимают решения», с одной стороны, можно понять, поскольку пул структур экспертного сообщества уже на протяжении длительного периода времени представляет собой константу. С другой стороны, позицию «людей, которые принимают решения», принять нельзя, поскольку провести ротацию в пуле структур экспертного сообщества (как это принято в международной практике) им никто не мешает.

Возвращаясь к обозначенной проблеме, отметим следующее.

Проведенный на предыдущем этапе исследований экспресс-анализ [15] степени покрытия ключевыми направлениями [16] разрабатываемой Правительством Российской Федерации Стратегии-2030 показал, что в среднем по Стратегии-2030 степень покрытия составляет около одной трети (34,4%), а в части национальной цели «Достойный, эффективный

труд и успешное предпринимательство» - 44% (оптимистический вариант оценки), что все равно составляет менее половины от ожидаемого результата.

Анализ возможностей достижения целевого показателя «обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта (ВВП) страны выше среднемирового», тем более при условии соблюдения макокроэкономической стабильности, показывает, что достижение этого целевого показателя до 2030 г. маловероятно в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, неблагоприятные стартовые условия. Средний темп роста ВВП России за последние десять лет (с 2011 по 2020 гг.) составил, согласно официальным данным Росстата [17], 1,26% в год. Поскольку столь низкое значение темпа роста находится в пределах статистической погрешности, то можно утверждать, что ВВП России за последнее десятилетие практически не вырос (стагнация). Если же обратиться к рейтингу стран мира по темпам роста ВВП (с учетом инфляции) [18], составленному на основе данных Всемирного Банка за докризисный 2019 г., то Россия в этом рейтинге с темпом роста 1,3% занимает 130-е место в мире из 183-х получивших оценку стран. В то же время:

1) в мировой экономике в целом темп роста ВВП в 2019 г. составил 2,8% (в 2021 г. ожидаемый темп - 5,2%);
2) в развитых странах темп роста ВВП в 2019 г. составил 1,7% (в 2021 г. ожидаемый темп - 3,9%);
3) в странах с формирующимися рынками и развивающихся странах темп роста ВВП в 2019 г. составил 5,5% (в 2021 г. ожидаемый темп - 8,0%) [19].

В целом по всему спектру показателей экономического развития согласно Рейтингу глобальной конкурентоспособности (рис. 3) [20] Россия имеет достаточно скромные позиции в мире.

Рейтинг Российской Федерации по показателям экономического развития

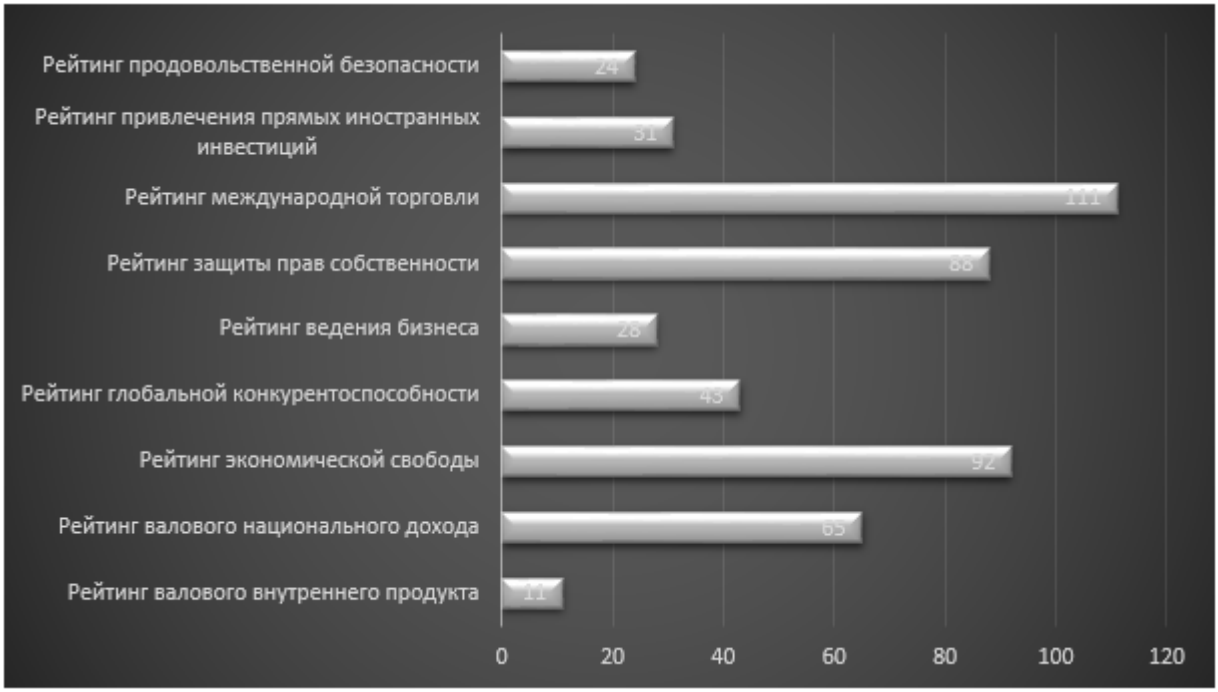

Рисунок 3

Обратим внимание на низкие значения Российской Федерации в международном рейтинге (рис. 3) по таким показателям экономического развития, как экономические свободы, защита прав собственности, валовой национальный доход на душу населения. Особо отметим крайне слабые позиции Российской Федерации в рейтинге международной торговли (рис. 3).

Во-вторых, эксперты достаточно пессимистично оценивают прогноз развития Российской Федерации как на текущий момент [21], так и в период 2021–2023 гг. [22; 23], на периоды 2023–2026 гг. [24], до 2030 г. (рис. 4) [25] и даже до 2035 г. [26].

Прогнозные оценки перспектив развития российской экономики на период до 2030 г., выполненные на основе использования суперпозиции больших, средних, малых и коротких циклов экономической активности [25]

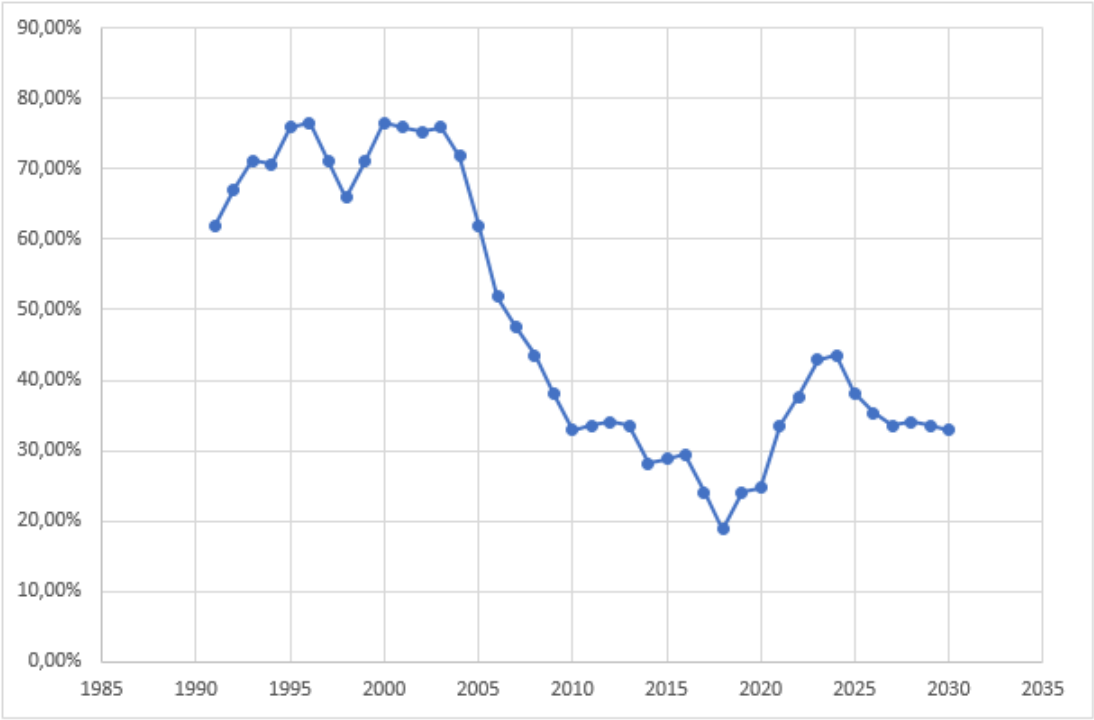

Рисунок 4

В-третьих, среди мероприятий правительства (всего в списке фигурирует 38 предложений), направленных на реализацию Стратегии-2030 и рассчитанных на период до 2024 г. [27], сложно выделить прорывные, которые обеспечили бы быстрый рост ВВП страны (рис. 5).

Мероприятия правительства, направленные на реализацию Стратегии-2030 и рассчитанные на период до 2024 г.

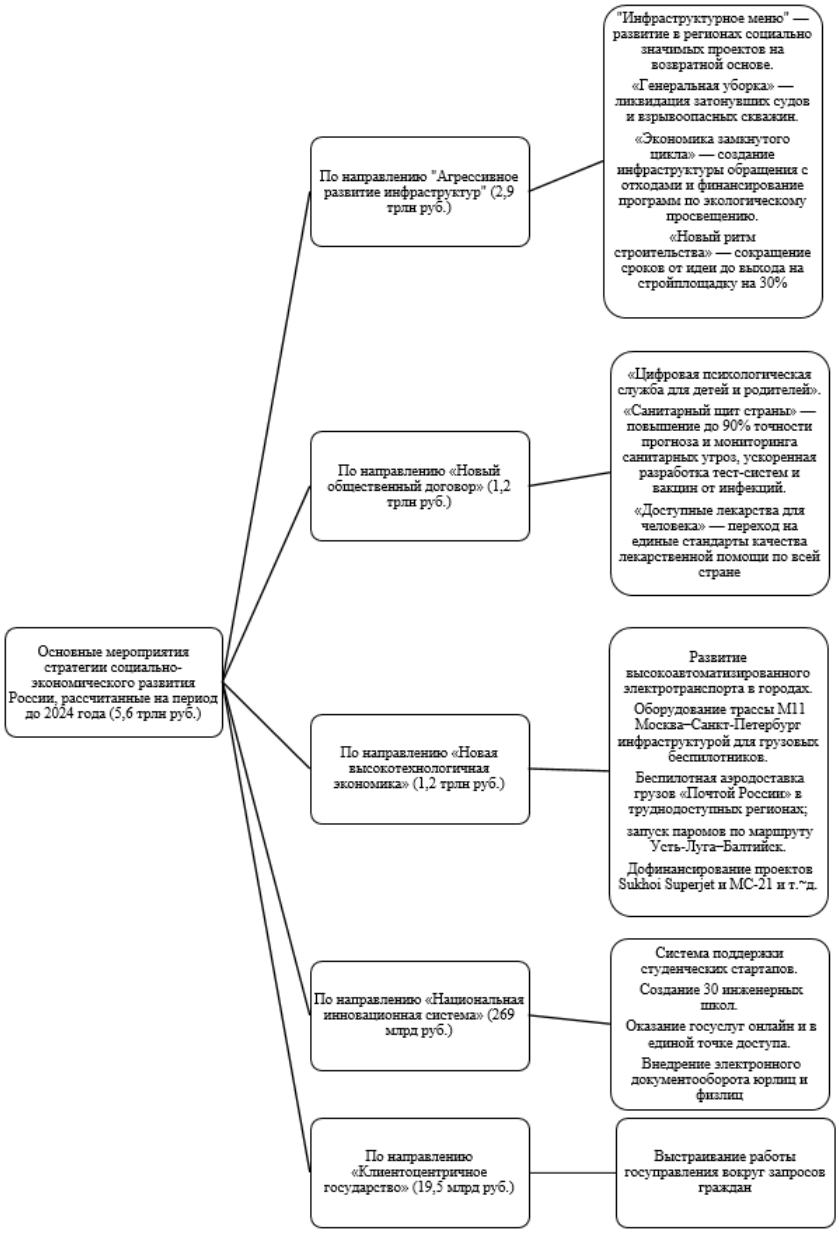

Рисунок 5

Вызывают большие вопросы мероприятия Правительства Российской Федерации по практически всем ключевым направлениям реализации Стратегии-2030.

По направлению «Агрессивное развитие инфраструктуры» вызывает большие сомнения постановка вопроса о возвратной основе средств по социально значимым проектам в регионах («Инфраструктурное меню») - ведь это не коммерческие, а социальные проекты.

Совершенно очевидно, что не приведут к стремительному росту национальной экономики и экологические мероприятия направлений «Генеральная уборка» и «Экономика замкнутого цикла».

Мероприятие же «Новый ритм строительства» с точки зрения классических подходов к использованию предпринимательских способностей при реализации проектов [28; 29; 30; 31; 32], на наш взгляд, не нуждаются в финансировании.

Вызывает большие сомнения способность обеспечить существенное увеличение темпов роста национальной экономики и наполнение направления «Новая высокотехнологичная экономика» (название также явно масштабнее содержания), в которое входят преимущественно инфраструктурные проекты. Дофинансирование же проектов Sukhoi Superjet и МС-21 (даже при условии успешной реализации последних) - это «капля» в «море» отечественной экономики. Тем более, что с учетом опыта прошлых лет в силу низкого качества реализации, например, проекта Sukhoi Superjet использование его результатов носило больше административно-директивный, нежели коммерческий характер.

Не способны обеспечить рост экономики и мероприятия «медицинского» направления «Новый общественный договор» (не прослеживается корреляции между названием направления и его содержанием), тем более, что его реализация поручена тем же руководителям, которые в результате «оптимизации» здравоохранения «вывели» Россию в международном рейтинге уровня финансирования здравоохранения, составляемом Всемирной организации здравоохранения, на 121-е место в мире [33] из 189 стран, входящих в рейтинг.

Достаточно сложно оценить перспективы мероприятий направления «Национальная инновационная система (НИС)», хотя сама по себе тема является «долгоиграющей», как и ряд отдельных мероприятий (например, внедрение электронного документооборота юридических и физических лиц).

Не способно обеспечить интенсификацию развития и направление «Клиентоцентричное государство» с неоднозначной формулировкой ме-

роприятия («выстраивание работы госуправления вокруг запросов граждан»), вызывающего вопрос - а вокруг чего строилась работа системы государственного управления до этого?

Сложности «обеспечения темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности» определяются не только и не столько недостатками целеполагания и формулировки задач в формируемой правительством Стратегии-2030, а также непрерывными переносами сроков подготовки стратегии, сколько самим характером реализуемой в России экономической модели государственного квази-монополистического капитализма [34]. Именно монополии являются главным тормозом развития любой экономики.

Именно экономическая модель государственного квази-монопо листического капитализма является главным препятствием и при достижении остальных целевых показателей (со второго по пятый на рис. 1), характеризующих достижение национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство».

Очевидно, что не может быть достигнуто «обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции» в ситуации, когда официальная (номинальная) инфляция в стране (среднее значение за последние 10 лет - 6,35%) [35] в пять раз превосходит средний темп роста ВВП за последние 10 лет - 1,26% в г. [17].

Рассматривая возможности достижения реального роста инвестиций в основной капитал не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г., необходимо отметить, что рост в 70% за 10 лет на первый взгляд представляется вполне посильным - по 7% в год (хотя максимум роста за последнее десятилетие в национальной экономике составлял 6,8% в год при наличии минимума - минус 10,1% в год [36]). В то же время, если обратить внимание на необходимость не номинального, а реального роста, то даже достигнутый в 2012 г. максимум в 6,8% в год фактически растворится в средней инфляции - 6,35%.

Т. е. предпосылки для реального роста инвестиций в основной капитал на сегодняшний день фактически отсутствуют.

Ранее проведенные исследования также продемонстрировали низкую вероятность «реального роста экспорта не сырьевых неэнергетических товаров не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г.», поскольку доля нефтегазовых доходов в бюджете страны по авторским оценкам (рис. 6) по-прежнему превосходит 2/3 в отличие от официальных оценок в 1/3, и предпосылок для изменения таких пропорций, если обратиться к мероприятиям Стратегии-2030 (рис. 5) не предвидится.

Авторская оценка вклада составляющих нефтегазового сектора в ВВП Российской Федерации по итогам 2019 г.

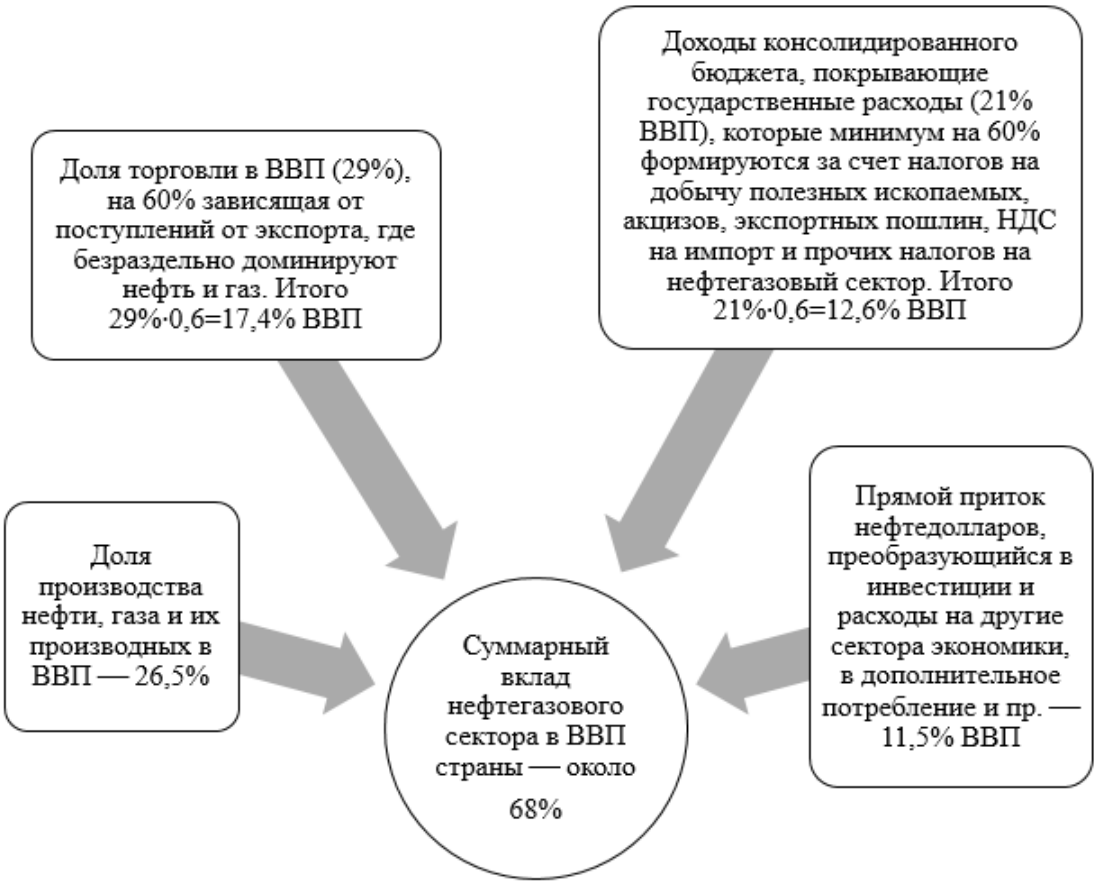

Рисунок 6

Единственный целевой показатель из числа определенных для национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» - «увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринима-

телей и самозанятых, до 25 млн человек». Но это скорее всего произойдет не благодаря развитию малого и среднего бизнеса, состояние которого в России по сравнению с другими странами (рис. 7) носит аномально тяжелый характер [37], а благодаря внесению в этот перечень самозанятых - предпринимателей, по сути, вытолкнутых в серую экономику [38; 39] квази-монополиями.

Вклад крупного, среднего и малого бизнеса в ВВР различных стран мира

Рисунок 7

Таким образом, проведенные исследования (взгляд «снизу») на разрабатываемую Стратегию-2030 в части перспектив достижения национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» продемонстрировали низкую вероятность достижения заданных целевых показателей. При этом в качестве главного препятствия выделяется существующая экономическая модель государственного квази-монополистического капитализма. И в Стратегии-2030, разрабатываемой правительством, не запланировано никаких мероприятий, направленных на изменение этой экономической модели.

Список литературы

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента России от 21.07.2020 № 474 // СПС «Гарант».

URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/ (дата обращения: 17.06.2021).

2. Тебекин А. В. О глубине кризиса 2020-го года для мировой и национальной экономик и путях выхода из него // Журнал экономических исследований. 2020. Т. 6. № 2. С. 52–71.

3. Базанова Е. Почему за 20 лет Россия так и не перешла от стагнации к развитию // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/10/08/813068-20-let-stagnatsii (дата обращения: 17.06.2021).

4. Кошкина А., Рубченко М. Правительство готовит новую стратегию социально-экономического развития. // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/02/02/856382-pravitelstvo-gotovit-novuyu-strategiyu-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya (дата обращения: 17.06.2021).

5. Тебекин А. В. Взгляд «вперед» как основа стратегического развития национальной экономики // Журнал исследований по управлению. 2021. Т. 7. № 3. С. 3–11.

6. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»): Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 17.06.2021).

7. Движение без целей: почему провалилась «Стратегия-2020» // Новые известия. URL: https://newizv.ru/article/general/21-11-2019/dvizhenie-bez-tseley-pochemu-provalilas-strategiya-2020 (дата обращения: 17.06.2021).

8. День сурка: «Стратегия-2020» успешно провалена — очередь за нацпроектами? // Накануне. URL: https://www.nakanune.ru/articles/116644/ (дата обращения: 17.06.2021).

9. Концепция развития России до 2020 года оказалась невыполнимой. Почему разошлись траектории национальных целей 2008 года и фактического развития страны // РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/02/11/2019/5db946fb9a794742bc0d5b68 (дата обращения: 17.06.2021).

10. Полный провал Стратегии-2020. Население помешало? // Народный журналист. URL: https://narzur.ru/polnyjj-proval-strategi-2020-naselenie-pomeshalo/ (дата обращения: 17.06.2021).

11. Страна несбывшихся программ: Почему провалилась Стратегия-2020? // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/daily/27053.7/4119288/ (дата обращения: 17.06.2021).

12. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития = Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung; Капитализм, социализм и демократия = Capitalism, Socialism and Democracy / Йозеф Алоиз Шумпетер; пер. с нем.: В. С. Автономов, М. С. Любский, А. Ю. Чепуренко; пер. с англ.: В. С. Автономов и др. М.: Эксмо, 2007. 861 с.

13. Тебекин А. В., Игнатьева А. В., Митропольская-Родионова Н. В., Хорева А. В. Проблемы и перспективы использования положений школы предпринимательства Йозефа Шумпетера для развития современного менеджмента // Транспортное дело России. 2021. № 2. С. 69–77.

14. Минцберг Г. Стратегическое сафари: экскурсия по дебрям стратегического менеджмента / Пер. с англ. Д. Раевская, Л. Царук. М.: Московская школа управления Сколково: Альпина Паблишер, 2013. 365 с.

15. Тебекин А. В. Взгляд «вперед» как основа стратегического развития национальной экономики // Журнал исследований по управлению. 2021. Т. 7. № 3. С. 3–11.

16. Определен срок внесения Стратегии социально-экономического развития РФ до 2030 года в Правительство — 14 мая 2021 года // Стратегия 24. URL: https://strategy24.ru/rf/news/opredelen-srok-vneseniya-strategii-sotsialnoekonomicheskogo-razvitiya-rf-do-2030-goda-v-pravitelstvo-14-maya-2021-goda (дата обращения: 17.06.2021).

17. ВВП России по годам: 1991–2021 // Мировые финансы. URL: http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/ (дата обращения: 17.06.2021).

18. Рейтинг стран мира по темпам роста ВВП // Никаких новостей. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-temp (дата обращения: 17.06.2021).

19. Рейтинг экономик мира 2021, таблица ВВП стран мира // Топ рейтинги мира. URL: https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2021-tablitsa-vvp-stran-mira/ (дата обращения: 17.06.2021).

20. Рейтинг стран мира по Индексу глобальной конкурентоспособности // Гуманитарный портал. URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index (дата обращения: 17.06.2021).

21. Королева А. Россия будет расти не так быстро, как другие // Эксперт. URL: https://expert.ru/2021/03/10/ekonomika-rossii/ (дата обращения: 17.06.2021).

22. Стагнация вместо оздоровления. Независимые экономисты скептически оценили рост ВВП в 2021–2023 годах // РБК. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2020/10/21/5f8eb6559a79471244b6dbfc (дата обращения: 17.06.2021).

23. Тебекин А. В. Табурчак А. П., Петров В. С. Влияние глобального экономического кризиса на параметры экономического прогноза и планирование бюджета

российской федерации // Журнал экономических исследований. 2020. Т. 6. № 5. С. 40–49.

24. Эксперты прогнозируют замедление экономики РФ до 2% в 2023-26 годах // Финам. URL: https://www.finam.ru/analysis/newsitem/eksperty-prognoziruyut-zamedlenie-ekonomiki-rf-do-2-v-2023-26-godax-20210512-20518/ (дата обращения: 17.06.2021).

25. Тебекин А. В. Прогноз развития российской экономики на период до 2030-го года // Транспортное дело России. 2020. № 6. С. 45–50.

26. ВШЭ: Россию ждут 15 лет безнадежной стагнации // Новые известия. URL: https://newizv.ru/news/economy/19-04-2021/vshe-rossiyu-zhdut-15-let-beznadezhnoy-stagnatsii (дата обращения: 17.06.2021).

27. СМИ узнали о формировании стратегии развития России стоимостью 5,6 трлн руб // РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/08/06/2021/60beff349a79474b14e79bdb (дата обращения: 17.06.2021).

28. Сурат И. Л., Тебекин А. В. Современные тенденции развития проектного управления в экономических системах // Транспортное дело России. 2014. № 6. С. 36–40.

29. Тебекин А. В., Широкова Л. Н., Сурат И. Л. Управление инновационными проектами. М.: Риалтекс, 2014. 126 с.

30. Тебекин А. В. Технологии преодоления барьеров на пути улучшений в управлении проектами //Журнал исследований по управлению. 2018. Т. 4. № 1. С. 22–39.

31. Тебекин А. В. Эволюция методов управления проектами: мировой опыт и перспективы развития // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 24. С. 3969–3994.

32. Тебекин А. В., Тебекин П. А. Возможности и ограничения использования традиционной методологии управления проектами в современных условиях // Журнал исследований по управлению. 2018. Т. 4. № 1. С. 1–21.

33. Рейтинги стран и регионов // Гуманитарный портал. URL: https://gtmarket.ru/research/country-rankings (дата обращения: 17.06.2021).

34. Тебекин А. В., Игнатьева А. В., Митропольская-Родионова Н. В., Хорева А. В. Проблемы и перспективы использования положений школы предпринимательства Йозефа Шумпетера для развития современного менеджмента // Транспортное дело России. 2021. № 2. С. 69–77.

35. Инфляция в России по годам: 1991–2021 // Мировые финансы. URL: http://global-finances.ru/inflyatsiya-v-rossii-po-godam/ (дата обращения: 17.06.2021).

36. Инвестиции в основной капитал по данным Росстат // Статистика и показатели. Региональные и федеральные. URL: https://rosinfostat.ru/investitsii-v-osnovnoj-kapital/ (дата обращения: 17.06.2021).

37. Тебекин А. В., Тебекин П. А., Егорова А. А. Современные проблемы развития предпринимательства в России и потенциальные пути их решения // Транспортное дело России. 2020. № 5. С. 76–83.

38. Тебекин А. В. Легалистские факторы распространения «серой» теневой экономики в современной России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 1 (49). С. 166-176.

39. Тебекин А. В., Егорова А. А. Структуралистские факторы распространения "серой"теневой экономики // Журнал экономических исследований. 2019. Т. 5. № 3. С. 69–81.

References

1. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of Russia dated July 21, 2020 No. 474 // Garant. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/ (date of access: 17.06.2021).

2. Tebekin A. V. On the depth of the 2020 crisis for the global and national economies and ways out of it // Journal of Economic Research. 2020. Vol. 6. No. 2. Pp. 52–71.

3. Bazanova E. Why for 20 years Russia has not moved from stagnation to development // Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/10/08/813068-20-let-stagnatsii (date of access: 17.06.2021).

4. Koshkina A., Rubchenko M. The government is preparing a new strategy socio-economic development // Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/02/02/856382-pravitelstvo-gotovit-novuyu-strategiyu-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya (date of access: 17.06.2021).

5. Tebekin A. V. Looking “Forward” as the Basis for the Strategic Development of the National Economy // Journal of Management Research. 2021. T. 7. No. 3. Pp. 3–11.

6. On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 (together with the “Concept for long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020”): Order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 N 1662-r (ed. from 28.09.2018) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (date of access: 17.06.2021).

7. Movement without goals: why the "Strategy-2020"failed // Novye Izvestia. URL: https://newizv.ru/article/general/21-11-2019/dvizhenie-bez-tseley-pochemu-provalilas-strategiya-2020 (date of access: 17.06.2021).

8. Groundhog Day: "Strategy 2020"has been successfully failed - is there a queue for national projects? // Nakanune. URL: https://www.nakanune.ru/articles/116644/ (date of access: 17.06.2021).

9. The concept of Russia's development until 2020 turned out to be impracticable. Why the trajectories of the national goals of 2008 and the actual development of the country diverged // RBC. URL: https://www.rbc.ru/economics/02/11/2019/ 5db946fb9a794742bc0d5b68 (date of access: 17.06.2021).

10. Complete failure of the 2020 Strategy. Is the population in the way? // People's journalist. URL: https://narzur.ru/polnyjj-proval-strategi-2020-naselenie-pomeshalo/ (date of access: 17.06.2021).

11. Country of Failed Programs: Why Strategy 2020 Failed? // TVNZ. URL: https://www.kp.ru/daily/27053.7/4119288/ (date of access: 17.06.2021).

12. Schumpeter J. A. Economic Development Theory = Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung; Capitalism, Socialism and Democracy = Capitalism, Socialism and Democracy / Josef Alois Schumpeter; per. from German: V. S. Avtonomov, M. S. Lyubsky, A. Yu. Chepurenko; per. from English: V. S. Avtonomov et al. M.: Eksmo, 2007. 861 p.

13. Tebekin A. V., Ignatieva A. V., Mitropolskaya-Rodionova N. V., Khoreva A. V. Problems and prospects of using the provisions of the school of entrepreneurship of Joseph Schumpeter for the development of modern management // Transport business of Russia. 2021. No. 2. Pp. 69–77.

14. Mintzberg G. Strategic safari: an excursion through the wilds of strategic management / Per. from English D. Raevskaya, L. Tsaruk. Moscow: Moscow School of Management Skolkovo: Alpina Publisher, 2013. 365 p.

15. Tebekin A. V. Looking "forward"as the basis for the strategic development of the national economy // Journal of Management Research. 2021. T. 7. No. 3. Pp. 3–11.

16. The deadline for submission of the Strategy of socio-economic development of the Russian Federation until 2030 to the Government has been determined - May 14, 2021 // Strategy 24. URL: https://strategy24.ru/rf/news/opredelen-srok-vneseniya-strategii-sotsialnoekonomicheskogo- razvitiya-rf-do-2030-goda-v-pravitelstvo-14-maya-2021-goda (date of access: 17.06.2021).

17. Russia's GDP by years: 1991–2021 // World finance. URL: http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/ (date of access: 17.06.2021).

18. Rating of countries in the world in terms of GDP growth // No news. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-temp (date of access: 17.06.2021).

19. Rating of world economies 2021, table of GDP of countries of the world // Top ratings of the world. URL: https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2021-tablitsa-vvp-stran-mira/ (date of access: 17.06.2021).

20. Rating of countries in the world according to the Global Competitiveness Index // Humanitarian portal. URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index (date of access: 17.06.2021).

21. Koroleva A. Russia will not grow as fast as others // Expert. URL: https://expert.ru/2021/03/10/ekonomika-rossii/ (date of access: 17.06.2021).

22. Stagnation instead of recovery. Independent economists were skeptical about GDP growth in 2021–2023 // RBC. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2020/10/21/5f8eb6559a79471244b6dbfc (date of access: 17.06.2021).

23. Tebekin A. V. Taburchak A. P., Petrov V. S. The influence of the global economic crisis on the parameters of economic forecast and budget planning of the Russian Federation // Journal of Economic Research. 2020. Vol. 6.No. 5. Pp. 40–49.

24. Experts predict a slowdown in the Russian economy to 2% in 2023-26 // Finam. URL: https://www.finam.ru/analysis/newsitem/eksperty-prognoziruyut-zamedlenie-ekonomiki-rf-do-2-v-2023-26-godax-20210512-20518/ (date of access: 17.06.2021).

25. Tebekin A. V. Forecast of the development of the Russian economy for the period up to 2030 // Transport business of Russia. 2020. No. 6. Pp. 45–50.

26. HSE: Russia will face 15 years of hopeless stagnation // Novye Izvestia. URL: https://newizv.ru/news/economy/19-04-2021/vshe-rossiyu-zhdut-15-let-beznadezhnoy-stagnatsii (date of access: 17.06.2021).

27. The media learned about the formation of a development strategy for Russia worth 5.6 trillion rub // RBK. URL: https://www.rbc.ru/economics/08/06/2021/60beff349a79474b14e79bdb (date of access: 17.06.2021).

28. Surat I. L., Tebekin A. V. Modern trends in the development of project management in economic systems // Transport business of Russia. 2014. No. 6. Pp. 36–40.

29. Tebekin A. V., Shirokova L. N., Surat I. L. Management of innovative projects. M .: Rialtex, 2014.126 p.

30. Tebekin A. V. Technologies for Overcoming Barriers to Improvements in Project Management // Journal of Management Research. 2018. Vol. 4. No. 1. Pp. 22–39.

31. Tebekin A. V. Evolution of project management methods: global experience and development prospects // Russian Journal of Entrepreneurship. 2017. Vol. 18. No. 24. Pp. 3969–3994.

32. Tebekin A. V., Tebekin P. A. Opportunities and Limitations of Using Traditional Project Management Methodology in Modern Conditions // Journal of Management Research. 2018.Vol. 4.No. 1. Pp. 1–21.

33. Ratings of countries and regions // Humanitarian portal. URL: https://gtmarket.ru/research/country-rankings (date of access: 17.06.2021).

34. Tebekin A. V., Ignatieva A. V., Mitropolskaya-Rodionova N. V., Khoreva A. V. Problems and prospects of using the provisions of the school of entrepreneurship of Joseph Schumpeter for the development of modern management // Transport business of Russia. 2021. No. 2. Pp. 69–77.

35. Inflation in Russia by years: 1991–2021 // World finance. URL: http://global-finances.ru/inflyatsiya-v-rossii-po-godam/ (date of access: 17.06.2021).

36. Investments in fixed assets according to Rosstat // Statistics and indicators. Regional and federal. URL: https://rosinfostat.ru/investitsii-v-osnovnoj-kapital/ (date of access: 17.06.2021).

37. Tebekin A. V., Tebekin P. A., Egorova A. A. Modern problems of entrepreneurship development in Russia and potential ways of their solution // Transport business of Russia. 2020. No. 5. Pp. 76–83.

38. Tebekin A. V. Legalistic factors of the spread of the "gray"shadow economy in modern Russia // Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management. 2020. No. 1 (49). Pp. 166–176.

39. Tebekin A. V., Egorova A. A. Structuralist factors in the spread of the "gray"shadow economy // Journal of Economic Research. 2019. Vol. 5. No. 3. Pp. 69–81.

УДК/UDC 338.1

Особенности экономики знаний в условиях выхода предприятий из постпандемического кризиса COVID-19

Трофимова Наталья Николаевна
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: tnn04@mail.ru
SPIN-код: 8895-5323

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы перехода к экономике знаний. Подчеркнуто, что процессы, происходящие во время социально-экономического кризиса, обусловленного мировой пандемией COVID-19, многократно увеличили спрос на высококвалифицированную рабочую силу. В ходе исследования знания выделяются как наиважнейший драйвер развития экономики. Показано, что экономика знаний имеет большое значение для расширения сферы труда. С помощью метода обобщения собранной информации автором выделены и проанализированы особенности, присущие экономике знаний в сложных условиях, вызванных пандемией коронавируса COVID-19 (в т. ч. ее важность и преимущества, проблемы и ограничения). Даны некоторые рекомендации, направленные на облегчение перехода от постиндустриальной экономики к экономике знаний в условиях выхода предприятий из постпандемического кризиса COVID-19.

Ключевые слова: экономика знаний, явные знания, неявные знания, предприятие, постпандемический кризис, пандемия.

Features of the knowledge economy in the context of enterprises emerging from the post-pandemic COVID-19 crisis

Trofimova Natalya Nikolayevna
Candidate of Economics, assistant professor of the Department of Management
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
St. Petersburg, Russia
e-mail: tnn04@mail.ru
SPIN Code: 8895-5323

Abstract

The article discusses topical issues of the transition to the knowledge economy. It was emphasized that the processes taking place during the socio-economic crisis caused by the global pandemic COVID-19 have multiplied the demand for highly skilled labor. In the course of the study, knowledge is singled out as the most important driver of economic development. It is shown that the knowledge economy is important for expanding the world of work. Using the method of summarizing the collected information, the author highlighted and analyzed the features inherent in the knowledge economy in the difficult conditions caused by the COVID-19 coronavirus pandemic (including its importance and advantages, problems and limitations). Some recommendations are given to facilitate the transition from a post-industrial economy to a knowledge economy in the context of enterprises emerging from the post-pandemic COVID-19 crisis.

Key words: knowledge economy, explicit knowledge, tacit knowledge, enterprise, post-pandemic crisis, pandemic.

В последние годы важность экономики знаний в современном мире больше не вызывает сомнений. Мир постепенно осознает глобальное значение экономики знаний. Сегодня большинство развитых стран стремятся к созданию экономики с высокой добавленной стоимостью и высококвалифицированной рабочей силой, а традиционные факторы производства больше не считаются единственными факторами экономического развития и роста.

Когда сырье исчерпывается, информация становится самым ценным ресурсом. Его главное преимущество в том, что он неисчерпаем, поэтому рынок знаний заполняет все большее пространство. На базе этого в эпоху цифровых технологий появилась новая экономика - экономика знаний. Именно поэтому в последнее десятилетие тема экономики знаний приобретает все большее значение, а в научных кругах ее рассматривают как источник экономического роста и конкурентоспособности во всех секторах экономики, что особенно актуально при кризисе, обусловленном мировой пандемией COVID-19.

Экономика знаний - это экономическая система, основанная на интеллектуальном капитале или интеллектуальных возможностях, т. е. это экономика, основанная на знаниях, где экономическое богатство создается в основном за счет использования знаний.

Итак, сегодня формируется и развивается общество, экономическая база которого во многом определяется процессами генерации, распространения и использования знаний. Знания представлены не как философское понятие, а как специфический фактор, влияющий на мировую экономику. Человечество начинает признавать тот факт, что товары и услуги являются лишь следствием знаний, благодаря которым они существуют. Знания как продукт умственной деятельности человека составляют основу инновационных разработок и предоставления уникальных услуг.

Основные черты экономики знаний уже наблюдаются во всем мире, и в будущем их присутствие будет только увеличиваться. Они заключаются в следующем [1]:

1. Сфера услуг опережает производство.
2. Все больше денежных средств расходуется на получение знаний.
3. Наблюдается бурный рост информационно-коммуникационной сферы.
4. Экономики разных стран объединяются.

5. Появляются новые продукты и услуги, основанные на интеллектуальной деятельности.

Учитывая вышесказанное, успех перехода к экономике знаний в условиях выхода предприятий из постпандемического кризиса COVID-19 включает такие элементы, как:

1) долгосрочные инвестиции в образование и знания,
2) развитие инновационного потенциала,
3) модернизация IT-инфраструктуры;
4) создание благоприятной экономической среды.

Очевидно, что знания не только делают экономику более производительной и устойчивой, но также могут обеспечить способность решать проблемы, которые особенно необходимы перед лицом непредвиденных потрясений в постпадемической ситуации. При этом необходимо следить за гибкостью и адаптируемостью современной экономической системы, поскольку на фоне пандемии COVID-19 возрастает безработица, а многие предприятия все чаще сталкиваются с ситуацией банкротства [2].

В экономике знаний главное значение отводится человеческому капиталу, а процессы глобализации, повсеместная компьютеризация, автоматизация и цифровизация видоизменяют экономический уклад во всем мире, осуществляя в экономике постепенный переход от превалирования производственных процессов к накоплению интеллектуального капитала и профессиональных навыков.

Отсюда можно сделать вывод, что экономика знаний в своей основе имеет не только физические ресурсы, сколько интеллектуальный капитал, способствующий развитию наукоемкой деятельности и высокотехнологичного производства.

Для успешного развития экономики знаний в ней (относительно текущей постиндуастриальной экономики) должен присутствовать более высокий процент высококвалифицированных сотрудников, обладающих специальными знаниями или навыками [3]. Поэтому уже в настоящее время экономика знаний приводит к изменениям и сдвигам в активах

предприятий (например, возрастают требования к уровню образования и квалификации работников).

Отличительные особенности экономики знаний состоят в следующем [4]:

1. Для экономики знаний характерен не дефицит, а изобилие ресурсов. В отличие от большинства ресурсов, которые истощаются при использовании, информация и знания могут совместно использоваться и фактически увеличиваться посредством их применения.
2. Эффект локации уменьшается. Например, используя соответствующие технологии и методы, можно создавать виртуальные торговые площадки и виртуальные компании, которые предлагают потребителям преимущества скорости и гибкости, круглосуточной работы и глобального охвата.
3. Продукты или услуги с расширенными знаниями могут иметь более высокую цену по сравнению с сопоставимыми продуктами, имеющими низкий уровень встроенных знаний или наукоемкости.
4. Цена и стоимость сильно зависят от контекста, т. е. одна и та же информация или знания могут иметь совершенно разную ценность для разных пользователей в разное время.
5. Человеческий капитал и компетенции являются ключевыми компонентами ценности предприятия, основанного на знаниях. Однако лишь немногие компании указывают уровни компетенций своего персонала в годовых отчетах. Напротив, сокращение штата часто рассматривается как положительная мера сокращения затрат.

Как видим, указанные выше особенности экономики знаний сильно отличают ее от традиционной экономики, требуют нового мышления и подходов со стороны руководителей высшего звена и работников умственного труда.

Можно выделить следующее тенденции, которые наблюдаются при переходе к экономике знаний [5]:

1) знания начинают выступать в роли ведущих факторов производительности труда на предприятии;
2) наблюдается стремительный рост инвестиций в производственные бизнес-процессы и высокие технологии наукоемких отраслей;
3) происходит преумножение знаний и обмен ими между участниками рынка;
4) рабочая сила более высокой квалификации начинает пользоваться повышенным спросом на рынке труда;
5) возрастает значение практических навыков и умений (неявных знаний);
6) развитие инноваций происходит под влиянием как производителей, так и потребителей;
7) знания перетекают из одной отрасли в другую;
8) происходит процесс распространения и глобализации знаний;
9) экономика знаний и высокотехнологичная промышленность способствуют автоматизации производственных бизнес-процессов, что ведет к быстрым изменениям на рынке труда.

Кроме вышеперечисленных особенностей, важность и преимущества экономики знаний состоят в том, что в сложных условиях, вызванных пандемией коронавируса COVID-19, она может помочь предприятиям стать более эффективными, динамичными и инновационными [6]. По нашему мнению, это связано с тем, что она:

1) стимулирует разработку инноваций и обеспечивает индивидуальный подход к разработке инновационных продуктов;
2) повышает роль и значение человеческих ресурсов в процессе привлечения и удержания на предприятиях работников, способных достаточно быстро адаптироваться к новому режиму экономики;

3) способствует распространению и обмену знаниями за счет взаимовыгодного сотрудничества на основе новых методов работы;
4) позволяет добиться экономического роста и высокого уровня производительности труда;
5) повышает уровень занятости, обеспечивая стабильный рост спроса на квалифицированную рабочую силу.

Тем не менее, несмотря на все вышеперечисленные достоинства, экономике знаний присущи и другие особенности, связанные с определенными проблемами и ограничениями. Среди них отдельно можно выделить следующие:

1. Экономика знаний может значительно увеличить разрыв между высококвалифицированными и низкоквалифицированными работниками в заработной плате [7], что усугубит социально-экономическую ситуацию в постпандемический кризис COVID-19.
2. Экономика знаний также может быть фактором роста гиг-экономики (система работы, при которой сотрудников не нанимают в штат, а привлекают сторонних исполнителей на конкретные проекты, для выполнения определенных задач в оговоренные сроки). Это создаст больше возможностей для людей с высоким интеллектуальным потенциалом, но те, у кого меньше навыков, смогут найти работу лишь временную и низкооплачиваемую.
3. Экономика знаний ограничивает количество высококвалифицированных рабочих мест. Несмотря на рост высокотехнологичных отраслей, многие рабочие места не требуют самого высокого уровня квалификации, что связано с происходящей автоматизацией и цифровизацией бизнес-процессов, темпы которых значительно возросли в период пандемии COVID-19.

Для работников предприятий и прочих граждан трудоспособного возраста это представляет как возможности, так и угрозы. При наличии необходимого уровня квалификации и неявных знаний у потенциального

работника имеется больше возможностей для поиска и трудоустройства на высокооплачиваемую и интересную работу. При низком же уровне квалификации и недостатке знаний рынок труда не может в полной мере удовлетворить запросы претендентов на вакантные места (потенциальных работников), что зачастую связано с ограниченным предложением низкооплачиваемой работы.

Подводя итоги, можно сказать, что знания не только являются основными источниками производительности и экономического роста, но и могут также в будущем привести к структурным изменениям в экономике и обществе. В целях облегчения перехода к экономике знаний на предприятиях следует разрабатывать и внедрять в практику расширенные программы обучения, оказывать содействие (материальную помощь) сотрудникам в повышении уровня образования (например, выдавать субсидии сотрудникам, которые успешно обучаются на курсах повышения квалификации). Кроме того, и сами учебные заведения должны совершенствовать программы обучения с учетом требований рынка труда.

Таким образом, сегодня руководители предприятий должны направить все свои усилия на развитие человеческого капитала и уровня знаний в целях обеспечения эффективности работы предприятий в частности и экономики страны в целом.

Список литературы

1. Максимкина М. С. Экономика знаний: проблемы и тенденции развития // Контентус. 2019. № 11. С. 262–267.

2. Глюзицкий К. К. Экономика знаний: проблемы, возможности, тенденции развития // Инновационная наука. 2017. № 12. С. 100–103.

3. Кукушкин С. Н. Бизнес-модель организации в экономике знаний // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2018. № 6 (102). С. 24–31.

4. Трофимова Н. Н. Проблемы и перспективы формирования экономики знаний в условиях постиндустриальной экономики // Стратегии бизнеса. 2021. № 1. С. 4–8.

5. Данильченко А. В., Харитонович С. А. Экономика знаний как этап развития постиндустриального общества // Экономическая наука сегодня. 2018. № 8. С. 63–73.

6. Миронова В. Н. Инновационное развитие экономики знаний // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 2. С. 61–68.

7. Каленов О. Е. Организация в экономике знаний // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2019. № 5 (107). С. 5–14.

References

1. Maksimkina M. S. Knowledge Economy: Problems and Development Trends // Contentus. 2019. No. 11. Pp. 262–267.

2. Glyuzitsky K. K. Economy of knowledge: problems, opportunities, development trends // Innovative Science. 2017. No. 12. Pp. 100–103.

3. Kukushkin S. N. Business model of organization in the knowledge economy // Bulletin of the PRUE named after G. V. Plekhanov. 2018. No. 6 (102). Pp. 24–31.

4. Trofimova N. N. Problems and prospects of the formation of the knowledge economy in the post-industrial economy // Business strategies. 2021. No. 1. Pp. 4–8.

5. Danilchenko A. V., Kharitonovich S. A. The knowledge economy as a stage in the development of post-industrial society // Economic science today. 2018. No. 8. Pp. 63–73.

6. Mironova V. N. Innovative development of the knowledge economy // Economics. Taxes. Right. 2020. No. 2. Pp. 61–68.

7. Kalenov O. E. Organization in the knowledge economy // Bulletin of the PRUE named after G. V. Plekhanov. 2019. No. 5 (107). Pp. 5–14.

УДК/UDC 338.1

Положительные эффекты и барьеры при переходе предприятий к промышленной бизнес-модели циркулярной экономики

Трофимова Наталья Николаевна
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: tnn04@mail.ru
SPIN-код: 8895-5323

Аннотация

Природные ресурсы и полученные из них сырье и материалы представляют собой физическую основу современной экономической системы. В последние десятилетия наблюдается беспрецедентный рост спроса на эти ресурсы, что вызывает огромный интерес к ресурсоэффективной циркулярной экономике. В статье уточнено понятие и рассмотрены основные принципы промышленной бизнес-модели циркулярной экономики. Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с достоинствами циркулярной экономики. В ходе исследования с помощью методов обобщения и систематизации собранной информации автором выделены и проанализированы препятствия, возникающие на пути перехода предприятий к промышленной бизнес-модели циркулярной экономики. В заключение подчеркнуто, что эффективность перехода предприятий к циркулярной экономике будет зависеть от взаимосвязи бизнес-моделей, технологических инноваций, коммуникаций между стейкхолдерами, отраслями и географическими регионами.

Ключевые слова: циркулярная экономика, экономика замкнутого цикла, предприятие, бизнес-модель, промышленная система.

Positive effects and barriers in the transition of enterprises to the industrial business model of the circular economy

Trofimova Natalya Nikolayevna
Candidate of Economics, assistant professor of the Department of Management
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
Staint Petersburg, Russia
e-mail: tnn04@mail.ru
SPIN Code: 8895-5323

Abstract

Natural resources and the raw materials and materials derived from them are the physical basis of the modern economic system. In recent decades, there has been an unprecedented increase in demand for these resources, which is causing great interest in the resource-efficient circular economy. The article clarifies the concept and considers the basic principles of the industrial business model of the circular economy. Topical issues related to the advantages of the circular economy are considered. In the course of the study, using the methods of generalization and systematization of the collected information, the author identifies and analyzes the obstacles that arise in the way of transition of enterprises to the industrial business model of the circular economy. In conclusion, it is emphasized that the effectiveness of the transition of enterprises to a circular economy will depend on the relationship of business models, technological innovations, communications between stakeholders, industries and geographical regions.

Key words: circular economy, closed-loop economy, enterprise, business model, industrial system.

Стремление к реализации концепции устойчивого развития требует от предприятий радикальных изменений. Линейная промышленная модель больше не эффективна в условиях быстрого роста населения, нехватки природных ресурсов, урбанизации и других социально-экономических тенденций. Сегодня эта устаревшая парадигма уступает место экономике замкнутого цикла (циркулярной экономике). В подобной ситуации промышленная бизнес-модель циркулярной экономики

предлагает новые возможности для инноваций, интеграции между природными экосистемами и управлением бизнесом, фокусируясь на оптимизации управления материальными потоками через дизайн продукта, обратную логистику, инновации и межотраслевое сотрудничество.

Циркулярная экономика - это ключевой подход, который объединяет окружающую среду и экономику. По сути, циркулярная экономика представляет собой переход от системы расточительства к системе бережливого производства, выстраиваемой на базе регенерирующей бизнес-модели экономики, которая предоставляет перспективные возможности для успешного решения экологических проблем, повышения производительности труда, внедрения инноваций, повышения конкурентоспособности, а также стимулирования экономического роста и развития предприятий [1].

Напомним, что в линейной экономике сырье используется для изготовления продукции, а отходы утилизируются. Напротив, в промышленной бизнес-модели циркулярной экономики ценность поддерживается как можно дольше: количество отходов и использованных ресурсов минимизируется, материалы используются повторно с помощью вторичной переработки [2]. Кроме этого, производители проектируют продукцию для многократного использования.

Таким образом, при промышленной бизнес-модели циркулярной экономики запасы ресурсов в системе производства и потребления постоянно циркулируют для поддержания их максимальной ценности и полезности, а колебания этого запаса находятся в равновесии с окружающей средой, обеспечивая их устойчивое использование. При этом бизнес-процессы во время прохождения этапов жизненного цикла продукции предназначены не только для циркуляции ресурсов, но и для поддержки сохранения и регенерации биосферы, чтобы исключить опасные выбросы и не допустить деградации природных ресурсов.

Включив цикличность производственных процессов в свои бизнес-модели, предприятия смогут создавать продукцию таким образом, чтобы обеспечить эффективное и регенеративное использование ограниченных

ресурсов, в то же время сохраняя продукты, компоненты и материалы на самом высоком уровне ценности и полезности.

Таким образом, можно сказать, что циркулярная экономика - это промышленная бизнес-модель, которая имеет регенеративную (восстановительную) направленность с упором на общественные выгоды, что влечет за собой исключение отходов и постепенный отказ от потребления ограниченных ресурсов. При этом опираясь на возобновляемые источники энергии, циркулярная бизнес-модель в промышленности создает экономический, природный и социальный капитал, основанный на принципах [3]:

1) недопущения отходов и загрязнения окружающей среды,
2) повторного использования продуктов и материалов,
3) регенерации естественных экосистем.

Очевидно, что главной целью циркулярной экономики является оптимизация отдачи ресурсов за счет кругооборота используемых ресурсов с максимальной полезностью для общества. При этом системы менеджмента на предприятиях необходимо выстраивать таким образом, чтобы эффективно управлять такими негативными внешними факторами, как нерациональное землепользование, загрязнение почвы, воды и воздуха, выбросы токсичных веществ, изменение климата.

Переход к промышленной бизнес-модели циркулярной экономики несет в себе множество положительных эффектов [4]:

1. Прирост прибыли за счет сокращения затрат на ресурсы, а также экономический рост за счет повышения функциональности продуктов и их повторного использования.
2. Прирост сэкономленных ресурсов за счет увеличения срока службы продукции и значительное сокращение количества промышленных и бытовых свалок, масштабов загрязнения окружающей среды.
3. Рост числа инновационных предприятий, функционирующих на принципах циркулярной экономики, сокращение безработицы и рост занятости местного населения за счет создания новых

рабочих мест (например, для вторичной переработки и ремонта продукции).

4. Создание дополнительных потоков прибыли за счет выхода на новые рынки, а также сокращение затрат путем уменьшения количества отходов, энергии и обеспечения непрерывности поставок.
5. Снижение волатильности (зависимости от цен на сырье).

Однако несмотря на перечисленные выше преимущества для окружающей среды, экономики и бизнеса при переходе к циркулярной экономике имеются некоторые барьеры [5]:

1. Объемы финансирования циркулярных бизнес-моделей. Трансформация промышленных предприятий является дорогостоящей процедурой, необходимы большие объемы первоначальных инвестиций для осуществления инноваций при внедрении циркулярных моделей.
2. Сопротивление общества и работников предприятий изменениям. Существующие бизнес-культуры довольно статичны и консервативны, вследствие чего препятствуют трансформации, ограничивая взаимодействие предприятий. Существующие промышленные бизнес-модели не ориентированы на цикличность, поэтому требуются долгосрочные изменения. При этом неподдерживающая корпоративная культура, отсутствие приверженности и нежелание рисковать делают переход к циркулярной экономике очень сложным процессом.
3. Воспринимаемое отсутствие потребительского спроса. Сегодня в обществе существует недостаточное понимание концепции циркулярности и ее преимуществ. Кроме того, товары, произведенные в рамках циркулярной модели, стоят дороже, чем произведенные по линейной модели. Сочетание этих двух факторов может ограничивать потребительский спрос на продукцию в циркулярной экономике.

Также можно выделить и другие препятствия на пути перехода от линейной к промышленной бизнес-модели циркулярной экономики [6]:

1) высокие внешние издержки, включая цены на ресурсы, потребление энергии, охрану окружающей среды;
2) трудности в достижении эффекта масштаба на рынках переработки для производства экологически чистых товаров;
3) отсутствие разработанных стандартов отчетности и ключевых показателей эффективности циркулярного производства;
4) несоответствие между целями предприятия и общества;
5) низкая информированность о преимуществах циркулярной экономики для промышленной системы и общества.

Кроме этого, имеются барьеры и в рамках цепочки создания стоимости. Среди них можно выделить следующие:

1. Отсутствие инфраструктуры поддерживающего рынка вторичного сырья. Для успешной реализации циркулярного подхода необходим надежный рынок вторичного сырья. Существующая инфраструктура переработки продукции недостаточна для поддержки перехода к цикличному производству. Необходимо создание предприятий, ориентированных на вторичную переработку сырья и материалов.
2. Текущая линейная конструкция изделий. Многие производимые изделия не предназначены для последующего ремонта, демонтажа или переработки. Для устранения этого барьера необходим инновационный экодизайн продуктов, что должно привести к разработке товаров, которые могут быть легко отремонтированы или переработаны в конце первого жизненного цикла, а впоследствии быть использованы в качестве исходных материалов для производства других товаров.

С учетом как барьеров, так и положительных эффектов для решения предстоящих задач по внедрению промышленной бизнес-модели циркулярной экономики можно предложить следующие решения:

1) улучшить понимание ценности продуктов и материалов, задействовав всю цепочку создания стоимости;
2) интегрировать ценообразование таким образом, чтобы распределить высокие затраты на определенные виды деятельности по всей цепочке создания стоимости и обеспечить финансовую конкурентоспособность предприятий с циркулярным производством;
3) оказывать финансовую поддержку инновациям, сосредоточить внимание на технологическом развитии и НИОКР (научные исследования и опытно-конструкторские разработки);
4) развивать инфраструктуру перерабатывающей промышленности;
5) вовлекать в бизнес-процессы циркулярной экономики как можно более широкий круг стейкхолдеров (заинтересованных сторон);
6) совершенствовать бизнес-стратегии и способы управления, продвигая подход, основанный на повторном жизненном цикле продукции.

В заключение можно сказать, что промышленная модель циркулярной экономики направлена на борьбу с нестабильностью и повышение эффективности ресурсопользования. При этом переход к циркулярной экономике потребует от предприятий сочетания новых бизнес-моделей, технологических инноваций, а также коммуникаций между различными стейкхолдерами, отраслями и регионами. Такой подход к циркулярной экономике сможет привести к положительному воздействию на окружающую среду, реальной экономии затрат и увеличению прибыли предприятий.

Список литературы

1. Александрова В. Д. Бизнес-модели циркулярной экономики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-1. С. 94–97.

2. Валько Д. В. Циркулярная экономика: теоретическая модель и эффекты реализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. № 8 (365). С. 1415–1429.

3. Трофимова Н. Н. Стратегические аспекты антикризисного управления предприятиями в период пандемии COVID-19 // Вестник университета. 2020. № 11. С. 59–66.

4. Мочалова Л. А. Циркулярная экономика в контексте реализации концепции устойчивого развития // Journal of new economy. 2020. №4. С. 5–27.

5. Кудрявцева О. В., Митенкова Е. Н., Солодова М. А. Циркулярная экономика как инструмент устойчивого развития России // ЭВР. 2019. № 3 (61). С. 115–126.

6. Фролова М. К. Анализ предпосылок и проблем перехода России к циркулярной экономике // Контентус. 2019. № 11. С. 323–331.

References

1. Alexandrova V. D. Business models of circular economy // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 5-1. Pp. 94–97.

2. Valko D. V. Circular economy: theoretical model and implementation effects // National interests: priorities and security. 2018. No. 8 (365). Pp. 1415–1429.

3. Trofimova N. N. Strategic aspects of anti-crisis management of enterprises during the COVID-19 pandemic // University Bulletin. 2020. No. 11. Pp. 59–66.

4. Mochalova L. A. Circular economy in the context of the implementation of the concept of sustainable development // Journal of new economy. 2020. No. 4. Pp. 5–27.

5. Kudryavtseva O. V., Mitenkova E. N., Solodova M. A. Circular economy as a tool for sustainable development of Russia // EVR. 2019. No. 3 (61). Pp. 115–126.

6. Frolova M. K. Analysis of the prerequisites and problems of Russia's transition to a circular economy // Contentus. 2019.No. 11. Pp. 323–331.

УДК/UDC 331.1

Оптимизация клинического управления - основа эффективной деятельности медицинской организации

Хорунженко Татьяна Анатольевна
главная медицинская сестра
Филиал № 1 ФГБУ «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневского» Минобороны России
г. Красногорск, Россия
e-mail: t.horunzhenko@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены возможности оптимизации управления медицинской организацией. Выделяют три вида управления: техническое - на основе технических правил (физических, математических), биологическое - с учетом законов природы, закономерностей развития тех или иных организмов (птицеводство, селекция, животноводство и т. д.) и социальное - управление людьми. Управление же медицинской организацией основано на принципах социального управления, осуществляемого с помощью организационной техники, технического управления производственной базой и технологий биологического управления организмом человека (последнее также можно называть клиническим управлением). В работе также подробно рассматриваются функции, осуществляемые руководителем отделения и лечащим врачом. Делается вывод о том, что специфика управления медицинской организацией заключается в сочетании методов социального, технического и клинического управления.

Ключевые слова: менеджмент, организационное управление, методы управления, принятие управленческих решений, маркетинг, здравоохранение.

Optimization of clinical management is the basis for the effective operation of a medical organization

Khorunzhenko Tatyana Anatolyevna
Chief Nurse
Branch No. 1 of the Federal State Budgetary Institution «3 Vishnevsky Central Clinical Hospital» of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Krasnogorsk, Russia
e-mail: t.horunzhenko@mail.ru

Abstract

The article discusses the possibilities of optimizing the management of a medical organization. There are three types of management: technical - based on technical rules (physical, mathematical), biological - taking into account the laws of nature, patterns of development of certain organisms (poultry farming, selection, animal husbandry, etc.) and social - stuff management. Management of a medical organization is based on the principles of social management, carried out with the help of organizational technology, technical management of the production base, and technologies of biological management of the human body (the latter can also be called clinical management). The work also discusses in detail the functions carried out by the head of the department and the attending physician. It is concluded that the specificity of the management of a medical organization consists in a combination of methods of social, technical and clinical management.

Key words: management, organizational management, management methods, management decision making, marketing, healthcare.

Медицинская организация как объект управления представляет собой социотехническую и производственно-экономическую хозяйственную систему с четко структурированной совместной деятельностью, нуждающуюся в управленческом воздействии, обеспечивающем достижение ее целей [1; 2].

Несмотря на существенную специфику производственной деятельности медицинских организаций, а также особый характер и ее продуктов, управление ими в целом подчиняется общим закономерностям, описанным в теории управления. Вместе с тем необходимо учитывать, что в

отличие от других социально-экономических систем, регулирование которых осуществляется по принципам социального и технического управления, деятельность медицинской организации связана с воздействием на объекты живой природы (человеческий организм) и нуждается в обеспечении функционирования дополнительного вида управления, классифицируемого как биологическое управление.

Биологическое управление, осуществляемое в медицинской организации, представляет собой деятельность, направленную на поддержание определенной структуры, системы или организма человека в целом и на обеспечение необходимых режимов его функционирования.

Инструментом биологического управления является воздействие на биологическую систему (в рассматриваемом случае - организм человека), чтобы устранить негативные реакции (болезнь, проблему здоровья). При этом биологическое управление при осуществлении медицинской деятельности осуществляется, как правило, путем воздействия на организм с использованием медицинского оборудования, медицинской техники, изделий и лекарственных средств, которые изменяют (заставляют реагировать) приспособительную систему организма конкретного пациента. Не случайно в европейских управленческих стандартах серии ISO 9000 медицинская помощь трактуется как «деятельность по ремонту биологических систем человеческого организма».

Т. е. медицинское воздействие можно оценивать как фактор внешней среды, контролируемый медицинским специалистом, который вызывает соответствующие изменения в функционировании организма для решения определенной задачи. Однако на самом деле все гораздо сложнее, и в случае биологического управления достижение этой цели происходит через ожидаемые приспособительные реакции, возникающие в ответ на действие внешнего регулирующего фактора.

Иными словами, цепочка от медицинского воздействия до решения медицинской задачи, т. е. получения клинического результата, является более длинной. В ее середине находится важное звено - реакции

организма в ответ на медицинское вмешательство. Во многом специфика медицинской деятельности определяется наличием этого звена.

Фактически медицинское воздействие вызывает приспособительные реакции путем коррекции очень сложной системы адаптации человека. Но если результат такой коррекции является ожидаемым и предвиденным относительно человека как усредненного представителя биологического вида, то относительно индивидуума (конкретного пациента) прогноз итогов медицинского вмешательства всегда является неоднозначным. Это обуславливает необходимость создания в каждом случае индивидуального управленческого проекта путем подбора технологии и дозировки воздействий с учетом индивидуальных особенностей каждого организма и сочетания взаимодействия сложных комплексов патологических процессов, влияющих друг на друга.

Медицинское воздействие (физическое, психическое или информационное), носящее в организационной практике здравоохранения название «медицинского вмешательства», осуществляется непосредственными исполнителями медицинской помощи, оказывающими медицинские услуги.

При этом исполнитель медицинского вмешательства является субъектом управления (регулирующего воздействия) на организм пациента (его часть, определенный орган, систему или внутреннюю среду), который является объектом управления.

Вместе с тем к субъектам биологического управления, помимо исполнителей медицинских вмешательств, следует отнести также лиц, непосредственно участвующих в их планировании, организации и осуществляющих контроль исполнения этих вмешательств (т. е. в управлении биологическим управлением).

Таким образом, управление медицинской организацией основано на принципах социального управления, осуществляемого с помощью организационной техники, технического управления производственной базой, но также включает в себя технологии биологического управления организмом человека (последнее также можно называть клиническим управ-

лением). При этом на разных уровнях управления они представлены в различных пропорциях и сочетаниях (см. рис. 1).

Уровни управления медицинской организацией и используемые ими методы управления

Рисунок 1

Как видно на представленном рисунке, в системе менеджмента медицинской организации обычно выделяют три уровня управления: стратегический, тактический и оперативный.

На стратегическом уровне руководителем медицинской организации принимаются стратегически важные управленческие решения по развитию и совершенствованию деятельности организации на основе анализа внешней и внутренней информации. Этот уровень системы управления следует рассматривать как механизм создания концептуальной модели эффективно функционирующей медицинской организации, приспособленной к экономическому и социально-культурному окружению.

На тактическом уровне (уровне заместителей руководителя) осуществляется процесс планирования жизненного цикла продукции и ор-

ганизационное управление. Каждый заместитель планирует работы по своему направлению деятельности, организует, контролирует и анализирует их выполнение на основе информации, представляемой руководителями подчиненных подразделений, принимает решения по совершенствованию своего вида деятельности и предоставляет соответствующие отчеты руководителю медицинской организации.

Задачей тактического управления является регламентированное функционирование производственной системы в целях качественной и безопасной реализации технологий производства перечня медицинских услуг, соответствующих потребностям входящего потока пациентов. Это управление представляет собой деятельность владельца по переводу процесса из текущего состояния в целевое. Оно осуществляется в целях приведения производственной системы медицинской организации в соответствие с возникающими потребностями и требованиями. Итогом осуществления организационного управления является регламентированное функционирование производственной системы в целях качественной и безопасной реализации технологий производства перечня медицинских услуг и работ, соответствующих потребностям входящего потока пациентов.

На оперативном уровне (уровне заведующих отделениями, старших медицинских сестер) обеспечивается эффективное выполнение производственных процессов в отдельных подразделениях, что определяется соответствием с технологией и оптимальным использованием ресурсов. Основная задача оперативного управления - поддержание процесса в стабильном воспроизводимом состоянии за счет выявления и устранения причин отклонений (вариаций).

Все управленческие уровни используют методы социального управления, которое можно назвать организационно-административным. На тактическом уровне превалируют технико-технологические аспекты управления, а на низшем, оперативном уровне управления, методы и технологии социального управления персоналом и технического управления

оборудованием сочетаются с технологиями клинического управления организмом человека, причем последние являются преобладающими.

Таким образом, специфика управления медицинской организацией заключается в сочетании методов социального, технического и клинического управления. Задачей социального и технического управления процессами в медицинской организации является обеспечение условий для успешного осуществления клинического управления в отношении конкретных пациентов и получения их результатов, соответствующих наилучшей клинической практике. При этом успешность осуществления функций клинического управления в каждом конкретном случае оказания медицинской помощи, в конечном счете, в значительной степени определяет результат деятельности всего учреждения.

Именно этот класс управления является наиболее сложным, поскольку каждый объект управления обладает индивидуальными особенностями и требует учета сочетания взаимодействия сложных комплексов патологических процессов, влияющих друг на друга. Кроме того, следует учитывать, что свойства и характеристики объекта управления непрерывно меняются под внешним воздействием. В связи с этим клиническое управление функциями человеческого организма требует создания в каждом случае индивидуального управленческого проекта путем подбора технологии и дозировки воздействий, организации наблюдения за целым комплексом сложных адаптационных процессов, непрерывной коррекции планов осуществления воздействий.

Ссылки многих авторов на недостаточную квалификацию руководителей медицинских организаций в вопросах управления и плохую организацию в них этой деятельности представляются нам в значительной степени недооценкой сложности и следствием слабой изученности проблем клинического управления [3; 4; 5]. Как нам представляется, недостаточная проработанность методик и технологий этого вида управления является одной из причин отставания управленческой практики в медицинских организациях.

Специфика научной разработки проблем клинического управления состоит в том, что она связана со сложностями формализации изучаемых объектов (клинических ситуаций, заболеваний, синдромов). В связи с этим возникает потребность в использовании методов моделирования, системного анализа, экспертных оценок, программно-целевого метода и др.

Особое значение имеет доказательный подход к медицинской практике, который подразумевает использование лечебных, профилактических и диагностических воздействий с доказанной эффективностью, полученных из клинических исследований, в повседневной клинической работе врача. Цель концепции доказательной медицины - дать врачам возможность искать и использовать при принятии клинических решений научно обоснованные факты, полученные в результате скрупулезного и корректно проведенного клинического исследования, повысить точность прогноза исходов врачебного вмешательства.

Методом внедрения научных исследований в практическое здравоохранение является создание клинических руководств и протоколов ведения больных. Применение протоколов позволяет врачу осуществлять выбор терапии не на основании мнений, а на основании доказательств.

Таким образом, решение методических проблем клинического аспекта управления, внедрение современных технологий управления, основанных на принципах доказательной медицины, позволит оптимизировать и повысить как эффективность управленческой деятельности, так и эффективность деятельности медицинских организаций в целом.

Кроме того, существенную роль в оптимизации клинического управления может выполнять формализация процессов, осуществляемых руководителями и врачами подразделений, в которых непосредственно оказывается медицинская помощь пациентам.

Структурный анализ клинического управления, используемого в медицинской организации, позволяет, в свою очередь, выделить два уровня:

1) уровень руководителя отделения и лечащего врача, который можно более точно назвать управлением клиническим процессом ведения больных в ходе оказания медицинской помощи конкретным пациентам;
2) уровень исполнителей вмешательств, непосредственно осуществляющих воздействия (другие врачи и медицинские сестры, привлекаемые к их исполнению на различных этапах ведения пациента).

Остановимся более подробно на каждом из вышеперечисленных уровней управления.

На уровне руководителя отделения можно выделить несколько основных групп управленческих функций руководителя:

1) участие в осуществлении общего алгоритма лечебно-диагностического процесса;
2) нормирование, инструктирование и контроль деятельности персонала подразделения;
3) управление клиническими процессами ведения пациентов.

Первые две группы функций осуществляются методами социального (организационного) управления. Это участие в осуществлении общего алгоритма лечебно-диагностического процесса предполагает организацию деятельности подразделения и создание алгоритма работы его персонала, соответствующего общему регламенту работы и взаимодействия подразделений медицинской организации. Кроме того, это предусматривает непосредственное участие руководителя и врачей подразделения в процессах взаимодействия путем оказания консультативных услуг, участия в консилиумах, общегоспитальных клинических разборах, конференциях и пр.

Нормирование, инструктирование и контроль деятельности персонала подразделения предполагает определение объема и перечня обязанностей персонала через создание должностных инструкций, проведение занятий по их детальному изучению, а также стандартизацию работ, алгоритмов выполнения конкретных процедур и медицинских услуг (про-

стых, сложных и комплексных). Последнее при условии соблюдения технологий выполнения услуг, наряду с гарантией качества выполняемых услуг, обеспечивает и возможность объективного контроля деятельности персонала.

Управление клиническими процессами ведения больных является важнейшей функцией руководителя отделения. При этом руководителем отделения используются методы как социального, так и клинического управления. Процесс ведения пациента представляет собой взаимодействие медицинских работников, привлекаемых к выполнению всех подпроцессов, процедур и работ, составляющих этот процесс. Говоря о таком взаимодействии медицинских работников, нужно, прежде всего, выделить основную фигуру - владельца процесса ведения конкретного пациента, т. е. его лечащего врача. Он в соответствии со сложившейся практикой является как организатором мероприятий по ведению пациента, т. е. субъектом управления процессом, так и лицом, непосредственно участвующим в их выполнении. Это положение закреплено в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323 - ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6]. На лечащего врача возложены такие важнейшие составляющие процесса ведения пациента, как организация своевременного квалифицированного обследования и лечения, установление диагноза, все аспекты информирования пациента [6]. Таким образом, лечащий врач является основным субъектом управления данным процессом.

Вместе с тем действия лечащего врача во многом определяются профессиональной средой и рамками общего алгоритма производства медицинских услуг (лечебно-диагностического процесса), созданного в медицинской организации его владельцем - заместителем руководителя по медицинской части - и претворяемого в жизнь на уровне подразделений их руководителями. Так, например, А. А. Моховым отмечается [7], что анализ закрепленных действующим законодательством обязанностей и прав лечащего врача показывает, что единоличное ведение пациента, по общему правилу, осуществляется лечащим врачом самостоятельно, но

в определенных границах, пределах. К отдельным этапам диагностики и лечения могут быть привлечены и другие медицинские работники, в индивидуальном порядке (исполнители вмешательств, консультанты) и в групповом составе (врачи консилиумов и комиссий).

Важное место как в правильной организации лечебно-диагностического процесса в отделении, так и в исполнении основных элементов процесса оказания медицинской помощи каждому пациенту, находящемуся в отделении, занимает заведующий отделением. Хотя в приведенном ранее Федеральном законе заведующий отделением упоминается лишь в контексте должностного лица, назначающего или способствующего замене лечащего врача [6], на самом деле он является обязательным субъектом управления процессом ведения пациента.

В соответствии со своими должностными обязанностями [8] заведующий отделением должен осуществлять:

1) руководство деятельностью структурного подразделения медицинской организации в соответствии с положением о структурном подразделении, его функциями и задачами;
2) расстановку кадров на рабочих местах и их использование в соответствии с квалификацией, действующим законодательством, имеющейся материально-технической базой;
3) контроль за работой персонала структурного подразделения, качеством проводимого лечения, за соблюдением стандартов медицинской помощи при выполнении медицинским персоналом перечня работ и услуг для диагностики заболевания, оценки состояния больного и клинической ситуации, для лечения заболевания, состояния больного, клинической ситуации в соответствии со стандартом медицинской помощи.

На основании этих обязанностей А. А. Моховым в упомянутой выше работе выделены следующие основные направления деятельности заведующего отделением медицинской организации как субъекта управления и участника процесса ведения пациента:

1) организация и коррекция диагностики и лечения;

2) консультативная и иная помощь лечащим врачам отделения и пациентам;
3) организация и проведение клинических обходов, консультаций других специалистов, врачебных консилиумов;
4) контроль за правильностью и своевременностью лечебно-диагностических мероприятий, проводимых медицинским персоналом (лечащими врачами, медицинскими сестрами) в отделении.

Со своей стороны нами предлагается среди этих мероприятий выделить три группы функций, связанные:

1) с организацией лечебно-диагностического процесса на уровне отделения;
2) с участием заведующего в проведении мероприятий по обследованию, установлению диагноза и лечению пациента;
3) с контролем действий лечащего врача и других исполнителей вмешательств, проводимых в рамках оказания медицинской помощи.

Организация заведующим лечебно-диагностического процесса в отделении в основном заключается в закреплении лечащих врачей за пациентами, определении состава дежурных смен для обеспечения круглосуточного режима работы, всестороннем обеспечении производства медицинских услуг в отделении, организации междисциплинарного и иного взаимодействия в интересах обследования и лечения пациентов.

Участие заведующего отделением в проведении мероприятий по обследованию, установлению диагноза и лечению пациента состоит в обязательном личном проведении осмотров [9], согласовании и коррекции планов обследования и лечения, намеченных лечащими врачами, согласовании назначения лекарственных средств в установленных случаях [10], проведении клинических разборов, подведении этапных итогов - результатов лечения, согласования сроков выписки пациента или организации перевода в иное отделение или лечебное учреждение.

Участие заведующего отделением в текущем контроле за оказанием медицинской помощи пациенту осуществляется в рамках внутреннего контроля за качеством и безопасностью медицинской деятельности, организуемого в каждой медицинской организации [6]. В качестве основного механизма внутреннего контроля установлена экспертиза качества медицинской помощи (далее по тексту - экспертиза КМП), которая должна проводиться в порядке, устанавливаемом федеральным органом исполнительной власти [6].

Таким образом, если управленческая деятельность руководителей подразделений в рамках методов социального управления содержит такие элементы, как распределение работ и ресурсов, нормирование, назначение исполнителей, инструктирование и организация взаимодействия персонала и контроль исполнения, то управление клиническим процессом ведения больного со стороны заведующего отделением заключается в его участии в проектировании конкретного случая оказания медицинской помощи (совместном с лечащим врачом составлении и утверждении плана обследования и лечения), содействии организации осуществления этих мероприятий, контроле полноты объема и качества их осуществления, полученного результата.

Главным действующим лицом в осуществлении функций управления клиническим процессом является назначенный для ведения больного лечащий врач, который реализует программу обследования и лечения путем личного осуществления ее мероприятий и привлечения иных исполнителей запланированных вмешательств. При этом им проводится постоянный анализ полученных результатов обследования и их интерпретация, наблюдение за ответными реакциями организма на воздействие лечебных факторов, оценка полученных результатов. В случае необходимости им осуществляется поэтапная, согласованная с руководителем отделения коррекция начальных планов в отношении обследования и лечения больных. При этом лечащий врач, как правило, сочетает функции, присущие обоим уровням биологического управления: клиническое управление (создание программы обследования и лечения) и

исполнение части медицинских вмешательств (как минимум таких, как сбор информации о больном, первичный и последующие осмотры и пр.).

Таким образом, функции, осуществляемые руководителем отделения и лечащим врачом в отношении конкретного пациента, складываются в систему клинического управления, т. е. процесс управления ведением конкретного пациента, состоящий из взаимосвязанных элементов и направленный на принятие решений планирования, организации, мотивации и контроля с целью наиболее эффективного достижения результата оказания медицинской помощи.

В заключение следует отметить, что пути оптимизации клинического управления заключаются во внедрении и использовании в клиническую практику принципов доказательной медицины, идентификации и формализации процессов ведения пациентов и использования современных технологий их выполнения.

Медицинское воздействие можно оценивать, как фактор внешней среды, контролируемый медицинским специалистом, который вызывает соответствующие изменения в функционировании организма для решения определенной задачи. Достижение этой цели происходит через ожидаемые приспособительные реакции, возникающие в ответ на действие внешнего регулирующего фактора.

Управление медицинской организацией основано как на принципах социального управления, осуществляемого с помощью организационной техники, технического управления производственной базой, так и на технологиях биологического управления организмом человека (последнее также можно называть клиническим управлением).

Специфика управления медицинской организацией заключается в сочетании методов социального, технического и клинического управления.

Список литературы

1. Есипов А. В., Алехнович А. В., Мешков А. В., Абушинов В. В. Технологии оптимизации управления многопрофильным стационаром. М., 2019. 244 с.

2. Столяр В. П., Крайнюков П. Е., Калачев О. В. Цифровая трансформация здравоохранения и ведомственной медицины. М., 2020. 200 с.

3. Брагин Г. И. Внутренний контроль качества и безопасности в стоматологической организации // Управление качеством в здравоохранении. 2019. № 4. С. 28–34.

4. Иванов И. В., Брагин Г. И. Реализация предложений (практических рекомендаций) Росздравнадзора в стоматологических организациях // Менеджмент качества в медицине. 2021. № 4. С. 26–31.

5. Хазов М. В. Пути совершенствования управления врачебным персоналом многопрофильной медицинской организации (на примере медицинской организации системы ФМБА России): дисс. . . . канд. мед. наук. Нижний Новгород, 2016. 213 с.

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российская газета. 23.11.2011. № 263.

7. Мохов А. А. Заведующий отделением как субъект лечебно-диагностического процесса // Медицинское право. 2014. № 3. С. 7–11.

8. Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения»: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23.07.2010 № 541н (с изм. и доп.) // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/12178397/ (дата обращения: 11.06.2021).

9. Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 10.05.2017 № 203н // Сайт ФГБУ «РНЦРР» Минздрава России. URL: https://www.rncrr.ru/upload/Doc/N203.pdf (дата обращения: 11.06.2021).

10. Об утверждении порядка назначения и выписывания лекарственных препаратов, а также форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20.12.2012 № 1175 (с изм. и доп). (утратил силу) // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/70404898/ (дата обращения: 11.06.2021).

References

1. Esipov A. V., Alekhnovich A. V., Meshkov A. V., Abushinov V. V. Technologies for optimizing the management of a multidisciplinary hospital. M., 2019. 244 p.

2. Stolyar V. P., Krainyukov P. E., Kalachev O. V. Digital transformation of healthcare and departmental medicine. M., 2020. 200 p.

3. Bragin G. I. Internal quality control and safety in the dental organization // Quality management in health care. 2019. No. 4. Pp. 28–34.

4. Ivanov I. V., Bragin G. I. Implementation of proposals (practical recommendations) of Roszdravnadzor in dental organizations // Quality management in medicine. 2021. No. 4. Pp. 26–31.

5. Khazov M. V. Ways to improve the management of medical personnel in a multidisciplinary medical organization (on the example of a medical organization of the FMBA of Russia): diss. ... Cand. medical sciences. Nizhny Novgorod, 2016. 213 p.

6. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 23.11.2011. No. 263.

7. Mokhov A. A. Head of the Department as a Subject of the Treatment and Diagnostic Process // Medical Law. 2014. No. 3. Pp. 7–11.

8. On the approval of the Unified Qualification Handbook of the Positions of Managers, Specialists and Employees, section "Qualification characteristics of positions of workers in the health sector": Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of 23.07.2010 No. 541n (as amended and supplemented) // Garant. URL: http://base.garant.ru/12178397/ (date of access: 11.06.2021).

9. On the approval of the criteria for assessing the quality of medical care: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 05/10/2017 No. 203n // Website of the Federal State Budgetary Institution "RNTSRR"of the Ministry of Health of Russia. URL: https://www.rncrr.ru/upload/Doc/N203.pdf (date of accessed: 11.06.2021).

10. On approval of the procedure for prescribing and prescribing medicinal products, as well as forms of prescription forms for medicinal products, the procedure for issuing these forms, recording and storing them: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 20.12.2012 No. 1175 (as amended and supplemented). (invalidated) // Garant. URL: http://base.garant.ru/70404898/ (date of access: 11.06.2021).

УДК/UDC 343

Специальная превенция преступлений в сфере компьютерной информации: уголовно-правовой аспект

Абашина Людмила Александровна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права
Юридический институт Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева
г. Орел, Россия
e-mail: abashinala@yandex.ru
SPIN-код: 9137-1296

Ефремова Ольга Валентиновна
старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Международный юридический институт
г. Москва, Россия
e-mail: eov2209@mail.ru
SPIN-код: 7572-6350

Аннотация

В статье авторы, рассматривая уголовно-правовые меры социальной превенции преступлений в сфере компьютерной информации, пришли к выводу, что необходима дальнейшая корректировка текста уголовного закона Российской Федерации, при проведении которой следует руководствоваться уже сделанными предложениями криминологов, а также соотнесением имеющихся норм с минимальным перечнем деяний в сфере информационных технологий, рекомендованных на европейском уровне для криминализации, опытом государств СНГ. Редакционная правка не предполагает качественных структурных изменений гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако некоторые предложения могут и должны быть реализованы в рамках редакционной и концептуальной правки. При проведении концептуальной правки следует руководствоваться уже сделанными предложениями криминологов по соотнесению имеющихся норм с минимальным перечнем деяний в сфере информационных технологий. Она потребует не только «разукрупнения» статей и помещения в отдельные нормы обособленных составов (поскольку сейчас некоторые из них объединены в рамках одной статьи), расширения круга криминализированных дея-

ний, изменения наименований статей, но и введения административной преюдиции.

Ключевые слова:преступления в сфере компьютерной информации, киберпреступность, компьютерные преступления, преступления в сфере информационных технологий.

Special prevention of crimes in the field of computer information: criminal-legal aspect

Abashina Lyudmila Aleksandrovna
Candidate of Law, assistant professor, head of a chair of the Department of Criminal Law Law Institute of Orel State University named after I. S. Turgenev
Orel, Russia
e-mail: abashinala@yandex.ru
SPIN Code: 9137-1296

Yefremova Olga Valentinovna
senior lecturer of the Department of Legal Theory and History
International Law Institute
Moscow, Russia
e-mail: eov2209@mail.ru
SPIN Code: 7572-6350

Abstract

In the article, the authors, considering the criminal-legal measures of social prevention of crimes in the field of computer information, came to the conclusion that further correction of the text of the criminal law of the Russian Federation is necessary, during which one should be guided by the proposals already made by criminologists, as well as the correlation of existing norms with the minimum list of acts in the field of information technologies, recommended at the European level for criminalization, by the experience of the CIS states. The editorial revision does not imply qualitative structural changes in Ch. 28 of the Criminal Code of the Russian Federation, however, some proposals can and should be implemented within the framework of editorial and conceptual revisions. When carrying out conceptual changes, one should be guided by the proposals already made by criminologists to correlate existing norms with the minimum list of acts in the field of information technology. It will require not only the "unbundling"of articles and the placement of separate compositions into separate norms (since now some of them are

combined under one article), expanding the range of criminalized acts, changing the titles of articles, but also the introduction of administrative prejudice.

Key words: crimes in the field of computer information, cybercrime, computer crimes, crimes in the field of information technology.

Представляется, что как мера специального предупреждения корректировка текста уголовного закона необходима, несмотря на то, что правка гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) с момента ее появления уже была проведена шесть раз. Вопрос в том, по какой модели она должна осуществляться.

Анализ показал, что гл. 28 УК РФ имеет структурно-содержательные проблемы, наличие которых пагубно сказывается на правореализационной практике. Преодоление данных недостатков может происходить в процессе редакционной правки или в рамках концептуальных изменений гл. 28 УК РФ.

При проведении редакционной правки, практически не предполагающей изменения структуры данной главы, нужно:

1. Изменить наименование гл. 28 УК РФ с «Преступление в сфере компьютерной информации» на «Преступления в сфере информационных технологий», что будет точнее отражать ее содержательный компонент, отвечать европейской практике и соответствовать тексту межгосударственных соглашений государств СНГ.
2. Закрепить понятийно-терминологический аппарат на уровне легального прояснения («компьютерная программа», «вредоносная программа» и пр.), сделав это либо в тексте УК РФ в примечаниях (вариант: изменив структуру, собрав в одну из начальных статей все термины и определения, применяемые в УК РФ), либо в информационном законодательстве.
3. Ст. 272 УК РФ следует дополнить третьим примечанием, распространив его действие на всю главу, в котором можно преду-

смотреть поощрительные меры в виде освобождения от уголовной ответственности лиц, добровольно отказавшихся от совершения киберпреступлений или деятельно раскаивающихся и компенсировавших нанесенный ущерб.

4. Создать в ст. 273 УК РФ еще один квалифицированный состав, дифференцировав ответственность за «создание» и «распространение и использование» вредоносных программ, что повлечет за собой корректировку нумерации ее частей (ч. 2 и 3 в ее актуальной редакции станут ч. 3 и 4 соответственно после подобной редакционной правки).
5. В ч. 2 ст. 272 УК РФ и ч. 3 (сейчас - ч. 2) ст. 273 УК РФ целесообразно внести два новых квалифицирующих признака: «совершение деяния из хулиганских побуждений» и «совершение деяния лицом, уже ранее осужденным за совершение преступлений в сфере информационных технологий» без корректировки санкций.
6. Из особо квалифицированных составов всех статей гл. 28 УК РФ убрать неопределенно-оценочный критерий «тяжкие последствия» с угрозой их наступления или без таковой, как в ст. 274.1 УК РФ, заменив его стоимостными критериями, как ранее оценочный критерий «существенный вред» был заменен стоимостным критерием «крупный ущерб». Первое примечание в ст. 272 УК РФ можно было бы расширить, установив там не только размер крупного ущерба, но и значительного, и особо крупного.
7. При сохранении в тексте гл. 28 УК РФ оценочного критерия «тяжкие последствия» с угрозой их наступления или без таковой следует принять Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором дать пояснение этих понятий, а также обобщить и систематизировать судебную практику по правоприменению норм гл. 28 УК РФ и разъяснить судам проблемные вопросы квалификации этих преступлений.

8. Устранить ст. 274.1 УК РФ, текст которой и содержательно, и структурно представляется крайне неудачным и нарушающим правила законодательной техники, а признак «посягательство на критическую информационную инфраструктуру» сделать не криминообразующим для формирования специальных составов ст. 273, 272 и 274 УК РФ, как это сделано сейчас, а квалифицирующим, поместив его в квалифицированные составы этих статей. А если законодатель сочтет, что совершение деяний, посягающих на критическую информационную инфраструктуру, имеет высокую степень общественной опасности, то поместить в особо квалифицированные составы.

Следует отметить, что некоторые предложения криминологов уже были положительно восприняты законодателем и претворены в жизнь. Так, например, Т. М. Лопатина еще в 2006 г. предлагала криминализировать мошенничество в сфере информационных технологий [1, с. 21], что пятью годами спустя и было проделано законодателем при внесении в УК РФ специальных составов мошенничества (появилась ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации»). Правда, ее предложение заключалось не только в добавлении этой статьи в содержание российского уголовного закона, но и в помещении ее в структуру гл. 28 УК РФ. Оказалось реализованным, хотя и не в таком виде, как предлагалось ей в исследовании, ее же предложение о криминализации производства детской порнографической продукции с целью распространения: законодатель не только дополнил ч. 2 ст. 242.1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», содержащую квалифицированный состав, квалифицирующим признаком, в котором есть п. «г» - «С использованием средств массовой информации, в т. ч. информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)», но и ввел новую ст. 2422 УК РФ «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов» [2], где также в квалифицирующем составе ч. 2 есть пункт «г» - «С использовани-

ем информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)». В обоих случаях законодатель предусмотрел достаточно суровое наказание: если в первом случае срок лишения свободы составляет от 3 до 10 лет, то во втором - от 8 до 15. Сама Т. М. Лопатина предлагала установить срок от 10 до 12 лет лишения свободы, причем не проводила дифференциации ответственности в отношении изготовителей и приобретателей такой порнопродукции.

Однако другое ее предложение пока осталось невостребованным законодателем: она, помимо криминализации компьютерного мошенничества, еще предлагала криминализировать подлог с использованием компьютерных технологий, чего до сих пор сделано не было. Отдельные ученые предлагают свой перечень расширения составов гл. 28 УК РФ, куда тоже включают такой вид подлога. Например, С. Д. Бражник предлагал следующий перечень составов этой главы: «несанкционированный доступ к компьютерной информации, создавший угрозу национальной безопасности», «умышленное уничтожение или повреждение компьютерной информации», «компьютерное мошенничество», «причинение имущественного ущерба путем изменения компьютерной информации», «компьютерное вымогательство», «компьютерный терроризм», «подлог компьютерной информации», «компьютерный шпионаж», «незаконное производство, использование или сбыт специальных технических средств» [3, с. 155].

В. С. Карпов, также рекомендуя криминализировать компьютерное мошенничество, причем разместив его не в гл. 28 УК РФ, а в качестве специального состава к ст. 159 УК РФ, предлагал некоторые статьи гл. 28 (ст. 272 УК РФ) изложить в новой редакции, установив уголовную ответственность за компьютерный саботаж с легальным прояснением этого понятия в примечании, и дополнив главу несколькими специальными составами и новыми составами: ст. 272.1 УК РФ «Несанкционированный доступ к компьютерной информации», ст. 272.2 УК РФ «Неправомерное завладение компьютерной информацией», ст. 272.3 УК РФ «Модификация компьютерной информации», ст. 272.4 УК РФ «Изготовление и

сбыт специальных средств для получения несанкционированного доступа к компьютерной системе или сети» [4, с. 7].

Вместе с тем в криминологической доктрине есть мнение [5], что подход к коррекции законодательства, продемонстрированный и рекомендованный С. Д. Бражником, предлагавшим в 2002 г. расширять перечень криминализируемых деяний в сфере информационных технологий во многом путем «перевода» уже существующих составов в их «компьютерный» вид, хотя и используется в англо-американской практике, однако страдает ограниченностью и крайне непродуктивен. В. М. Быков и В. Н. Черкасов, будучи противниками этого подхода, полагают, что, пойдя по этому пути, копирующему англосаксонские стандарты, где, например, есть понятие кибертерроризма, законодатель вынужден будет неоправданно «раздувать» содержание российского уголовного закона, добавляя в него до бесконечности все новые и новые составы (кибершпионаж, киберсаботаж, кибермошенничество, киберхалатность и пр.).

В. М. Быков и В. Н. Черкасов считают, что возможны три основные модели коррекции отечественного уголовного закона. В рамках первой модели вообще предлагается отказаться от понятия «компьютерные преступления» и рассматривать электронную информацию, а также интеллектуальные продукты в этой сфере как предметы преступных посягательств и квалифицировать преступные деяния, совершенные с ними, по статьям, которые уже есть в составе УК РФ (например, кража и пр.). Ученые называют это голландской моделью, снимающей сложности и проблемы с квалификацией киберпреступлений, хотя и требующей подготовки специалистов, а также экспертного сопровождения процесса расследования таких преступлений. Однако наше исследование не подтверждает их вывод: в Нидерландах компьютерные преступления вполне наличествуют. К аналогичному заключению ранее пришел и М. М. Малыковцев, указавший, что «ст. 138a, 139b, 139c, 139d, 139e, 161b, 350a, 350b, 351 Уголовного кодекса Нидерландов содержат деликты, отнесенные к компьютерным преступлениям» [6, с. 13].

Второй вариант, о котором говорят В. М. Быков и В. Н. Черкасов, весьма спорен. Они предлагают оставить гл. 28 УК РФ, но переделать ее содержание по модели предыдущей главы российского уголовного закона - гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» и считать информационные технологии источником повышенной опасности аналогично тому, как в гл. 27 УК РФ расценивается «транспортное средство». При таком подходе, по их мнению, уйдет множество проблем, связанных с квалификацией, и это поможет охватить максимально широкий круг антиобщественных деяний в указанной сфере.

Третья модель криминализации, которую описывают В. М. Быков и В. Н. Черкасов, представляет собой структурное выделение отдельной главы, посвященной уголовно-правовой ответственности за преступления в сфере компьютерной информации, и добавление квалифицирующих признаков в составы, сосредоточенные в других главах. В. М. Быков и В. Н. Черкасов полагают, что против добавления квалифицирующего признака «с использованием компьютерных/информационных технологий» возражений в научном сообществе не будет. Наш анализ показал, что такая модель уже во многом воспринята действующим российским уголовным законом в его актуальной редакции, однако законодатель, корректируя действующий УК РФ, дополнил эту модель еще и криминообразующими признаками, как, например, в ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», однако не перенес ее в состав гл. 28 УК РФ.

Можно предположить, что и далее законодатель сочтет возможным сохранить уже действующую модель, несмотря на существующие в научной доктрине предложения о возможности реализации других концептуальных моделей, поэтому следует исходить из уже сложившейся концепции при решении вопроса о необходимости коррекции ответственности за компьютерные преступления в имеющихся составах и при добавлении новых составов, в которых была бы установлена ответственность за возможное совершение преступлений посредством

использования информационных технологий и/или в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет».

В начале данной статьи нами уже были предложены варианты редакционной правки гл. 28 УК РФ, однако, безусловно, концептуальная корректировка должна быть более масштабной. Обозначим ее возможные направления.

В ст. 272 гл. 28 УК РФ стоит изменить название «Неправомерный доступ к компьютерной информации», признав его не раскрывающим содержание диспозиции самой нормы. Нами вслед за С. Д. Бражником предлагается следующая редакция названия ст. 272 УК РФ «Несанкционированный доступ к защищенной компьютерной информации» и ее диспозиции - «Несанкционированный доступ к защищенной компьютерной информации, сопряженный с умышленным уничтожением или повреждением компьютерной информации, причинившим значительный ущерб, наказывается. . . ». В тех случаях, когда нет тяжких последствий или деяние было совершено неосторожно, рекомендуется использовать административную преюдицию, перенеся в содержание Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту -КоАП РФ) и сформулировав там как правонарушение с формальным составом [3]. Во втором примечании следует легально определить в стоимостном выражении для целей гл. 28 УК РФ не только размер крупного ущерба, но и особо крупного, и значительного.

Из названия ст. 273 УК РФ следует устранить неоправданную и ошибочную синонимию (приравнивание единственного и множественного числа, т. е. одной и нескольких вредоносных программ друг к другу), что может при буквальном толковании повлечь за собой декриминализацию деяния, совершенного в рамках создания одной вредоносной программы, сформулировав наименование этой статьи в следующей редакции: ст. 273 УК РФ «Создание или использование вредоносной компьютерной программы, причинившее значительный ущерб», исключив крупный ущерб в качестве квалифицирующего признака из квалифицированного состава ч. 2 этой статьи.

Ст. 274 УК РФ следует «разукрупнить», поскольку в ней описательная диспозиция представлена как сложная, содержащая в объективной стороне четыре деяния, а также ликвидировать перегруженность удвоением причинно-следственной связи в ее особо квалифицированном составе.

Ст. 274.1 УК РФ следует устранить из содержания гл. 28 УК РФ и дополнить предыдущие статьи гл. 28 УК РФ содержанием ст. 274.1 в качестве квалифицирующих признаков признак «посягательство на критическую информационную инфраструктуру» в квалифицированные или, если законодатель сочтет большой степень общественной опасности таких деяний, то в особо квалифицированные составы с соответствующей корректировкой санкций.

Решению ряда проблем, возникающих при квалификации в связи с невозможностью точного определения момента окончания преступления из-за структурного несовершенства норм и использования в них отглагольных существительных («уничтожение», «блокирование», «модификация», «копирование», «создание», «распространение», «использование», «нарушение» и др.), может помочь или разъяснение этих понятий на законодательном уровне, или устранение их из текста уголовного закона с добавлением в диспозицию причастия «причинившее», или прояснение их в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (которое, кстати, до сих пор отсутствует, но оно необходимо с целью упорядочения правореализационной практики, придания ей единообразия и прояснения сложных вопросов, возникающих в процессе правоприменения уголовно-правовых норм, регламентирующих компьютерную преступность, о чем неоднократно говорили и писали криминологи).

Итак, с целью осуществления мер специальной превенции преступлений в сфере компьютерной информации назрела необходимость продолжения редакционной и/или концептуальной правки гл. 28 УК РФ, несмотря на уже имеющиеся шесть ее редакций. Редакционная корректировка почти не предполагает коренного изменения структуры гл. 28

УК РФ, в отличие от правки концептуальной, которая по своему характеру более масштабна, однако некоторые предложения могут и должны быть реализованы в рамках как редакционной, так и концептуальной правки (например, устранение ст. 274.1 УК РФ из содержания этой главы).

При проведении концептуальной правки, которая потребует значительной содержательно-структурной перестройки гл. 28 УК РФ, следует руководствоваться уже сделанными предложениями криминологов по соотнесению имеющихся норм с минимальным перечнем деяний в сфере информационных технологий, рекомендованных на европейском уровне для криминализации, опытом государств СНГ. Мы полагаем, что предложения С. Д. Бражника, сформулированные им с учетом требований и правил законодательной техники и отвечающие международному и зарубежному опыту регламентации ответственности за киберпреступления, вполне могут быть рассмотрены и востребованы законодателем. Концептуальная правка потребует не только «разукрупнения» статей и помещения в отдельные нормы обособленных составов (поскольку сейчас некоторые из них объединены в рамках одной статьи), расширения круга криминализированных деяний, изменения наименований статей, но и введения административной преюдиции с возможностью привлекать за антиобщественные деяния в сфере информационных технологий, совершение которых повлекло наступление последствий в виде значительного ущерба и/или иных последствий, к уголовной ответственности, в противном случае - к административной, что потребует разработки новой главы в КоАП РФ.

Список литературы

1. Лопатина Т. М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности: автореф. дисс. ...д-ра юрид. наук. М., 2007. 62 с.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершенно-

летних: Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 10. Ст. 1162.

3. Бражник С. Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: дисс. ...канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. 189 с.

4. Карпов В. С. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: дисс. ...канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. 202 с.

5. Быков В. М., Черкасов В. Н. Правовые проблемы борьбы с компьютерными преступлениями // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1 (5). С. 103–112.

6. Малыковцев М. М. Уголовная ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

References

1. Lopatina T. M. Criminological and criminal-legal foundations of combating computer crime: author. diss. ... Dr. legal sciences. M., 2007. 62 p.

2. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in order to increase responsibility for crimes of a sexual nature committed against minors: Federal Law of 29.02.2012 No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 10. Art. 1162.

3. Brazhnik S. D. Crimes in the field of computer information: problems of legislative technology: diss. ... Cand. legal sciences. Izhevsk, 2002. 189 p.

4. Karpov V. S. Criminal liability for crimes in the field of computer information: diss. ... Cand. legal sciences. Krasnoyarsk, 2002. 202 p.

5. Bykov V. M., Cherkasov V. N. Legal problems of combating computer crimes // Actual problems of economics and law. 2008. No. 1 (5). Pp. 103–112.

6. Malykovtsev M. M. Criminal liability for the creation, use and distribution of malicious computer programs: author. diss. ... Cand. legal sciences. M., 2007. 24 p.

УДК/UDC 343.9

Молодежный экстремизм: проблемы и пути решения

Батюкова Вера Евгеньевна
старший научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, кандидат юридических наук, доцент
Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН)
г. Москва, Россия
e-mail: Batuykova@yandex.ru

Аннотация

Актуальность изучения этой темы в доктрине уголовного права подтверждается наличием целого пласта неурегулированных правоотношений в исследуемой области, трудностей, возникающих в правоприменительной и судебной практике, различных толкований признаков указанных преступлений. Все эти обстоятельства порождают не только научный интерес, но и споры, существующие на протяжении всего времени действия уголовного закона. Основным вопросом обсуждения остается проблема противодействия экстремизму, зарождающемуся в молодежной среде. В статье автором рассматривается современное состояние экстремизма в молодежной среде, анализируются причины развития экстремизма среди молодежи, ключевые проблемы и пути их решения. Приводится статистика совершения преступлений экстремистской направленности, даются примеры из судебной практики. Анализируются данные, полученные в ходе социологического опроса.

Ключевые слова: экстремизм, молодежная среда, уголовная ответственность, приговор суда, судебная статистика, противодействие, причины.

Youth extremism: problems and solutions

Batyukova Vera Yevgenyevna
Senior Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Candidate of Law, assistant professor
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
e-mail: Batuykova@yandex.ru

Abstract

The relevance of studying this topic in the doctrine of criminal law is confirmed by the presence of a whole layer of unsettled legal relations in the studied area, difficulties arising in law enforcement and judicial practice, various interpretations of the signs of these crimes. All these circumstances give rise not only to scientific interest, but also to disputes that have existed throughout the entire duration of the criminal law. The main issue of discussion remains the problem of countering extremism emerging in the youth environment. In the article, the author examines the current state of extremism in the youth environment, analyzes the reasons for the development of extremism among young people, key problems and ways to solve them. The statistics of committing extremist crimes is given, examples from judicial practice are given. The data obtained in the course of a sociological survey are analyzed.

Key words: extremism, youth environment, criminal responsibility, court verdict, judicial statistics, opposition, reasons.

Молодежь выступает в роли важного ресурса в России и в обществе. Глобальный характер изменений, происходящих в экономической, политической и идеологической сферах, привел к утрате жизненных ориентиров у части российской молодежи. В обществе разрушена старая система ценностей, а новая еще не сформирована. В условиях социальных волнений и материального неблагополучия стали появляться радикальные группы агрессивной ориентации, пропагандирующие идеи национальной, расовой и религиозной нетерпимости. Большинство из них - молодежь в возрасте от 14 до 30 лет. Так, совсем недавно возник такой социальный феномен, как молодежный экстремизм, который стал предметом исследования ученых в различных областях права, социологии и педагогики. Статистика количества преступлений, зафиксированных в этой категории, показывает то, что проблема противодействия экстремизму не потеряла сегодня своей актуальности [1].

Экстремизм в России уходит своими корнями в эпоху XIX в., в период бурных общественно-политических изменений в социуме. Экстремизм проявляется в переломные для общества моменты, когда общество отходит от прежних политических, моральных, культурных ценностей,

но не успевает принять новые, в связи с чем возникает некий вакуум, который стремятся заполнить различные общественно-политические группы или объединения экстремисткой направленности. Это явно прослеживалось в период 90-х гг. XX в., когда вследствие разрухи, кризиса и упомянутых выше обстоятельств появились и получили развитие многочисленные экстремистские группы политической, национальной, религиозной направленности (Свидетели Иеговы, татарские и чеченские сепаратисты, исламские террористы и т. п.). Молодежный экстремизм же занимает особое место ввиду ряда характерных особенностей и черт.

Однако при рассмотрении данной темы представляется необходимым дать соответствующие определения терминам «экстремизм» и «молодежный экстремизм». Под экстремизмом можно понимать противоправную деятельность, осуществляемую сторонниками определенных политических, религиозных и иных идей, ценностей и убеждений, направленную на разрушение конституционного строя государства посредством насильственных действий. Также экстремизм можно трактовать как теорию и практику достижения социально-политических, религиозных, национальных целей посредством «крайних», запрещенных способов, среди которых выделяют запрещенные законом применение силы, насилие, посягательство на права и свободы человека и гражданина.

Однако наиболее полно понятие экстремизма и экстремисткой деятельности посредством ее видов раскрывается в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Согласно положениям данного закона под экстремизмом понимается:

1) насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в т. ч. отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами;

2) публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
3) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
4) нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной, языковой принадлежности или отношения к религии, а также иные формы экстремизма, далее перечисляемые в данном Федеральном законе [2].

Исходя из всего вышеперечисленного, следует заключить, что молодежным экстремизмом является совершение указанных противоправных действий людьми или группами лиц, подпадающими под определение молодежи, т. е. лицами в возрасте от 14 до 30 лет.

На сегодняшний день экстремизм среди молодежи проявляется в нарушении общепринятых норм в обществе, закона и в появлении неформальных, противозаконных молодежных объединений. Экстремисты не признают людей, принадлежащих к другим социальным группам, статусам, которые также принадлежат к другой национальности и придерживаются иных политических, правовых, экономических, моральных, эстетических и религиозных идей. Совершенствование молодежного экстремизма показывает слабую социальную приспособленность молодежи, формирование в сознании асоциальных установок, порождающих противоправное поведение.

Исследования показывают, что растет экстремизм во всех его формах, и это напрямую связано с ростом преступности в обществе. Члены экстремистских молодежных организаций, прикрываясь идеологическими лозунгами, часто занимаются преступной деятельностью (убийства, кражи, кражи, хулиганство, вандализм и т. д.).

Растущее влияние религиозного и этнонационального фактора является основной тенденцией в развитии молодежного экстремизма.

Информационно-коммуникационная сеть «Интернет» (далее по тексту - интернет) играет определенную роль в процессе роста деструк-

тивного поведения среди молодежи, а также является одним из основных способов вербовки новых экстремистов, т. к. посредством общения в интернете происходит коммуникация экстремистов с потенциальными (новыми) членами экстремистских группировок. Также имеет место быть феномен «самовербовки», т. е. идеология пользователей интернета радикализируется под влиянием пропаганды.

Особым фактором, влияющим на степень распространения экстремизма среди молодежи, являются также неконтролируемые миграционные процессы. Отсутствие строго контроля в сфере миграции создает благоприятную почву для распространения и расширения экстремистских группировок и сообществ. Эти моменты важно учитывать при осуществлении государственной миграционной политики в России. На наш взгляд, следует пересмотреть либеральные подходы в сфере регулирования миграции населения.

К основным характерным чертам современного молодежного экстремизма в России можно отнести следующие:

1) повышающаяся сплоченность и организованность групп;
2) появление конкретной идеологии;
3) повышение конспирации;
4) применение интернета в целях коммуникации и координации действий, а также проведения идеологической пропаганды;
5) улучшение связи между международными и внутригосударственными радикальными группами.

Экстремизм ввиду его опасности для конституционного и общественного строя в настоящее время является одной из актуальных угроз российского и мирового общества. Экстремизм способен расшатать государственные системы и институты, привести к этническим, религиозным и иным конфликтам, к распаду страны и иным разрушительным последствиям. Молодежи в силу ее физических и психологических особенностей присущи радикализм во взглядах и оценках, максимализм в суждениях, в неприятии несправедливости, подверженность влиянию со стороны идеологов радикальных учений, особенно когда подобная идео-

логия строится на патриотических настроениях и религиозных чувствах, имеет подстрекательский, агрессивный и насильственный характер. Соответственно, основным отличием молодежного экстремизма от экстремизма вообще являются возрастные рамки его последователей и связанные с этим формы проявления и поведения.

Правовую основу борьбы с молодежным экстремизмом составляют:

1) Конституция Российской Федерации (ст. 13 - организация и существование общественных объединений экстремистской направленности);
2) Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 20 5.2, 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 - публичные призывы к террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, организация экстремистского сообщества, организация деятельности экстремистской организации и т. д.);
3) Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 5.26 - нарушение норм права о свободах совести, вероисповедания и о религиозных объединениях; ст. 20 .3- пропаганда и демонстрирование нацистской атрибутики или символики, ст. 20 .29 - производство, а также распространение экстремистских материалов);
4) Федеральный закон «О противодействии экстремисткой деятельности», Федеральный закон «О противодействии терроризму» (акты, составляющие правовой базис борьбы с экстремисткой деятельностью);
5) Концепция противодействия экстремизму в Российской Федерации [3] и иные нормативно-правовые акты.

Министерство внутренних дел Российской Федерации, а также органы государственной власти и местного самоуправления в настоящее время активно сосредоточены на борьбе с экстремизмом среди молодежи. Это является одной из приоритетных задач государства.

Указом Президента Российской Федерации от 26 декабря 2011 г. образована Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму

в Российской Федерации [3; 4] в целях координации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Комиссия отвечает за организацию взаимодействия государственных органов в сфере противодействия экстремизму, а также осуществляет надзор за реализацией государственной политики в этой сфере.

Министерством внутренних дел Российской Федерации принимается большая часть всех мер в сфере реализации необходимых направлений государственной политики в вопросе противодействия молодежному экстремизму.

Правоохранительные органы не только занимаются пресечением экстремистских деяний, но и ведут их расследование, а также устраняют последствия совершенных преступлений. Следует отметить, что органы правоохранительной власти не в силах бороться с экстремизмом самостоятельно, эффективность борьбы зависит от налаженности системы предупреждения в целом и от грамотно проведенной профилактики. Конечно, на правоохранительные органы возлагается большая ответственность в борьбе с молодежным экстремизмом, но это довольно сложный процесс, предполагающий наличие вспомогательных факторов. Государство закрепляет основы и ориентиры профилактики экстремизма, но органы местного самоуправления более компетентны в данном вопросе, т. к. у них осуществляется постоянный контакт с населением, а также есть понимание об актуальных проблемах общества в целом и молодежи в частности.

Полномочия органов местного самоуправления в борьбе с экстремизмом и по его профилактике закреплены в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» и в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5].

К сожалению, далеко не каждый регион использует возможности органов местного самоуправления по борьбе с экстремизмом. Считаем, что причиной данной проблемы является некое обособление местных органов от проблемы противодействия молодежному экстремизму, а также

использование органами местного самоуправления недостаточно эффективных форм профилактики данного явления, что имеет негативный эффект [6].

Отраженные на законодательном уровне полномочия органов местного самоуправления не позволяют последним осуществлять стабильную, постоянную профилактическую работу среди молодежи. В связи с этим видна тенденция минимизации вовлеченности органов власти в процесс предупреждения молодежного экстремизма. Хотя именно работа органов местного самоуправления является основополагающей и необходимой в данном процессе. Скорее всего, проблема кроется в недостаточном финансировании борьбы с молодежным экстремизмом на уровне субъектов.

Причины и предпосылки молодежного экстремизма достаточно разнообразны по своей природе. Так, можно выделить:

1) психологические и социально-психологические: значительный радикализм во взглядах и суждениях, максимализм, желание достичь результата здесь и сейчас, обостренное чувство справедливости, ухудшение психологического климата в семье и ослабление ее воспитательных возможностей [7];
2) социально-экономические: безработица, инфляция, нищета;
3) социально-политические: наличие нерешенных этнических и/или религиозных конфликтов, этническая и религиозная напряженность.

Также среди причин можно назвать недостатки образовательной и правоохранительной системы (недостаточная эффективность системы воспитательного воздействия на лиц, неприспособленных к общественной среде, отсутствие действенной социальной профилактики проявлений экстремизма и т. п.) [8].

Судебная статистика является ценным источником информации о составе и структуре молодежного экстремизма. Так, согласно ей 97% осужденных за совершение экстремистских преступлений экстремистской направленности являются мужчинами. Доля преступлений, кото-

рые были совершены единолично, составила 14 ,9 % от общего числа экстремистских преступлений, а доля преступных деяний в составе группы лиц - 85,1%. 91,2% групповых преступлений были совершены в составе группы лиц одной национальности. Доля лиц младше 30 лет составляет 85,4 % от абсолютного числа участников указанных преступных групп. По показателю численности преобладают малочисленные (от 2 до 5 человек - 55,8 %) и средние (от 5 до 10 человек - 39,2 %) преступные группы. Осуществляя анализ деятельности экстремистских движений, активных на территории Российской Федерации, необходимо упомянуть, что преступления в 42% случаев совершаются участниками неформальных молодежных организаций экстремистской направленности в возрасте от 14 до 30 лет. Также изучение судебной практики показывает, что большая часть лиц ранее не привлекались к уголовной ответственности.

Большую тревогу вызывает тенденция проникновения экстремистских идей и установок в систему воспитания и образования. На сегодняшний день в России весьма слабо поставлена информационно- разъяснительная работа с молодежью по борьбе с экстремизмом. Неудивительно, что именно студенты высших учебных заведений составляют львиную долю рекрутов разнообразных экстремистских организаций.

С другой стороны, ведется активная работа по закреплению на законодательном уровне правил поведения в интернет-пространстве, которое является еще одной площадкой для процветания экстремизма среди молодежи (например, Государственная Дума приняла в третьем чтении президентский пакет законов, где говорилось о частичной декриминализации ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации) [9].

Однако российскому молодежному экстремизму на сегодняшний день присущ ряд особенностей. Таковыми являются:

1) активное участие молодежи в возрасте от 14 до 30 лет в организованных массовых экстремистских акциях и их интеграция в экстремистские националистически ориентированные неформальные молодежные организации (группы) и экстремистские сообщества;

2) расширение географии экстремистской угрозы в Российской Федерации;
3) убийства граждан других национальностей или религий и иностранных граждан, совершаемые в Российской Федерации, все чаще становятся серийными, более жестокими, изощренными, профессиональными, издевательскими и ритуальными, а совершение экстремистских действий само по себе становится не только единичным актом, но и профессиональной деятельностью определенных групп людей;
4) стремление экстремистских националистических движений привлечь в свои ряды членов различных агрессивных молодежных субкультур, неформальных молодежных объединений, групп, движений, а также лиц с судимостью;
5) наличие у неформальных молодежных организаций (группировок) экстремистско-националистической направленности признака вооруженности, в т. ч. наличие взрывчатых веществ.

На фоне этих процессов, происходящих в российском обществе, формируется «индивидуальность» как противоположность «коллективности».

Для подтверждения этого тезиса нами было опрошено 120 студентов московских вузов. На вопрос: «Что для Вас является главенствующим?» 34 студента ответили - индивидуальное, 4 студента - общественное и 82 студента - сочетание индивидуального и общественного (в соотношении 70/30), т. е. индивидуальным потребностям отводится большая часть. На вопрос: «Какие интересы для Вас являются преобладающими?» 90 студентов из опрошенных ответили - индивидуальные, 6 студентов - государственные и 24 студента - общественные.

На наш взгляд, именно сбалансированность индивидуального и общественного (коллективного) является условием гармоничного и стабильного развития общества. Преодолевая ошибки и имея некоторый исторический опыт, в настоящее время необходимо найти такой подход и такую сбалансированность интересов личности и общества, которые

приведут к консолидации, что, в свою очередь, будет в дальнейшем гарантировать национальную безопасность. В противном случае процесс отчуждения власти от общества, углубление социальных противоречий приведут к расколу государственной целостности. Преобладающий сегодня либерализм ведет к обособлению личности, ее безграничной и безудержной свободе и, как следствие, борьбе всех против всех. Особую опасность в этой связи представляет такая социальная группа, как молодежь, поскольку существующие противоречия в обществе накладывают свой отпечаток на формирование личности, комплексного восприятия мира, определение своего места в обществе, баланс «личного» и «общественного».

Рассуждая о молодежном экстремизме, следует привести примеры из практики судебных органов. Так, Кунцевский районный суд Москвы в 2019 г. приговорил 21-летнего студента Ж. к трем годам лишения свободы условно по делу о призывах к экстремизму на youtube-канале. Как сказано в приговоре, Ж. призывал к экстремизму и насильственному свержению конституционного строя, «используя знания, полученные в вузе». Ж. арестовали по делу о несогласованном митинге 27 июля 2019 г. и обвинили в участии в массовых беспорядках. Спустя месяц его перевели под домашний арест из СИЗО, дело о беспорядках прекратили из-за его непричастности, но предъявили новое обвинение в публичных призывах к экстремизму. Позже мера пресечения в виде домашнего ареста была отменена. Ж. ограничили в использовании средств связи и интернета сроком на два года. Суд счел доказательства вины Ж. достоверными, несмотря на непризнание им вины. Эксперт стороны обвинения, на основании заключения которого осудили студента, заявил, что в четырех роликах «прослеживается мотив ненависти к действующей власти» [10].

Но не стоит забывать, что у проблемы молодежного экстремизма существуют определенные решения. Так, среди возможных мер можно предложить:

1) совершенствование законодательства в сфере противодействия молодежному экстремизму;

2) развитие идей патриотизма, толерантности, веротерпимости в школах и высших учебных заведениях;
3) проведение анонимных опросов в школах и высших учебных заведениях с целью выявления уровня толерантности учащихся к другим национальностям и религиозным верованиям;
4) выявление и перекрытие каналов финансирования экстремистских организаций;
5) повышение уровня жизни населения и помощь незащищенным категориям лиц среди молодежи (нуждающимся, воспитанникам детских домов и т. д.).

В заключение следует отметить, что, несмотря на существование проблемы молодежного экстремизма в России, она не является нерешаемой. Воздействуя различными методами и способами на молодежную среду, можно добиться впечатляющих успехов. Ведь только путем взаимодействия различных общественных, государственных структур и органов власти, проведения информационной и аналитической работы можно решить проблему молодежного экстремизма в России.

Список литературы

1. Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М.: Проспект, 2020. 448 с.

2. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

3. О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации (вместе с «Положением о Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации»): Указ Президента РФ от 26.07.2011 № 988 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 31. Ст. 4705.

4. О некоторых вопросах Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 17.02.2016 № 64 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 8. Ст. 1098.

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

6. Дондоков Г. Р., Дондоков Ц. С. О некоторых проблемах, стоящих перед органами местного самоуправления в сфере профилактики терроризма и экстремизма среди молодежи // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 47–50.

7. Фридинский С. Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юридический мир. 2008. № 6. С. 23–25.

8. Мельников В. Ю. Противодействие преступлениям экстремистской направленности в Российской Федерации // Российский следователь. 2020. № 7. С. 57–61.

9. Ортанова Л. Р., Шаваева Д. В, Сижажев А. Т. Экстремизм среди молодежи. Криминологическая характеристика личности преступника-экстремиста // В сборнике: Перспектива-2019. материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 2019. С. 365–368.

10. Суд приговорил студента Егора Жукова к условному срок // Новостной портал «РБК» // https://www.rbc.ru/society/06/12/2019/5de94e469a79472ea8b9f836 (дата обращения: 01.07.2021).

References

1. Savenkov A. N. State and law during the crisis of modern civilization. Moscow: Prospect, 2020. 448 p.

2. On countering extremist activity: Federal Law of 25.07.2002 No. 114-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3031.

3. On the Interdepartmental Commission on Counteracting Extremism in the Russian Federation (together with the "Regulations on the Interdepartmental Commission on Countering Extremism in the Russian Federation"): Decree of the President of the Russian Federation of July 26, 2011 No. 988 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 31. Art. 4705.

4. On some issues of the Interdepartmental Commission on Counteracting Extremism in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of February 17, 2016 No. 64 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 8. Art. 1098.

5. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Art. 3822.

6. Dondokov G. R., Dondokov Ts. S. On some problems facing local governments in the prevention of terrorism and extremism among young people // State Power and Local Self-Government. 2020. No. 8. Pp. 47–50.

7. Fridinsky S. N. Youth extremism as a particularly dangerous form of manifestation of extremist activity // Legal world. 2008. No. 6. Pp. 23–25.

8. Melnikov V. Yu. Countering extremist crimes in the Russian Federation // Russian investigator. 2020. No. 7. Pp. 57–61.

9. Ortanova L. R., Shavaeva D. V, Sizhazhev A. T. Extremism among youth. Criminological characteristics of the personality of an extremist criminal // In the collection: Perspective-2019. materials of the International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists. 2019. Pp. 365–368.

10. The court sentenced student Yegor Zhukov to a suspended sentence // News portal "RBC"// https://www.rbc.ru/society/06/12/2019/5de94e469a79472ea8b9f836 (date of access: 01.07.2021).

УДК/UDC 343.2/.7

Объективные признаки взятки: проблемы теоретического осмысления

Богомолова Ксения Игоревна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
г. Саратов, Россия
e-mail; bogomolova-kseniya@mail.ru

Снычев Вячеслав Александрович
студент поволжского института (филиала)
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
г. Саратов, Россия
e-mail: sva1979@mail.ru
SPIN-код: 3651-3662

Аннотация

Статья посвящена изучению уголовной ответственности за коррупционные преступления, а именно взятку. Основное внимание уделяется характеристике объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации, изучается его состав. Приводятся некоторые мнения правоведов, занимающихся изучением уголовной ответственности за взятку, рассматриваются отдельные аспекты следственно-судебной практики и правоприменительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации в виде постановлений Пленума. Проводится отграничение получения взятки от смежных составов и дается характеристика наиболее распространенным случаям получения взятки в совокупности с иными составами преступлений. На основании положений юридической науки, судебной практики делается вывод о необходимости регламентации в уголовном законодательстве действий, составляющих объективную сторону взятки.

Ключевые слова: взятка, коррупция, взяточничество, должностные преступления, мошенничество, подкуп, борьба с коррупцией.

Objective signs of a bribe: problems of theoretical comprehension

Bogomolova Kseniya Igorevna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law and Procedure
Volga Institute (branch) of The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
Saratov, Russia
e-mail: bogomolova-kseniya@mail.ru

Snychev Vyacheslav Aleksandrovich
student of the Volga Institute (branch)
All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
Saratov, Russia
e-mail: sva1979@mail.ru
SPIN Code: 3651-3662

Abstract

The article is devoted to the study of criminal responsibility for corruption crimes, namely bribery. The main attention is paid to the characteristics of the objective signs of a crime under Art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation, its composition is being studied. Some opinions of jurists who study the criminal responsibility for a bribe are presented, certain aspects of the investigative and judicial practice and law enforcement activities of the Supreme Court of the Russian Federation are considered in the form of resolutions of the Plenum. A distinction is made between receiving a bribe from related structures and a characteristic is given of the most common cases of receiving a bribe in conjunction with other elements of crimes. Based on the provisions of legal science, judicial practice, it is concluded that it is necessary to regulate in the criminal legislation actions that constitute the objective side of a bribe.

Key words: bribery, corruption, bribery, malfeasance, fraud, bribery, anti-corruption.

Коррупция - одна из социальных проблем современного общества, представляющая большую угрозу для развития демократического государства, реализации принципов социальной справедливости и эффективного управления, а также верховенства права. В последние десятилетия

коррупция все чаще становится предметом обсуждения как в обществе, так и в следственно-судебной практике, где субъектами коррупционных преступлений являются представители государственной власти. Основу борьбы с коррупцией составляют положения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) [1], что заключается в достаточно дифференцированной ответственности за совершение этих преступлений. При этом обратную сторону обозначенной правовой борьбы составляют совсем нередкие случаи, когда правоохранительные органы, порой создавая иллюзию надлежащего исполнения закона, умышленно идут на противоправные деяния, осуществляя провокации получения взятки или подстрекая должностных лиц к ее получению, либо придают уголовную окраску общественным отношениям, далеким от проявления коррупционной составляющей [2, с. 25].

Немалую долю уголовных дел по обвинениям в получении/даче взятки и коммерческом подкупе составляют дела, когда подсудимый вынужден сам либо с помощью адвоката, специализирующегося на делах о взятках, доказывать свою невиновность и обосновывать перед судом факт совершения в отношении него провокации либо отсутствие со своей стороны противоправных действий.

В практике также наблюдается негативная тенденция к переквалификации деяний с получения взятки на мошенничество. Мошенничество определяется законом как завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Если не установлен факт передачи взятки или хотя бы попытки вручить ее, вопрос о получении взятки автоматически отпадает. Получение взятки отличается от мошенничества тем, что лица, передавшие денежные средства, будучи введенными виновным в заблуждение, не воспринимают производимые ими платежи как передачу вознаграждения за те или иные служебные действия [3].

Объектом взятки являются осуществляемая в соответствии с законом деятельность публичного аппарата власти и управления, интересы государственной и муниципальной службы. Предмет взятки составля-

ют материальные ценности, а также услуги имущественного характера и имущественные права [4].

При этом объектом мошенничества в отличие от взятки являются отношения определенной формы собственности, а предметом - чужое имущество или право на чужое имущество [5].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Дача взятки является оконченным преступлением в момент получения взятки, когда хотя бы часть ее принята должностным лицом или его близким. При этом сама диспозиция ст. 290 УК РФ не содержит указания на признаки субъективной стороны. В связи с этим в юридической литературе немало внимания уделяется вине и ее связи с мотивом и целью в психологическом аспекте (рассматриваются борьба мотивов, чувства виновного, его переживания, анализ возможностей использования взятки и т. д.). Однако при этом оттеняется изначальный юридический аспект проблемы субъективной стороны получения взятки, который имеет значение для квалификации преступления. Так, в случае непосредственного указания в законе на мотивы и цели (как в основном составе, так и в квалифицированных его видах) мотив и цель играют роль обязательных признаков, необходимых для установления. В случае их недоказанности или отсутствия как субъективных признаков конкретного преступления состава преступления нет.

Исходя из конструкции состава преступления, получение взятки не содержит в качестве обязательных признаков цели или мотива. В то же время, исходя из фактического поведения субъекта преступления прослеживается, что должностное лицо действует, преследуя корыстную цель незаконного обогащения.

Несмотря на отсутствие прямого законодательного указания корыстного мотива, практика применения уголовного закона подразумевает и уже традиционно выражается в удовлетворении субъектом преступления личных интересов родственников взяткополучателя, в чьем обогащении прямо или косвенно заинтересован виновный.

В результате в науке уголовного права отстаивается позиция отнесения мотива к обязательному признаку получения взятки, несмотря на отсутствие в диспозиции ч. 1 ст. 290 УК РФ специального указания на данный признак. Так, С. А. Алимпиев делает вывод об обязательности признака корыстного мотива, поскольку предмет преступления всегда носит имущественный характер и имеет экономическую стоимость [6, с. 114].

Такого же мнения придерживаются и суды. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 подтвердил существовавшую практику применения ст. 290 УК РФ, указав: «Если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в т. ч. юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки» (п. 24) [4].

На наш взгляд, позиция относительно обязательности корыстного мотива не в полной мере соответствует действующему законодательству, а значит не имеет под собой какого-либо серьезного основания. Обязательность установления какого-либо из признаков состава вытекает из конструкции самого состава преступления, из описания его признаков в конкретной диспозиции нормы Особенной части УК РФ. В случае если тот или иной признак не описан, не является обязательным, значит его установление не имеет значения. В таком случае для уголовного закона безразличны мотивы, которыми руководствовался представитель власти, получая взятку; безразличны и цели, к которым стремился виновный, принимая незаконное вознаграждение, что, на наш взгляд, имеет важное практическое значение. В противном случае это означало бы ограничение предупредительного уголовно-правового воздействия ст. 290 УК РФ [7].

Отметим, что получение взятки - преступление, совершаемое с прямым умыслом. Должностное лицо ни при каких обстоятельствах не должно выступать в роли участника коррупционных отношений, нарушая принципы государственной гражданской службы [8]. Факт получения взятки указывает об окончании состава преступления вне зависимости от того, какое дальнейшее использование незаконного вознаграждения и для каких целей оно принимается.

Общественная опасность получения взятки заключается не в обращении предмета взятки либо использовании незаконного вознаграждения в личных целях, а в возможности совершения таких действий по службе, которые противоречат ее интересам, формируют общественное недоверие и подрывают авторитет органов государственной власти и местного самоуправления [9].

В связи с этим толкование корыстного мотива по аналогии с корыстью при хищении вряд ли допустимо ввиду того, что при получении взятки лицо не принимает иное вознаграждение, за исключением того, что обеспечивается государством. Иные сторонние вознаграждения, связанные с осуществлением должностным лицом своих полномочий, признаются незаконными.

В результате при получении взятки лицо реализует собственный корыстный интерес в виде получения незаконного вознаграждения.

Такой взгляд на объект получения взятки, как безвозмездность государственной службы, на наш взгляд, страдает чрезмерной узостью, в связи с чем не отражает в полной мере характер вреда, который причиняется при совершении взяточничества. При определении содержания непосредственного объекта необходимо иметь в виду, что каждое общественно опасное деяние посягает на определенные общественные отношения, установление которых необходимо в каждом отдельном случае в целях уяснения характера общественной опасности. При совпадении родового (видового) и непосредственного объекта такую оценку дать невозможно. Кроме того, преступление нарушает только один или несколько

аспектов реализации общественных отношений, являющихся частью родового объекта, которые будут являться непосредственным объектом.

Как представляется, непосредственный объект получения взятки по характеру и структуре своей является сложным, поскольку нарушение происходит сразу в нескольких аспектах исполнения должностных обязанностей. Полагаем, что запрет на получение незаконного вознаграждения - лишь составляющая комплекса незаконных взаимоотношений взяткодателя и взяткополучателя, при которых могут прямо или косвенно пострадать и другие законные интересы государственной или муниципальной службы, например добросовестное исполнение служебных обязанностей, авторитет государственной власти или иные принципы и нормы публичного управления.

В связи с вышесказанным более правильной является концепция объекта взяточничества как направления деятельности конкретного звена государственного аппарата, сформулированная Б. В. Здравомысловым [8, с. 13].

Относительно видового объекта непосредственный объект получения взятки требует конкретизации на уровне интересов государственной или муниципальной службы, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, которые выражаются через объективную реализацию определенных должностных обязанностей.

Ввиду того, что получение взятки закрепляет наступление уголовной ответственности должностных лиц, объектом преступления выступают возникающие в связи с выполнением лицом определенных должностных обязанностей, основанных на принципах государственной (муниципальной) службы, отношения, направленные на функционирование властно-публичного аппарата. Если должностное лицо состоит на службе у всего общества, а его функции носят публичный характер, то и обязанности оно должно выполнять открыто, объективно, беспристрастно, от имени и во имя данного общества и данной власти, представителем ко-

торой он является, что обеспечивается соответствующим регулятивным и охранительным правовым механизмом.

Таким образом, при рассмотрении непосредственного объекта, который, как мы полагаем, гораздо шире и важнее по своим свойствам и качествам, чем только нарушение правил о безвозмездности государственной службы, можно прийти к выводу о том, что личный интерес, который стремится реализовать должностное лицо при получении взятки (корыстный мотив), не является обязательным.

Во-первых, сам факт незаконного получения взятки за действие (бездействие) по службе создает предпосылки для осуществления такого поведения должностного лица, которое выгодно взяткодателю, однако противоречит интересам государства и общества и не вызвано служебной необходимостью, что подрывает авторитет государственной власти. Во-вторых, корыстный мотив, которым руководствуется должностное лицо, безразличен для взяткодателя, поскольку для него интерес представляют только действия должностного лица, которые последний обязуется выполнить или уже выполнил в его пользу за взятку. В-третьих, определение корыстного мотива в качестве обязательного признака состава ст. 290 УК РФ ограничивает правоприменительную сферу по борьбе с взяточничеством в силу необходимости установления мотива получения взятки, что создает дополнительные возможности для ухода от ответственности при отсутствии доказательств личной выгоды должностного лица. В-четвертых, сугубо юридический аспект состоит в том, что для квалификации состава получении взятки установление мотива не является обязательным.

Подводя итоги исследования, отметим, что законодательство на данный момент не предусматривает четкого определения того, что следует понимать под взяткой. Особое внимание придается тому, что следует считать предметом взятки, например деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера или предоставление имущественных прав. По нашему мнению, следует как можно быстрее устранить данный пробел в законодательстве, поскольку

практические проблемы определения действий, составляющих объективную сторону взятки, снижают эффективность осуществления правосудия по уголовным делам и достижения целей уголовной ответственности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Борков В. Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. 2011. № 4. С. 23–30.

3. Постановление № 22-7070/2013 от 29 октября 2013 г. по делу № 22-7070/2013 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/g2ERDKTqJjQv/ (дата обращения: 11.07.2021).

4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

5. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Российская газета. 2013. № 6130.

6. Алимпиев С. А. Уголовная ответственность за получение взятки по российскому законодательству: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 212 с.

7. Крюкова Н. И. Коррупция: ее сущность и исторические корни в России // История государства и права. 2014. № 5. С. 10–18.

8. Дашин А. В., Усенко А. С. Способы подготовки, совершения и сокрытия незаконного участия в предпринимательской деятельности // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 5 (41). С. 35–40.

9. Усенко А. С., Хлус А. М. Криминалистическая характеристика и материальная структура в методике расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности // Юстиция Беларуси. 2021. № 2 (227). С. 43–48.

10. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М.: Юридическая литература, 1985. 221 с.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

2. Borkov V. N. New edition of the norms on liability for bribery: problems of application // Criminal Law. 2011. No. 4. Pp. 23–30.

3. Resolution No. 22-7070/2013 of October 29, 2013 in case No. 22-7070 2013 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/g2ERDKTqJjQv/ (date of access: 11.07.2021).

4. On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 2.

5. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2013 No. 24 // Rossiyskaya Gazeta. 2013. No. 6130.

6. Alimpiev S. A. Criminal liability for accepting a bribe under Russian law: diss. ... Cand. legal sciences. Yekaterinburg, 2010. 212 p.

7. Kryukova N. I. Corruption: its essence and historical roots in Russia // History of State and Law. 2014. No. 5. Pp. 10–18.

8. Dashin A. V., Usenko A. S. Methods for preparing, committing and concealing illegal participation in entrepreneurial activity // Bulletin of the Samara Law Institute. 2020. No. 5 (41). Pp. 35–40.

9. Usenko A. S., Khlus A. M. Forensic characteristics and material structure in the method of investigation of illegal participation in entrepreneurial activity // Justice of Belarus. 2021. No. 2 (227). Pp. 43–48.

10. Zdravomyslov B. V. Official crimes. Concept and qualifications. M.: Legal literature, 1985. 221 p.

УДК/UDC 343.85

Предупреждение радикализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы

Бровкина Александра Алексеевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и истории
Академия ФСИН России
г. Рязань, Россия
e-mail: alexandera.brovkina@yandex.ru
SPIN-код: 1622-0699

Аннотация

Профилактика социально опасных форм сектантства в среде осужденных к лишению свободы является одним из важных направлений в деятельности уголовно-исполнительной системы. Под влиянием радикальных религиозных движений могут оказаться как осужденные, так и сотрудники или члены их семей. Чтобы противостоять их натиску, сотрудники должны знать отличительные признаки новых религиозных движений деструктивного характера, методы вербовки адептов, приемы и способы манипулирования сознанием, механизмы противодействия распространению сектантского вероучения. В статье уделяется особое внимание внешним маркерам, по которым сотрудники пенитенциарных учреждений могут идентифицировать лиц, приверженных радикальной религиозной идеологии. Предложен ряд мер, направленных на профилактику деструктивного поведения лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и являющихся приверженцами идеологии радикального религиозного движения, а также на пресечение распространения экстремистской идеологии в местах лишения свободы.

Ключевые слова: новые религиозные движения, радикализация, религиозный экстремизм, уголовно-исправительная система, секта, деструктивный культ.

Prevention of radicalization of persons serving a sentence of imprisonment

Brovkina Aleksandra Alekseyevna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Philosophy and History
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
Ryazan, Russia
e-mail: alexandera.brovkina@yandex.ru
SPIN Code: 1622-0699

Abstract

Prevention of socially dangerous forms of sectarianism among those sentenced to imprisonment is one of the important directions in the activities of the penal system. Both convicts and employees or their family members can be influenced by radical religious movements. In order to resist their onslaught, employees must know the distinguishing features of new religious movements of a destructive nature from traditional confessions, methods of recruiting adherents, techniques and methods of manipulating consciousness, mechanisms of counteracting the spread of sectarian beliefs. The article pays special attention to external markers by which prison officers can identify individuals who are committed to radical religious ideology. A number of measures have been proposed to prevent the destructive behavior of persons serving sentences in correctional institutions and who are adherents of the ideology of the radical religious movement, as well as to curb the spread of extremist ideology in prisons.

Key words: new religious movements, radicalization, religious extremism, penal system, sect, destructive cult.

Одним из опасных проявлений деятельности деструктивных религиозных движений является распространение идеологии в среде осужденных к лишению свободы. Распространение радикальной и экстремистской идеологии религиозных движений в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее по тексту - УИС) является одним из факторов, дестабилизирующих работу пенитенциарного учреждения, влияющих негативно на оперативную обстановку, затрудняющих процессы ресоциализации и социальной адаптации осужденных. Деятельность рели-

гиозных движений деструктивного характера наносит вред психологическому самочувствию личности, ее психическому здоровью, полезным социальным связям. Радикализм в среде осужденных порождает агрессию и насилие, жестокость и враждебность, способствует нарастанию нетерпимости к иной культуре, вере и идеологии. Приверженность осужденных религиозным радикальным взглядам может проявляться как способ самоутверждения и достижения статуса в среде осужденных, как поиск защиты и поддержки среди определенной категории лиц, в форме протеста против представителей администрации и власти, как реакция на конфликт. Все эти обстоятельства обуславливают актуальность рассматриваемой темы и необходимость ее дальнейшей разработки.

Проблема радикализации лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, получила свое отражение в трудах П. Н. Казберова, Т. В. Кирилловой, М. И. Кузнецова, В. В. Меркурьева, С. С. Оганесяна, А. М. Сысоева, О. В. Теплякова, И. А. Уварова, М. А. Яворского и др. Однако динамичность общественно-политических процессов, возникновение новых методов вербовки неофитов в местах лишения свободы и распространение вероучения религиозных движений экстремистского характера требуют совершенствования мер, направленных на противодействие радикализации осужденных.

Исправительные колонии являются благоприятной средой для распространения религиозно-экстремистской идеологии и ее принятия осужденными. Определяющим фактором является социальная изоляция, которая способствует отчуждению от внешнего мира и противопоставлению тюремного мира социуму. В таких условиях принятие экстремистской религиозной идеологии обусловлено желанием осужденного самоутвердиться, выразить протест против существования в изоляции, уйти от реальности, найти поддержку и защиту у группы лиц, объединенных схожими идеологическими взглядами и антисоциальными установками.

К детерминантам, обуславливающим распространение идеологии религиозных движений деструктивного характера, относят концентра-

цию в местах лишения свободы большого количества лиц с ярко выраженной девиантно-деструктивной и делинквентной направленностью. Также в исправительных учреждениях содержится высокий процент лиц, страдающих психическими расстройствами (2016 г. - 111 862 чел., 2017 г. - 108 197 чел., 2018 г. - 101 881 чел. [1]). Для них характерна увлеченность идеями, повышенная внушаемость и агрессивность, слабая развитость волевых качеств. Все это делает их более склонными к процессу радикализации.

Следует отметить низкий уровень общего светского и религиозного образования осужденных. Отсутствие критического мышления, знаний основ религиозных вероучений, низкий уровень интеллектуальных способностей приводит к тому, что лицо воспринимает любую идеологию без должного осмысления. Осужденные, ставшие адептами религиозного учения еще до отбывания наказания, в большинстве случаев плохо разбираются в том, во что они верят и чему следуют, поэтому часто их вводят в заблуждение, прикрываясь той или иной идеологией (религиозной - христианской, исламской и т. д.).

Ряд осужденных, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях, становятся адептами религиозных организаций радикального характера еще и потому, что видят в основах идеологии сходство с законами криминального мира. Уголовная субкультура иерархична, основана на презрении не только к правоохранительным органам, но и к государству в целом. Такое отношение к государству мы наблюдаем в мировоззренческих установках представителей радикального ислама, для которых российское государство является государством неверных. А Свидетели Иеговы, например, отрицают любое земное правительство и все, что с ним связано: службу в армии, присягу на государственные должности, государственные праздники, отдание почестей флагу, голосование и избрание на выборные должности. С точки зрения саентологии неугодную личность можно лишить собственности, подавлять, обманывать и уничтожать физически. Такие бесчеловечные законы установлены и в криминальной среде.

Сектантство в среде осужденных пока не является масштабным явлением, однако статистика последних лет говорит о распространении среди тюремного населения идей тоталитарных религиозных организаций. Особенно активную прозелитическую работу ведут адепты исламских религиозных движений экстремистского толка. Так, в 2021 г. осужденный Лечебно-исправительного учреждения № 1 г. Барнаула был признан виновным в том, что, находясь в местах лишения свободы, проводил с другими заключенными занятия, приобщая их к экстремистской идеологии. В 2020 г. вступил в законную силу приговор по ч. 1 ст. 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) в отношении осужденного одной из колоний УФСИН России по Тверской области. Он предпринимал попытки по формированию религиозно-экстремистской ячейки, пропагандирующей идеологию терроризма в местах лишения свободы. В феврале 2020 г. УФСБ России по Пермскому краю расследовало по ч. 1 ст. 280 УК РФ дело в отношении осужденного Исправительной колонии № 12. По версии следствия, он неоднократно демонстрировал группе осужденных видеоролики, а также призывал к осуществлению действий экстремистского характера. В декабре 2019 г. 1-й Восточный окружной военный суд на выездном заседании в Иркутске вынес приговор по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ, ч. 1 ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ («Склонение к террористической деятельности») осужденному одной из областных исправительных колоний, который, отбывая наказание, вербовал осужденных в ряды «Исламского государства» - организации, признанной в России террористической. В этом же месяце 2019 г. вступил в силу приговор, вынесенный по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ в отношении осужденного исправительного учреждения УФСИН России по Тверской области, который предпринимал попытки по формированию из числа других осужденных экстремистской религиозной ячейки, придерживающейся идеологии террора.

С целью профилактики и противодействия распространению религиозной экстремистской идеологии в местах лишения свободы в 2016 г.

Правовым управлением ФСИН России был осуществлен мониторинг конфессионального состава осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Численность осужденных, причисляющих себя к верующим и, следовательно, отождествляющих себя с каким-либо конкретным вероисповеданием - зарегистрированной централизованной религиозной организацией (или религиозной конфессией), была равна 143 842 чел., что составило 21,3% от общего числа осужденных [2]. Мониторинг конфессионального состава верующих осужденных показал, что большинство лиц, содержащихся в местах лишения свободы, принадлежат к трем основным религиозным объединениям, превалирующим в исправительных учреждениях ФСИН России: православие, ислам и буддизм. Оставшаяся же доля осужденных является благоприятной почвой для распространения вероучений новых религиозных движений. По чью сторону окажутся эти лица, зависит от прозелитической деятельности представителей традиционных конфессий нашего государства. Активное сотрудничество ФСИН России с духовенством (особенно с мусульманским) ставит барьер на пути распространения экстремистских идей в колониях и тюрьмах. Служение имамов на регулярной основе в местах заключения способствует предотвращению неверного понимания исламских ценностей. Подписанные в 2017 г. соглашения о взаимодействии ФСИН России с Русской православной церковью и с Федерацией еврейских общин России, а в 2019 г. соглашения о взаимодействии с Центральным духовным управлением мусульман России и Духовным управлением мусульман Российской Федерации позволяют защищать религиозные права и свободы как заключенных, находящихся в местах лишения (ограничения) свободы, так и сотрудников пенитенциарных учреждений, обезопасить общество и государство от распространения и культивирования деструктивной идеологии.

В отношении лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и являющихся приверженцами идеологии тоталитарного религиозного движения, могут приниматься дополнительные меры по профилактике сектантства в среде осужденных к лишению свободы. Необходи-

мо устанавливать дополнительный контроль за осужденными-адептами. С этой целью следует использовать возможности оперативных подразделений. Профилактическая работа должна проводиться с применением гласных и негласных оперативно-розыскных методов, умения пользоваться оперативной информацией, полученной в ходе оперативно-розыскных мероприятий [3, с. 12]. В процессе работы с указанной категорией лиц сотрудникам оперативных подразделений важно уделять большое значение психологическим особенностям личности активных лидеров. В результате проведенных наблюдений можно отметить, что для религиозных экстремистов наиболее характерными типичными качествами являются нарциссизм, фанатизм и деструктивное поведение [4, с. 28]. Следует отметить, что вышеуказанные особенности в определенной степени свойственны каждому человеку, но под воздействием факторов, свойственных для лишения или ограничения свободы, они могут деформироваться и принимать крайние, извращенные формы. К таким факторам можно отнести недостатки национально-религиозного воспитания, неудовлетворенность базовых потребностей, эмоционально-волевые деформации, вызванные стрессовыми ситуациями.

Категория осужденных, занимающихся пропагандой экстремистских идей, нуждается в постоянном наблюдении и контроле, а также применении в отношении них мер воспитательно-профилактического воздействия [5]. Личность религиозного фанатика требует всестороннего изучения, выявления причин негативной мотивации поведения, его криминальных связей, привычек и наклонностей. В воспитательном процессе следует использовать возможности родственных и социально полезных связей. Необходимо создать идейный противовес. Носителей радикальной идеологии следует помещать в среду осужденных, исповедующих традиционные для России религиозные верования. Донести до их сознания в доступной форме информацию о подмене религиозно-этических ценностей и искажении вероучения, которое основано на идеалах любви к ближнему, веротерпимости и миротворчества. Инструментами этой работы служат пособия по изучению основ веры (ислама, христианства и

др.), специальные курсы видео- или аудиолекций, фильмы и другие материалы, которые можно использовать в целях религиозного просвещения осужденных. В процессе подбора таких материалов сотрудникам отделов воспитательной работы с осужденными целесообразно обращаться за помощью и консультациями к священнослужителям соответствующих конфессий, закрепленным за исправительными учреждениями [6]. Также в исправительных учреждениях должен быть отлажен процесс по обнаружению и пресечению публичной демонстрации осужденными татуировок или предметов с изображениями нацистской или экстремистской символики.

Для того чтобы предотвратить распространение идей радикального характера в местах лишения свободы, требуется особый контроль за поступающими осужденным-адептам корреспонденцией, передачами, посылками, бандеролями, а также за их телефонными переговорами. Следует минимизировать внешние контакты данных осужденных с их религиозными наставниками и адептами. С этой целью нужно тщательно проводить проверку лиц, требующих свидания с осужденными (в случае если они являются представителями религиозной, псевдорелигиозной секты, им должно быть отказано в свидании). За лицами, получившими разрешение на свидание, должен быть установлен контроль, что предполагает проверку вещей, литературы, предметов религиозного культа [7]).

Эффективное противодействие радикализации осужденных в местах лишения свободы требует наличия специальных знаний у сотрудников УИС. С этой целью необходимо обеспечить обучение сотрудников, взаимодействующих непосредственно с осужденными-адептами. В рамках боевой и служебной подготовки проводить занятия с привлечением специалистов в данной области, а также представителей традиционных религиозных организаций. Для проведения работы по профилактике и пресечению распространения радикальных религиозных идей необходимо изучать содержание радикальных учений в толковании их носителей, смысловое содержание представлений и ценностей приверженцев ради-

кальных религиозных взглядов. Кроме того, сотрудники пенитенциарных учреждений представляют интерес для лидеров религиозных движений в качестве потенциальных адептов. Такие сотрудники могут быть использованы в качестве посредников между «волей» и осужденными, лишенными свободы. Они могут заниматься несанкционированным проносом запрещенных вещей, веществ, предметов и способствовать тем самым ускоренному распространению радикальных взглядов в местах изоляции от общества. Указанные незаконные действия могут существенно дестабилизировать работу исправительных учреждений, а также дискредитировать всю ФСИН.

Для своевременного выявления лиц, приверженных религиозной экстремистской идеологии, сотрудникам пенитенциарных учреждений следует обращать внимание на внешний облик осужденных, а также имеющиеся у них предметы религиозного культа. Данная информация может выступать ключевым фактором на стадии раннего выявления лиц, приверженных радикальным религиозным идеям. Наиболее часто ряды религиозных экстремистов пополняют молодые, дееспособные лица в возрасте от 20 до 35 лет. Характерной чертой внешности мусульманина, принявшего ислам радикального толка, является наличие бороды, при этом следует отметить, что усы либо коротко пострижены, либо отсутствуют вообще. Волосы на голове пострижены коротко. Мусульмане-ваххабиты не признают нововведений в исламе, поклонения святым местам, не отмечают Мавлид (день рождения пророка Мухаммеда), отвергают богословско-правовые школы. По мнению религиозных радикалов, истинными мусульманами являются только саляфиты. Говоря о сопутствующих признаках внешнего облика, следует отметить, что лица могут иметь при себе такие предметы религиозного толка, как коврик для осуществления религиозных обрядов, сивак/мисвак (средство для чистки зубов из веточки дерева арак), масляные благовония, субха (четки, применяемые в исламе), компас (используется для осуществления религиозных обрядов), несколько полотенец (религия обязывает соблюдать чистоту и регулярно осуществлять омовение), собственные записи рели-

гиозного толка, послание на случай своей смерти и т. д. [8, с. 165]. У представителя такого тоталитарного религиозного движения, как «Свидетели Иеговы», при себе будет Библия. Причем именно Свидетели Иеговы никогда не пользуются изданиями Синодального перевода, используемыми в Русской православной церкви, а также некоторыми протестанскими организациями в России. Если в исходных редакционных данных или даже прямо на обложке есть слова «Перевод Нового Мира» (особенно если это именно «Новый Завет» от 2007 г., причем в исходных данных обязательно будет указано, что издание составлено по переводу с английского издания «Перевод Нового Мира», исправленного в 1984 г.), то с уверенностью можно заключить, что владелец Библии - Свидетель Иеговы. Есть маркеры, по которым можно выявить неоязычников - это определенные символы, связанные с их религией, которые выполнены в виде татуировок на теле или амулетов. Наиболее распространенным является коловрат - восьмиконечный свастический символ, закрученный вкруг и в правом направлении. Как правило, он окрашен в золотой или (реже) красный цвет. Ряд новых религиозных организаций используют свастику в качестве символа общины, жест «вскидывание правой руки вверх», идентичный фашистскому приветствию как элемент культовой практики.

Противостоять распространению радикальной религиозной идеологии возможно только при тесном взаимодействии государственных органов с институтами гражданского общества при активном участии представителей традиционных религиозных конфессий. Экстремизм, не встречающий сопротивления, действительно способен расшатать любое, даже самое благополучное общество, дестабилизируя обстановку и разрушая моральные устои. Поэтому на путях его активного распространения в местах лишения свободы необходимо реализовывать совокупность нейтрализующих предупредительных мер.

Список литературы

1. Кулаков А. В. Предупреждение преступного поведения осужденных с психическими девиациями в местах лишения свободы: дисс. канд. юрид. наук. Самара, 2019. 209 с.

2. Епископ Красногорский Иринарх. Участие священнослужителей в работе Общественных наблюдательных комиссий по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания // Международные рождественские образовательные чтения. URL: https://mroc.pravobraz.ru/episkop-krasnogorskij-irinarx-uchastie-svyashhennosluzhitelej-v-rabote-obshhestvennyx-nablyudatelnyx-komissij-po-obshhestvennomu-kontrolyu-za-obespecheniem-prav-cheloveka-v-mestax-prin/ (дата обращения: 02.05.2021).

3. Артемьев Н. С., Багнычев М. Ю. Оперативно-розыскная профилактика террористической и экстремистской деятельности в учреждениях УИС // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 2. С. 10–13.

4. Кулаков А. В., Родионова О. Р. Личностные особенности осужденных с социальными отклонениями, характерными для мест лишения свободы, и их детерминанты // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2020. № 3 (38). С. 26–32.

5. Корнеев С. А. Интенсификация уголовной ответственности в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Алтайский юридический вестник. 2020. № 1. С. 55–59.

6. Гарник С. В. Рехтина Н. В. О подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы к пресечению и профилактике распространения религиозного экстремизма среди осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 5. С. 2–5.

7. Сысоев А. М., Уваров И. А. Радикализация осужденных к лишению свободы: криминологическая характеристика и пенитенциарная профилактика: монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. 192 с.

8. Нарусланов Э. Ф. Некоторые особенности личности религиозных экстремистов, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Казанский педагогический журнал. 2017. № 5. С. 163–167.

References

1. Kulakov A. V. Prevention of criminal behavior of convicts with mental deviations in prisons: diss. ... Cand. legal sciences. Samara, 2019. 209 p.

2. Bishop Irinarch of Krasnogorsk. Participation of clergy in the work of the Public Monitoring Commissions for Public Control over the Ensuring

of Human Rights in Places of Forced Detention // International Christmas Educational Readings. URL: https://mroc.pravobraz.ru/episkop-krasnogorskij-irinarx-uchastie-svyashhennosluzhitelej-v-rabote-obshhestvennyx-nablyudatelnyx-komissij-po-obshhestvennomu-kontrolyu-za-obespevchen- prin / (date of access: 02.05.2021).

3. Artemiev N. S., Bagnichev M. Yu. Operative-search prevention of terrorist and extremist activities in penal institutions // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2020. No. 2. Pp. 10–13.

4. Kulakov A. V., Rodionova O. R. Personal characteristics of convicts with social deviations characteristic of places of deprivation of liberty, and their determinants // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Service for the Execution of Punishments. 2020. No. 3 (38). Pp. 26–32.

5. Korneev S. A. Intensification of criminal liability in relation to suspects, accused and convicted persons // Altai legal bulletin. 2020. No. 1. Pp. 55–59.

6. Garnik S. V. Rekhtina N. V. On the training of employees of the penal system to suppress and prevent the spread of religious extremism among convicts // Bulletin of the penal system. 2017. No. 5. Pp. 2–5.

7. Sysoev A. M., Uvarov I. A. Radicalization of those sentenced to imprisonment: criminological characteristics and penitentiary prevention: monograph. Vologda: VIPE FSIN of Russia, 2012. 192 p.

8. Naruslanov E. F. Some features of the personality of religious extremists held in institutions of the penal system // Kazan Pedagogical Journal. 2017. No. 5. Pp. 163–167.

УДК/UDC 343.8

Современные организационно-правовые проблемы реализации Модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в учреждениях УИС и пути их решения

Ковалев Олег Геннадьевич
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе
Псковский филиал Академии ФСИН России
Г. Псков, Россия
e-mail: Okovalev66@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7869-4925

Аннотация

В статье рассматриваются современные организационные и правовые проблемы реализации Модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) и пути их решения. В настоящее время усиливается влияние оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в сфере предупреждения и противодействия организованной и рецидивной преступности. Одним из международных стандартов, правовым эталоном в данном направлении является анализируемый Модельный закон. ОРД в УИС осуществляется при реализации оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных Федеральным законом об ОРД, для обеспечения прав и законных интересов лиц, содержащихся в учреждениях УИС и других граждан, защиты от преступных посягательств на их жизнь и здоровье, безопасности УИС, государства и общественных институтов. Особое значение в настоящее время приобретает интерпретация и практическая реализация оперативно-розыскных мероприятий, содержащихся в Модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Изучение нормативно-правовых и организационных аспектов реализации указанного Модельного закона в деятельности оперативных подразделений УИС позволило сформулировать некоторые направления дальнейшего совершенствования ОРД в УИС.

Ключевые слова: законодательство, нормативно-правовое обеспечение, учреждения УИС, международные стандарты, оперативно-розыскные мероприятия, заключенные под стражу, осужденные, информационная безопасность УИС, кибербезопасность УИС, преступные посягательства.

Modern organizational and legal problems of the implementation of the model law on operational investigative activities in the institutions of the criminal justice system and ways to solve them

Kovalev Oleg Gennadyevich
Doctor of Law, Candidate of Psychological Sciences, professor, academician of the RAES, professor of the Department of Organization of the Regime and Operetional-search Activity in the Penal System
Pscov branch of the Academy of Federal Penitentiary Service of Russia
Pscov, Russia
e-mail: Okovalev66@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7869-4925

Abstract

The article examines the modern organizational and legal problems of the implementation of the Model Law "On Operational Investigative Activity"in the institutions of the penal system (PS) and the ways of their solution. At present, the influence of the operational investigative activity (OIA) in the field of prevention and counteraction to organized and recidivism is increasing. One of the international standards, the legal benchmark in this direction is the analyzed Model Law. OIA in the penitentiary system is carried out during the implementation of operational-search measures, enshrined in the Federal Law on OIA, to ensure the rights and legitimate interests of persons held in penitentiary institutions and other citizens, protection from criminal encroachments on their life and health, security of the penitentiary system, state and public institutions ... The interpretation and practical implementation of the operational-search activities contained in the Model Law "On operational-search activities"is of particular importance. The study of the regulatory and organizational aspects of the implementation of this Model Law in the activities of the operational divisions of the PS made it possible to formulate some directions for further improving the OIA in the PS.

Key words: legislation, regulatory support, institutions of the OIA, international standards, operational search measures, prisoners in custody, convicted persons, information security of the OIA, cybersecurity of the OIA, criminal encroachments.

В современных условиях обеспечения внутренней безопасности государства, своевременного и адекватного ответа на криминальные угрозы и тенденции преступности, реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики, эффективного функционирования правоохранительной системы возрастает значение оперативно-розыскной деятельности (далее по тексту - ОРД). Ее законодательного и ведомственного нормативно-правового регулирования, применения субъектами современных методик и технологий.

В настоящее время также усиливается влияние ОРД в сфере предупреждения и противодействия организованной и рецидивной преступности. По данным официальной статистики показатель лиц, ранее судимых за совершение преступлений в группе, составляет в настоящее время 38%. В отношении ранее судимых судами выносятся 45% обвинительных приговоров. За последние пять лет количество лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и ранее совершавших преступления, возросло на 26%. Среди отбывавших уголовные наказания в виде лишения свободы показатель рецидива вырос до 55% [1; 2].

Осуществление ОРД ее различными субъектами характеризуется специфическими правовыми и организационными особенностями и содержанием, детерминируемыми конкретными условиями профессиональной деятельности, влияющими на выбор используемых приемов, тактик, методов и технологий.

Проводимое в современной России на протяжении последних 25 лет реформирование уголовно-исполнительной системы (далее по тексту - УИС), приведение ее в соответствие отечественному законодательству и международным пенитенциарным правилам и стандартам, безусловно, отразилось и на правовом регулировании и организационном обеспечении ОРД в УИС. Одним из международных стандартов, своеобразным

эталоном и ориентиром для национальных законодателей в данном направлении выступает принятый 6 декабря 1997 г. Модельный закон «Об ОРД» [3].

Учитывая теоретическую значимость Модельного закона «Об ОРД», его прикладное значение в т. ч. для учреждений УИС, мы провели исследование организационно-правовых проблем его реализации и сформулировали возможные пути их решения.

В ходе исследования, в котором использовались общенаучные и специальные методы (сравнительно-правовой, нормативно-логический, контент-анализ информационных источников и др.) были изучены работы О. А. Вагина, К. К. Горяинова, М. А. Нодирова, Н. В. Павличенко, А. Д. Парманасова, А. С. Самоделкина, А. Е. Ступницкого, А. Ю. Шумилова и др. [4; 5]. Также был осуществлен контент-анализ открытых ведомственных нормативных правовых актов, Модельного закона «Об ОРД», Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об ОРД» (далее по тексту - ФЗ об ОРД) [6].

Одним из концептуальных положений Модельного закона «Об ОРД» является формулировка понятия данного вида деятельности, которое активно применяется отечественным законодателем и ведомственными структурами, в т. ч. в УИС.

По смыслу данного законодательного акта ОРД в УИС осуществляется при реализации оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных ФЗ об ОРД, для обеспечения прав и законных интересов лиц, содержащихся в учреждениях УИС и других граждан, защиты от преступных посягательств на их жизнь и здоровье, безопасности УИС, государства и общественных институтов.

В связи с этим правы исследователи Н. В. Павличенко и А. С. Самоделкин, выделившие в определении, сформулированном в Модельном законе «Об ОРД», специальную терминологию (оперативно-розыскные мероприятия, проводимые гласно и негласно специальными субъектами, гуманизм, права и законные интересы граждан, безопасность общества и государства) [7].

Одной из законодательных новелл, содержащихся в Модельном законе «Об ОРД», является ориентирование субъектов на выполнение международных договоров в борьбе с преступностью, а также признание обеспечения прав и законных интересов граждан, законности и гуманизма важнейшими приоритетами данной деятельности. Подобный подход законодателя полностью отвечает положением современной Концепции развития УИС Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р [8], и может в полной мере реализовываться в УИС.

Особое значение в настоящее время приобретает интерпретация и практическая реализация ОРД, содержащихся в Модельном законе «Об ОРД», касающихся мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей и систем, а также контроля радиочастотного спектра.

В последние годы все более активно внедряются в деятельность ФСИН России IT-технологии, обеспечивая эффективное осуществление работы по анализу и учету, обеспечению охраны и режима в учреждениях УИС.

Министром юстиции Российской Федерации К. А. Чуйченко на коллегии ФСИН России по итогам 2020 г. поставлена задача создать на базе учреждений УИС современные цифровые логистические центры, которые потребуют дальнейшего развития и использования IT-технологий в сфере исполнения уголовных наказаний.

Практической реализации, дальнейшему развитию и совершенствованию данного направления посвящена гл. 14 Концепции развития УИС Российской Федерации на период до 2030 г., в которой закреплен механизм цифровой трансформации и научно-технического развития УИС, подразумевающий в т. ч. создание единого защищенного управляемого информационного пространства ФСИН России.

Обратной стороной научно-технического прогресса, информатизации всех сфер жизнедеятельности граждан и внедрения digital технологий в повседневную жизнь стал взрывной рост киберпреступности, кото-

рая по информации Президента России В. В. Путина, прозвучавшей на Коллегии МВД России 3 марта 2021 г., за последние 6 лет выросла в 10 раз. Несмотря на принимаемые меры (увеличение численности специализированных подразделений оперативных служб Министерства в 2020 г. на 3 тыс. единиц, введение в эксплуатацию подсистемы «Дистанционное мошенничество», подготовку специалистов для IT-подразделений ведомства, роста в 1,5 раза в прошедшем году количества раскрытых преступлений данной категории и др.), обстановка в данной сфере остается напряженной [9].

Также МВД России нацелено на конструктивное сотрудничество с ФСИН в сфере противодействия незаконному использованию мобильной связи для совершения мошенничества и вымогательства в учреждениях УИС.

Результаты ранее осуществленного авторского исследования киберпреступности, ее масштабов и специфического содержания позволяют отнести ее к одному из современных вызовов российскому государству, угрозе национальной безопасности .

Проведенное нами теоретическое исследование показало, что кибербезопасность следует рассматривать как защищенность электронных систем, сетей, серверов, а также программных продуктов и персональных данных от умышленного несанкционированного, криминального вмешательства посредством киберугроз, реализуемых с помощью киберпреступности, компьютерных атак и кибертерроризма.

В данной связи на передний план выдвигается проблема обеспечения кибербезопасности в УИС России с использованием возможностей ОРД в процессе реализации указанных выше оперативно-розыскных мероприятий Модельного закона «Об ОРД».

Весьма эффективным средством обеспечения кибербезопасности в учреждениях УИС является система так называемых глушилок и радиомониторинга, поскольку дистанционное мошенничество и вымогательство, совершаемые заключенными под стражу и осужденными, становится все более распространенным явлением.

По заявлению Директора ФСИН России А. П. Калашникова, только в прошлом году у лиц, находящихся в учреждениях УИС, изъято более 66 тыс. единиц мобильной связи (на 20% больше, чем в 2019 г.).

Для предупреждения и устранения данной негативной тенденции противодействия телефонному мошенничеству и вымогательству со стороны заключенных под стражу и осужденных по инициативе Минюста и МВД России принят Федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 44-ФЗ [10], предусматривающий механизм прекращения оказания услуг связи на территории и учреждений УИС.

Таким образом, несмотря на то, что положения Модельного закона «Об ОРД» носят рекомендательный характер и во многом схожи с ФЗ об ОРД, правоприменительная практика показывает перспективность его отдельных законодательных посылов, которые в различных формах реализуются в деятельности оперативных подразделений УИС в настоящее время.

Изучение нормативно-правовых и организационных аспектов реализации Модельного закона «Об ОРД» в условиях УИС позволило сформулировать некоторые направления дальнейшего совершенствования ОРД в контексте рассматриваемой проблематики:

1. Обеспечение своевременной и полной правовой трансформации результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказательства по уголовному делу. Применительно к особенностям расследования преступлений в условиях исправительных учреждений в ходе опроса сотрудников исправительных учреждений нами были выделены основные условия, способствующие успешной правовой трансформации результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказательства по уголовному делу.
2. Развитие ведомственного нормативного правового регулирования ОРД в УИС. Дальнейшая унификация законодательства в этой сфере, издание совместных инструкций с другими заинтересованными субъектами ОРД (МВД России, ФСБ России).

3. Совершенствование законодательного и ведомственного нормативного правового регулирования вопросов обеспечения информационной и кибербезопасности УИС, противодействия современным киберугрозам и кибератакам на инфраструктурные объекты УИС, защита персональных данных сотрудников и обеспечение их личной безопасности, создание единого защищенного управляемого информационного пространства ФСИН России в рамках реализации механизма ее цифровой трансформации.
4. Развитие и совершенствование оперативно-технических подразделений УИС, обеспечение их современными технологиями, позволяющими более эффективно осуществлять оперативно-розыскные мероприятия в условиях исправительных учреждений и следственных изоляторов.
5. Внесение дополнительных изменений в уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство о проведении ОРД в учреждениях УИС.

Реализация указанных направлений позволит повысить эффективность ОРД в УИС, унифицировать законодательные и ведомственные нормативные правовые акты в этой сфере.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - апрель 2019 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/16945572/logo (дата обращения: 01.05.2021).

2. Статистика и аналитика Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/Deljatelnost/statistics// (дата обращения: 01.05.2021).

3. Модельный закон об оперативно-розыскной деятельности // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1998. № 16.

4. Парманасов А. Д. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в странах - участниках Евразийского экономического союза (по мате-

риалам органов внутренних дел): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. 26 с.

5. Ступницкий А. Е. Вопросы совершенствования российского законодательства в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности на основе положений Модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 1 (68). С. 21–27.

6. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-Ф // Российская газета. 18.08.1995.

7. Павличенко Н. В., Самоделкин А. С. Конвергенция оперативно-розыскного законодательства государств - участников Содружества Независимых Государств // Общество и право. 2016. №1 (55). С. 190–194.

8. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

9. Расширенное заседание коллегии МВД России // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65090 (дата обращения: 13.07.2021).

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Федеральный закон от 09.03.2021 N 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 11. Ст. 1709.

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - April 2019 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https: //xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/16945572/logo (date of access: 01.05.2021).

2. Statistics and analytics Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https: //xn–b1aew.xn–p1ai/Deljatelnost/statistics// (date of access: 01.05.2021).

3. Model law on operational-search activity // Information bulletin. Interparliamentary Assembly of Member States of the Commonwealth of Independent States. 1998. No. 16.

4. Parmanasov A. D. Legislative regulation of operational-search activities in the countries - members of the Eurasian Economic Union (based on materials from the internal affairs bodies): author. diss. ... Cand. legal sciences. SPb., 2017. 26 p.

5. Stupnitsky A. E. Issues of improving Russian legislation in the field of ensuring human and civil rights and freedoms in the implementation of operational-search activities

on the basis of the provisions of the Model Law "On operational-search activities"// Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1 (68). Pp. 21–27.

6. On operational-search activity: Federal Law of 12.08.1995 № 144-F // Rossiyskaya Gazeta. 18.08.1995.

7. Pavlichenko N. V., Samodelkin A. S. Convergence of operational-search legislation of states - members of the Commonwealth of Independent States // Society and Law. 2016. No. 1 (55). Pp. 190–194.

8. On the Concept of the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of 29.04.2021 N 1138-r // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 20. Art. 3397.

9. Expanded meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Official website of the President of Russia. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65090 (date of access: 13.07.2021).

10. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the termination of the provision of communication services on the territory of pre-trial detention centers and institutions executing criminal sentences in the form of imprisonment: Federal Law of 09.03.2021 No. 44-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 11. Art. 1709.

УДК/UDC 343.98

Особенности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотических средств, с использованием правоохранительными органами новых направлений криминалистики

Маевский Сергей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского
г. Брянск, Россия
e-mail: stelgood@mail.ru
SPIN-код: 3545-9121

Дударев Виталий Анатольевич
ассистент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского
г. Брянск, Россия
e-mail: dudarev-vitalii@mail.ru
SPIN-код: 2473-0839

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотических средств. Особое внимание авторы уделяют использованию в процессе раскрытия и расследования наркопреступлений таких новых направлений криминалистики, как криминалистическая аэрофотосъемка, ДНК-анализ, использование цифровых следов для получения криминалистически значимой информации. В рамках настоящей статьи также уделяется внимание статистическому анализу наркопреступлений, анализу современной наркоситуации в России, организации проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие и расследование наркопреступлений. Дается криминалистическая характеристика лиц, употребляющих наркотические средства, а также лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотиков. Авторами предлагаются практические рекомендации для следователей

и оперативных работников на определенных этапах следственно-оперативного взаимодействия.

Ключевые слова: наркотические средства, наркопреступления, аэрофотосъемка, ДНК-анализ, цифровые следы, криминалистически значимая информация, следственно-оперативное взаимодействие, закладчики, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия.

Peculiarities of disclosing and investigating crimes committed in the sphere of illegal drug trafficking with the use of new areas of forensic science by law enforcement agencies

Mayevskiy Sergey Sergeyevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of the Criminal Procedure Law and Forensics
Bryansk State University
Bryansk, Russia
e-mail: stelgood@mail.ru
SPIN Code: 3545-9121

Dudarev Vitaliy Anatolyevich
Candidate of Law, assistant of the Department of the Criminal Procedure Law and Forensics
Bryansk State University
Bryansk, Russia
e-mail: dudarev-vitalii@mail.ru
SPIN Code: 2473-0839

Abstract

The article is devoted to the study of the peculiarities of the disclosure and investigation of crimes committed in the sphere of illegal drug trafficking. The authors pay special attention to the use in the process of disclosing and investigating drug crimes such new areas of forensic science as forensic aerial photography, DNA analysis, the use of digital traces to obtain forensically significant information. Within the framework of this article, attention is also paid to the statistical analysis of drug crimes, the

analysis of the current drug situation in Russia, the organization of investigative actions and operational-search activities aimed at disclosing and investigating drug crimes. The forensic characteristics of people who use drugs, as well as people involved in drug trafficking are given. The authors offer practical recommendations for investigators and operational workers at certain stages of investigative and operational interaction.

Key words: drugs, drug crimes, aerial photography, DNA analysis, digital traces, forensically significant information, investigative and operational interaction, pledges, investigative actions, operational search activities.

В современном мире распространение наркотических средств все чаще осуществляется через информационно-коммуникационную сеть «Интернет» (далее по тексту - интернет). Как отмечается в юридической литературе, опасность распространения наркотических средств через интернет состоит в том, что благодаря использованию этой сети легко вовлечь для осуществления незаконного оборота указанных веществ, а также их употребления достаточно большое количество лиц с учетом обеспечения высокой латентности [1, с. 5].

По данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации «в структуре преступности относительно стабильным по окончании 2020 г. остается удельный вес преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств (9,7%) от общего числа совершенных преступлений, что в количественном выражении составляет 97 713». При этом отмечается, что по субъектам Российской Федерации рост наркопреступности неоднороден. Так, в 40 из 85 субъектов Российской Федерации наблюдается значительный всплеск наркопреступности, однако в Москве по состоянию на 2020 г. по отношению к предыдущему году количество совершаемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств снизилось на 4,1%, а в Санкт-Петербурге количественные показатели наркопреступлений снизились на 22,7% [2, с. 8].

Необходимо отметить, что в настоящий момент выявление наркопреступлений в интернете сопряжено с отсутствием надлежащих меха-

низмов, с помощью которых можно было бы отслеживать ресурсы, где накапливается информация о наркотических средствах и незаконных действиях с ними. Очень велика негативная роль DarkNet в распространении, приобретении и перевозке наркотических средств.

Сотрудникам МВД очень сложно привлечь торгующих наркотическими средствами лиц к уголовной ответственности, т. к. наркоторговцы проявляют изобретательность и добавляют в реализуемые вещества такие компоненты, с помощью которых изменяется их состав, в результате чего при проведении экспертизы вещество может не признаваться наркотическим в силу того, что оно не входит в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (далее по тексту - Перечень) [3]. Необходимо отметить, что этот Перечень постоянно обновляется, однако и структуры, занимающиеся производством и продажей наркотических средств, также внимательно следят за этим.

Приведем пример. До 2010 г. такой синтетическое наркотическое средство, как мефедрон «Лучший Мяу», можно было купить вполне легально, в т. ч. и потому, что его реализация происходила с учетом добавления новых компонентов. В дальнейшем в результате изменений в Перечне данный вид наркотических средств был запрещен в обороте.

Широкое распространение наркотических средств через интернет объясняется еще и тем, что наркобизнес стал экстерриториальным. Преступная сеть действует таким образом, что ее участники даже не знают друг друга в лицо. Это существенным образом осложняет возможности расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.

В рамках расследования наркопреступлений первостепенное значение уделяется оперативно-розыскной работе. В соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] оперативные работники могут действовать как гласно, так и негласно при проведении оперативно-розыскных мероприятий [5].

Наиболее эффективными оперативно-розыскными мероприятиями в сфере незаконного оборота наркотических средств являются: проверочная закупка, контролируемая поставка, прослушивание телефонных переговоров, анализ компьютерной информации (с целью получения сведений о переписке пользователей и т. д.), оперативный эксперимент, наблюдение, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений [1, с. 7].

Тем не менее непосредственно проводимое оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка» в настоящее время далеко не всегда приносит необходимый эффект. С учетом развития научно-технического прогресса преступники разрабатывают все новые средства и методы для расширения сферы своей деятельности. В свою очередь, крупнейшие преступные сообщества выделяют внушительные денежные средства для финансирования наркобизнеса.

Правоохранительные органы также постоянно разрабатывают новые криминалистические методы и средства, направленные на изучение преступной деятельности и деятельности по ее расследованию, т. к. преступность существенным образом вредит обществу и государству.

В процессе расследований наркопреступлений следует учитывать, что состав участников наркопреступлений достаточно неоднороден, поскольку это могут быть как лица, которые употребляют наркотические средства, так и те, кто участвует в их незаконном обороте.

При характеристике первой группы лиц (употребляющих наркотические средства) правоохранительные органы должны установить семейное положение этих лиц, их дозу потребления запрещенных средств в среднем в определенный период, место работы или его отсутствие у наркозависимого лица, место приобретения наркотических средств (оно может скрываться или не скрываться наркоманом), а также место их употребления. Немаловажным обстоятельством является информация о наличии или отсутствии судимости у наркомана.

Давая характеристику лицам, участвующим в незаконном обороте наркотических средств, правоохранителям следует установить, употреб-

ляет ли данное лицо наркотические средства, каков его образ жизни и денежный доход, где осуществляется сбыт указанных средств и как (напрямую или через посредников), какое время лицо занимается наркобизнесом, какие именно средства реализуются.

Установление всех этих сведений очень важно при составлении психологического портрета преступника, а также разработке алгоритмов проведения допросов и иных следственных действий.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время наркобизнес с учетом развития информационных технологий, использования интернета, а также анонимайзеров при общении участников преступных групп весьма усложняет процесс расследования наркопреступлений, совершаемых преступными группами и сообществами. В данном случае необходимо при возникновении таких ситуаций создавать следственно-оперативные группы. Как справедливо отмечает Ю. В. Контемирова, «при отсутствии информации о способе и механизме совершения любого преступления эффективная борьба с преступностью невозможна» [6, с. 109].

С учетом данного мнения необходимо отметить, что, действуя в составе следственно-оперативной группы, следователь, прибегая к помощи оперативных работников, сможет установить типичные места сбыта наркотических средств, установления тайников, а также лиц, производящих закладки.

При раскрытии наркопреступлений, совершаемых бесконтактным способом, следователь должен подробно проанализировать типичные следственные ситуации на первоначальном этапе расследования и сопоставить их с другими преступлениями. Для успешного обнаружения в определенном ареале местности систематического совершения наркопреступлений следует воспользоваться ресурсами агентурной сети. Так, например, через аптечные сети можно установить лиц, которые покупают большими партиями напальчники или резиновые перчатки (кладмены (закладчики) используют данные товары для упаковки в них наркотических средств). На пунктах выдачи товаров в интернет-магазинах мож-

но выявить лиц, которые массово покупают пакеты с замком Zip Lock, изоленту.

С учетом достижений современной криминалистики большое значение имеет криминалистическая аэросъемка местности с помощью летательных аппаратов с функцией фото- и видеосъемки с высоты птичьего полета.

С помощью криминалистической аэросъемки можно эффективно отслеживать обстановку на пустырях, недостроенных зданиях, парках, что позволит выявить подозрительных лиц на определенном открытом секторе местности, т. к. закладчики в настоящее время, опасаясь засады оперативников, а также бдительных граждан, уже давно переместили место для «закладок» с оживленных улиц и детских площадок в парки, недостроенные здания, слабозаселенную местность и пустыри.

С учетом современных разработок в криминалистике возможно использование фотографической, телевизионной и тепловой съемки. Фотографическая аэросъемка осуществляется посредством аппаратуры фотографической системы, т. е. является всем привычной фотосъемкой, телевизионная съемка осуществляется посредством фиксации с применением видеокамеры. С помощью тепловой съемки возможна фиксация теплового излучения различных объектов, осуществляется в инфракрасном диапазоне волн посредством тепловизоров [7]. Это особенно эффективно для выявления кладменов в ночное время суток, в лесополосе.

Сейчас в распоряжение криминалистов поступили беспилотные летательные аппараты (далее по тексту - БПЛА) [7], стоимость эксплуатации которых невелика ввиду их компактности, возможности питания от батарей, что существенно снижает вес аппарата в отличие от бензинового двигателя.

В целом аэросъемка связана с фото- и видеозаписью и реализуется, по сути, с применением фото- и видеоустройств, как отмечает Г. П. Шамаев, выделяют два их вида - исследовательская и запечатлевающая [8, с. 291].

Таким образом, спектр применения аэросъемки в криминалистике и оперативно-розыскной деятельности очень широк.

В процессе расследования наркопреступлений также большое значение имеет использование такого эффективного направления криминалистики, как ДНК-идентификация.

По справедливому замечанию О. В. Танимова, «разработка геномных технологий в последующем позволит активно использовать их в криминалистических целях» [9].

Так, например, в Великобритании процент раскрытия преступлений без использования метода ДНК-анализа составлял 13%, с использованием ДНК-анализа - 31%. Благодаря ДНК-анализу и в Российской Федерации было раскрыто достаточно большое количество преступлений, в т. ч. многолетней давности [10]. В России, по словам начальника ЭКЦ МВД России генерал-лейтенанта полиции А. В. Шишко, «за последние три года результаты генетических экспертиз и исследований способствовали раскрытию в среднем более 100 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений» [11].

При проведении ДНК-анализа возможно установление взаимосвязи между кладменом и свертком, который он упаковывал. В данном случае необходимо осуществлять задержание кладмена таким образом, чтобы он не успел «скинуть» «закладку».

В процессе расследования наркопреступлений очень важно установление цифровых следов, т. к. изъятые информационные носители содержат в себе криминалистически значимую цифровую информацию в виде отдельных файлов и компьютерных программ.

В настоящее время с учетом компьютеризации современного общества сформировалось такое новое направление, как цифровая криминалистика.

В рамках теории криминалистики изучаются так называемые цифровые (электронные, виртуальные, компьютерные) следы преступной деятельности. В научный оборот уже прочно вошло такое понятие, как цифровизация. По мнению О. В. Танимова, под цифровизацией следу-

ет понимать «процесс, направленный на преобразование той или иной сферы жизнедеятельности (отрасли народного хозяйства) посредством внедрения в нее цифровых технологий и инновационных технологических решений» [9, с. 3].

Анализ следственной практики свидетельствует о том, что исследование цифровых следов в криминалистике актуально при проведении процессуальных проверок и расследовании любых преступлений независимо от объекта и способа посягательства, категории или формы вины, осведомленности или неосведомленности лица об их оставлении, а также принадлежности тому или иному участнику уголовного процесса (подозреваемому, потерпевшему или свидетелю).

Важно помнить, что цифровой след помогает раскрыть преступление, объективно расследовать его. Поэтому практическое значение имеет деление полученной цифровой информации на ориентирующую - помогающую следователю верно выстроить ход расследования, наметить правильные версии, следственные действия, назначить необходимые экспертизы, и идентифицирующую - имеющую непосредственно доказательственное значение, изобличающее виновных.

Сегодня особое внимание уделяется следующим цифровым следам, которые чаще других используются в следственной практике при доказывании виновности (невиновности) подозреваемых:

1) сведения с камер видеозаписи (съемка с звуковым сопровождением либо без такового);
2) сведения биллинговой системы (информация о соединениях между абонентами (абонентскими устройствами));
3) информация, содержащаяся в памяти смартфона, телефона участника уголовного судопроизводства [12, с. 23];
4) криминалистически значимая информация, находящаяся в памяти домашнего (рабочего) компьютера (ноутбука, планшета, моноблока) участника расследования;
5) метаданные и иная цифровая информация, содержащаяся на различных устройствах, позволяющая определить местонахож-

дение гаджета и его владельца в интересующее следствие время;

6) социальные сети как источник криминалистически значимой информации;
7) сведения истории журналов браузеров пользователя (программ просмотра содержимого сайтов);
8) данные дистанционного зондирования поверхности Земли [13].

Так, например, с учетом использования информации об определении места нахождения одного из лидеров преступного сообщества было опровергнуто его алиби касательно того, что он не мог быть в определенное время на сделке, т. к. покупал в автосалоне машину.

Обозначив отдельные новые направления криминалистики, используемые при расследовании наркопреступлений, необходимо отметить, что после проведения анализа первичной информации по делу и сопоставления результатов анализа с информацией по другим наркопреступлениям следователю необходимо решить, какие оперативно-розыскные мероприятия нужно подготовить и поручить для проведения оперативным работникам.

В юридической литературе отмечается, что при наличии информационных пробелов их восполнение «должно осуществляться посредством проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий с должным вниманием, поскольку информация, добытая в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, может быть положена в основу доказывания по уголовному делу» [1, с. 7].

Задержание наркодилеров, как и соучастников преступления, должно осуществляться со всеми мерами предосторожности при условии, что все возможное количество соучастников установлено.

При этом в рамках доследственной проверки, проводимой с учетом специфики содержания ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [14], необходимо поэтапно ответить на такие вопросы:

1) имеет ли место преступление и по какой статье Уголовного кодекса Российской Федерации [15] его квалифицировать;
2) каков способ и механизм данного преступления;
3) кто его совершил и какова роль соучастников;
4) не сопровождалась ли преступная деятельность другими преступлениями, если да, то какими именно;
5) что способствовало преступной деятельности;
6) каковы источники приобретения распространения и реализации наркотических средств.

Таким образом, можно констатировать, что эффективное раскрытие и расследование наркопреступлений возможно лишь при учете знания следователями и оперативными работниками новых и динамично развивающихся направлений криминалистики.

Список литературы

1. Маевский С. С. Особенности раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных организованными преступными группами и организациями с помощью всемирной компьютерной сети Интернет // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 5. С. 5–8.

2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 г. Сборник // Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2020. 66 с.

3. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (в ред. от 03.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 06.07.1998. № 27. Ст. 3198.

4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.

5. Дударев В. А. Характеристика некоторых оперативно-розыскных мероприятий, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков // Право: история, теория, практика: сборник статей и материалов. Вып. 23. Брянск: ООО «Новый проект». 2019. С. 48–55.

6. Контемирова Ю. В. Организация и тактика проведения оперативно-разыскных мероприятий по выявлению и раскрытию фактов незаконного сбыта нар-

котических средств и психотропных веществ на современном этапе борьбы с преступностью // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 4 (19). С. 106–112.

7. Кузнецов С. Е. Криминалистическая аэросъемка // Российский следователь. 2019. № 3. С. 16–19.

8. Шамаев Г. П. Судебная фотография и видеозапись: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Судебная экспертиза», квалификация «судебный эксперт». М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 527 с.

9. Танимов О. В. Влияние цифровых технологий на появление новых структурных элементов системы права // Российская юстиция. 2019. № 7. С. 2–5.

10. Богданов В. Расширение банка биоданных граждан и групп риска поможет бороться с преступностью // Российская Газета. URL: https://rg.ru/2016/05/04/krug-podlezhashchih-obiazatelnoj-genomnoj-registracii-lic-rasshiriat.html (дата обращения: 09.06.2021).

11. Интервью начальника ЭКЦ МВД России генерал-лейтенанта полиции А. В. Шишко радиостанции «Милицейская волна» 01.03.2019 // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/document/16093018 (дата обращения: 09.06.2021).

12. Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. 2013. № 2. С. 22–27.

13. Кузнецов В. В. Космическая съемка как форма использования цифровых технологий в деятельности следователя // Криминалистика - прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17.10.2019). Под общ. ред. А. М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019.
С. 323–327.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. № 52. Ст. 4921.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 08.04.2021) // Собрание законодательства РФ. № 25. Ст. 2954.

References

1. Maevsky S. S. Features of disclosing and investigating crimes in the sphere of illegal drug trafficking committed by organized criminal groups and organizations using the worldwide computer network Internet // International criminal law and international justice. 2019. No. 5. Pp. 5–8.

2. The state of crime in Russia in January–February2020. Collection // Main Directorate of Legal Statistics and Information Technologies of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. M., 2020. 66 p.

3. On the approval of the list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation: RF Government Resolution No. 681 dated June 30, 1998 (as amended on December 3, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 06.07.1998. No. 27. Art. 3198.

4. On operational-search activities: Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ (as amended on 30.12.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 14.08.1995. No. 33. Art. 3349.

5. Dudarev V. A. Characteristics of some operational-search measures aimed at combating drug trafficking // Law: history, theory, practice: collection of articles and materials. Issue 23. Bryansk: New Project LLC. 2019. Pp. 48–55.

6. Kontemirova Yu. V. Organization and tactics of conducting operational-search measures to identify and disclose the facts of illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances at the present stage of the fight against crime // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 4 (19). Pp. 106–112.

7. Kuznetsov S. E. Forensic aerial photography // Russian investigator. 2019. No. 3. Pp. 16–19.

8. Shamaev G. P. Forensic photography and video recording: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Forensic examination qualification "forensic expert". M.: Norma: INFRA-M, 2017. 527 p..

9. Tanimov O. V. The influence of digital technologies on the emergence of new structural elements of the legal system // Russian Justice. 2019. No. 7. Pp. 2–5.

10. Bogdanov V. Expansion of the biodata bank of citizens and risk groups will help fight crime // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2016/05/04/krug-podlezhashchih-obiazatelnoj-genomnoj-registracii-lic-rasshiriat.html (date of access: 09.06.2021).

11. Interview with the Chief of the EKTs of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant-General A. V. Shishko of the radio station "Police Wave"03/01/2019 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/document/16093018 (date of access: 09.06.2021).

12. Bagmet A. M., Skobelin S. Yu. Extraction of data from electronic devices as an independent investigative action // Law and Cybersecurity. 2013. No. 2. Pp. 22–27.

13. Kuznetsov V. V. Space imagery as a form of using digital technologies in the activities of an investigator // Criminalistics - past, present, future: achievements and development prospects: materials of the International Scientific and Practical Conference

(Moscow, 10/17/2019). Under total. ed. A. M. Bagmet. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2019. Pp. 323–327.

14. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 No. 174-FZ (as amended on 30.04.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. No. 52. Art. 4921.

15. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 08.04.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. No. 25. Art. 2954.

УДК/UDC 343.36

Некоторые проблемы квалификации преступлений против правосудия, совершаемых адвокатами

Маресина Мария Алексеевна
аспирант кафедры уголовного права
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: ilyenkovam@gmail.com
SPIN-код: 7491-4422

Аннотация

Статья посвящена изучению некоторых проблем квалификации преступлений против правосудия, совершаемых адвокатами. Устранение и разрешение рассмотренных в настоящей статье вопросов способствует правильной квалификации общественно опасных деяний, совершаемых адвокатами, а также справедливому разрешению вопросов об уголовной ответственности таких субъектов преступления. Целью написания данной статьи являются рассмотрение проблем, связанных с уголовной ответственностью адвоката; анализ некоторых составов преступлений, совершаемых адвокатами; выявление противоречий между положениями отечественной доктрины и сложившейся практикой, между нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также поиск путей по их устранению. При проведении исследования использован всеобщий философский метод познания правовых явлений, методы формальной логики, анализ материалов уголовных дел и иные методы. По результатам проведенного исследования автором предлагается конкретизация диспозиций некоторых уголовно-правовых норм, а также их приведение в соответствие положениям уголовно-процессуального законодательства; обосновывается необходимость исключения адвоката-защитника из числа субъектов фальсификации доказательств по уголовному делу. Отраженные выводы могут быть использованы для совершенствования отечественного законодательства, уголовно-правовой теории и практики.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, преступления против правосудия, состав преступления, уголовная ответственность, уголовное право.

Some problems of qualification crimes against justice committed by advocates

Maresina Mariya Alekseyevna
graduate student of the Department of Criminal Law
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: ilyenkovam@gmail.com
SPIN Code: 7491-4422

Abstract

The article is devoted to the study of some problems of qualification of crimes against justice committed by lawyers. The elimination and resolution of the issues considered in this article contributes to the correct qualification of socially dangerous acts committed by lawyers, as well as a fair resolution of issues about the criminal responsibility of such subjects of crime. The purpose of this article is to consider the problems associated with the criminal liability of a lawyer; analysis of some corpus delicti committed by lawyers; identification of contradictions between the provisions of the domestic doctrine and established practice, between the norms of criminal and criminal procedural legislation, as well as finding ways to eliminate them. During the research, a general philosophical method of cognition of legal phenomena, methods of formal logic, analysis of materials of criminal cases and other methods were used. Based on the results of the study, the author proposes to specify the dispositions of some criminal law norms, as well as to bring them in line with the provisions of the criminal procedure legislation; the necessity of excluding a defense lawyer from the list of subjects of falsification of evidence in a criminal case is substantiated. The reflected conclusions can be used to improve domestic legislation, criminal law theory and practice.

Key words: advocate, advocacy, crimes against justice, corpus delicti, criminal liability, criminal law.

В настоящее время преступления против правосудия охватывают незначительную долю среди всего объема преступности, совершаемой адвокатами. При этом юридическая оценка такого рода деяний нередко вызывает вопросы относительно ее справедливости и правомерности, зачастую оказывая негативное влияние на уголовную ответственность

анализируемого субъекта, а также нарушая его права и права других лиц.

Анализируя преступления против правосудия, совершаемые адвокатами, можно выделить ряд неразрешенных вопросов, которые чаще всего возникают на практике и в доктрине.

Так, на сегодняшний день остается актуальной проблема, связанная с отсутствием развернутой и четко изложенной формулировки диспозиции ст. 294 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования» [1].

Вмешательство представляет собой насильственное вторжение в чьи-либо дела или отношения [2]. По смыслу рассматриваемой нормы такое вторжение в правосудную деятельность соответствующих компетентных органов и их должностных лиц может быть осуществлено только путем различного вида действий: физических, интеллектуальных, психологических, с использованием технических и других средств, а также иными методами и приемами.

Наличие такого указания на вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия зачастую позволяет правоохранительным органам возбуждать уголовные дела в отношении адвокатов, а также неправомерно оценивать и пресекать их профессиональную деятельность в первую очередь с целью нейтрализации действий защитников, направленных на противостояние обвинению.

Так, в 2020 г. в отношении двух адвокатов Адвокатской палаты Приморского края было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 35, ч. 1 ст. 294 УК РФ. По версии следствия адвокаты своими действиями не только оказывали давление на потерпевшего, но и посредством осуществления ряда запрещенных способов пытались вмешаться в деятельность судьи федерального суда г. Москвы и воспрепятствовать ему в отправлении правосудия по уголовному делу в отношении их подзащитного. Тем не менее несмотря

на квалификацию органов предварительного следствия, Центральный районный суд г. Хабаровска в своем оправдательном Приговоре от 25 марта 2021 г. по делу № 1-75/2021 (1-538/2020) в отношении подсудимых указал на отсутствие состава преступления в действиях последних, отметив, что с их стороны вмешательство в осуществление правосудия отсутствовало, поскольку фактически не было оказано воздействия на суд [3].

Однако в настоящее время такой исход уголовного дела при аналогичных обстоятельствах является скорее редким исключением.

Не менее острым вопросом в настоящее время остается проблема обоснованности факта наличествующей возможности привлечения к уголовной ответственности адвокатов-защитников, совершающих деяния, подпадающие по своим признакам под конструкцию состава ч. 2 ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником».

В соответствии с диспозицией данной статьи адвокат, участвующий в качестве защитника в уголовном судопроизводстве, подлежит уголовной ответственности за фальсификацию доказательств. Однако подобная норма УК РФ представляется противоречивой в силу следующих обстоятельств.

В первую очередь вопросы вызывает соотнесение адвоката-защитника с закрепленным в уголовно-процессуальном законодательстве кругом лиц, являющихся субъектами сбора доказательств.

Установленные в ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УПК РФ) положения очерчивают круг лиц, оценивающих каждое доказательство с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности [4]. К их числу в соответствии с ч. 2 указанной статьи относятся судья, прокурор, следователь и дознаватель, которые при обнаружении соответствующих признаков также могут признать доказательство недопустимым. Кроме того, закрепляя круг указанных лиц аналогичным образом, норма ст. 74 УПК РФ определяет, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения,

на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном УПК РФ в порядке устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Следовательно, несмотря на регламентацию ч. 3 ст. 86 УПК РФ, неправомерно считать адвоката полноценным субъектом сбора доказательств, поскольку в части оценки и признания собранных доказательств таковыми он не обладает соответствующими правами и полномочиями, принадлежащими вышеназванным лицам.

Таким образом, фактически адвокат собирает и представляет предметы, документы и иные сведения, которые лишь после их проверки и оценки соответствующими лицами могут быть признаны доказательствами и приобщены к материалам уголовного дела.

Наряду с этим еще одним обстоятельством, связанным с указанной проблемой, является вопрос о моменте окончания рассматриваемого состава преступления. Нередко на практике возникают ситуации, когда лицо, уполномоченное производить оценку доказательства, рассмотрев предоставленные адвокатом сведения, не признает их в качестве такового. В связи с этим возникает закономерный вопрос о возможности привлечения адвоката-защитника к уголовной ответственности.

Отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации порождает в уголовно-правовой теории формулировку различных точек зрения относительно момента окончания фальсификации доказательств по уголовному делу защитником, однако превалирующая часть исследователей полагает, что анализируемый состав окончен с момента предъявления доказательства органам расследования и суду [5]. Кроме того, придерживающиеся такой точки зрения ученые указывают, что для квалификации не имеет значения факт признания доказательства таковым, наличие или отсутствие его влияния на исход дела [6]. Руководствуясь подобными соображениями, можно сказать о том, что рассматриваемый состав преступления является формальным [7].

Вместе с тем в литературе можно встретить мнение, в соответствии с которым данное преступление считается оконченным в момент принятия материалов судом, поскольку свое доказательственное значение они приобретают только после этого [8].

Последняя позиция представляется наиболее верной не только исходя из анализа фактических обстоятельств объективной стороны фальсификации доказательств защитником, но и в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства о процедуре признания доказательств таковыми (ч. 2 ст. 81 УПК РФ).

Стоит отметить, что и на практике правоприменители придерживаются схожей точки зрения и соотносят момент окончания фальсификации доказательств уголовного дела с моментом приобщения фальсифицированных доказательств к материалам дела в порядке, установленном процессуальным законодательством [9].

Таким образом, в силу рассмотренных выше обстоятельств, а также исходя из используемых законодателем формулировок для составления юридической конструкции состава преступления, содержащегося в ч. 2. ст. 303 УК РФ, привлекать адвоката-защитника к уголовной ответственности в рамках данной нормы неправомерно.

Однако сложившаяся правоприменительная практика свидетельствует о противоположном.

Так, в производстве Вологодского городского суда Вологодской области находится уголовное дело, возбужденное в отношении адвоката Адвокатской палаты Вологодской области, который обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 294, ч. 3 ст. 303 УК РФ [10].

В качестве одного из наиболее оптимальных путей разрешения анализируемой проблемы, соответствующих нынешним положениям уголовного и уголовно-процессуального законодательства, можно предложить декриминализацию данного состава преступления.

Еще одним важным вопросом, возникающим при совершении подобного рода преступлений адвокатами и требующим урегулирования со

стороны законодателя, является разглашение данных предварительного следствия (ст. 310 УК РФ).

Анализируемая норма устанавливает ответственность за разглашение данных предварительного расследования для любых лиц, в установленном законом порядке предупрежденных о недопустимости разглашения таких сведений без согласия следователя или лица, производящего дознание. С подобными ситуациями в своей практике нередко сталкиваются адвокаты при осуществлении адвокатской деятельности и реализации своих профессиональных полномочий.

Например, в отношении адвоката Адвокатской Палаты Ульяновской области было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ. Следственные органы усмотрели признаки данного деяния в действиях защитника, направленных на привлечение специалиста в рамках уголовного дела, по которому она давала подписку о неразглашении соответствующих данных [11].

Неправильное понимание и соотнесение норм уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства все чаще порождает ошибки в квалификации подобных деяний. В частности, п. 2 ч. 6 ст. 161 УПК РФ устанавливает, что предоставление сведений по уголовному делу лицу, привлекаемому к участию в этом деле в качестве специалиста, при условии дачи им письменного обязательства о неразглашении указанных сведений без согласия следователя или дознавателя не является разглашением данных предварительного расследования. Исходя из буквального смысла данной процессуальной нормы, привлечение любым лицом, в т. ч. и адвокатом, к участию в уголовном деле специалиста не может рассматриваться в качестве разглашения данных предварительного расследования при наличии полученного от последнего соответствующего письменного обязательства.

Вместе с тем подобные ситуации можно оценить не только как ошибку в квалификации содеянного, связанную с неправильным толкованием применяемых норм, но и как явное вмешательство в адвокатскую деятельность, поскольку такими действиями сотрудники правоохрани-

тельных органов нарушают положения ст. 48 Конституции Российской Федерации [12].

Более того, исходя из рассмотренных обстоятельств, налицо очевидное несоответствии положений ст. 310 УК РФ и ст. 48 Конституции Российской Федерации, которым так часто пользуются недобросовестные должностные лица соответствующих государственных органов.

Между тем, рассматривая аналогичные вопросы о несоответствии некоторых положений норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в своей правовой позиции Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что действия защитника не могут ставиться в зависимость от усмотрения соответствующего должностного лица или органа [13]. К такому же выводу пришел и Верховный Суд Российской Федерации [14].

Таким образом, рассмотренные в настоящей статье вопросы свидетельствуют о наличии большого количества противоречий как между положениями отечественной доктрины и сформировавшейся практикой, так и между нормами уголовного и уголовного процессуального законодательства.

Отсутствие в нормативных правовых актах размытых формулировок, четкое и развернутое изложение законодателем своих идей, а также приведение в юридическое соответствие и согласование положений материального, процессуального и конституционного законодательства не только устранит указанные проблемы, но и минимизирует возможность образования новых коллизий и противоречий.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х т. Т. 1. А–Л. М.: АСТ, 2005. 1168 с.

3. Приговор Центрального районного суда г. Хабаровска от 25.03.2021 по делу № 1-75/2021 // ГАС РФ «Правосудие».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2010. 1032 с.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный) / В. К. Дуюнов и др., отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1104 с.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) в 2-х т.: т. 2 / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2017. 704 с.

8. Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сборник научных статей / Отв. ред. д. ю. н., проф. Н. Г. Кадников. Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя. Союз криминалистов и криминологов. М.: ИД «Юриспруденция», 2020. 304 с.

9. Кассационное определение Верховного суда от 11.01.2006 г. по делу № 66-о05-123 // ГАС РФ «Правосудие»

10. Материалы уголовного дела № 1-21/2021 Вологодского городского суда Вологодской области // ГАС РФ «Правосудие».

11. Архив Третьего Следственного Управления (с дислокацией в Нижнем Новгороде) ГСУ СК РФ. Материал проверки сообщения о преступлении № 69 от 10.11.2020.

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144 (8198).

13. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 № 1432-О // ГАС РФ «Правосудие».

14. Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2020 по делу № 83-УД20-1 // ГАС РФ «Правосудие».

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

2. Efremova T. F. Modern explanatory dictionary of the Russian language. In 3 volumes.Vol. 1. A–L. M .: AST, 2005. 1168 p.

3. The verdict of the Central District Court of Khabarovsk from 25.03.2021 in case No. 1-75 / 2021 // GAS RF "Justice". URL: (date of access: 12.07.2021).

4. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part 1). Art. 4921.

5. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized) / Ed. A. I. Chuchaev. 2nd ed., Rev. and add. M.: Infra-M, 2010.1032 p.

6. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: (itemized) / V. K. Duyunov et al., Otv. ed. L. L. Kruglikov. M .: Walters Kluver, 2005.1104 p.

7. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized) in 2 volumes: vol. 2 / A. V. Diamonds, G. D. Dolzhenkova, E. N. Zhevlakov and others; ed. A. B. Brilliantova. Moscow: Prospect, 2017. 704 p.

8. Crimes against justice committed at the pre-trial stages of criminal proceedings: a collection of scientific articles / Otv. ed. Doctor of Law, prof. N. G. Kadnikov. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. V. I. Kikotya. Union of Criminalists and Criminologists. M .: Publishing House "Jurisprudence 2020. 304 p.

9. The cassation ruling of the Supreme Court dated January 11, 2006 in case No. 66-o05-123 // State Archive of Architecture of the Russian Federation "Justice". URL: (date of access: 12.07.2021).

10. Materials of the criminal case No. 1-21 / 2021 of the Vologda City Court of the Vologda Region // GAS RF "Justice". URL: (date of access: 12.07.2021).

11. Archive of the Third Investigative Directorate (headquartered in Nizhny Novgorod) of the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation. Material of verification of the message about the crime No. 69 of 10.11.2020/

12. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 04.07.2020. No. 144 (8198).

13. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.06.2016 No. 1432-O // GAS RF "Justice". URL: (date of access: 12.07.2021).

14. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.26.2020 in case No. 83-UD20-1 // GAS RF "Justice". URL: (date of access: 12.07.2021).

УДК/UDC 343.851

Профилактика ненасильственных преступлений в информационно-коммуникационной сети «Интернет» в контексте распространения детской порнографии

Сурбашева Валерия Александровна
курсант факультета подготовки специалистов по программам высшего образования
Сибирский юридический институт МВД России
г. Красноярск, Россия
e-mail: missmistik99@mail.ru

Аннотация

С развитием современных технологий растет количество юных пользователей интернета, как растет и число пользователей глобальной сетью в целом. С каждым годом факты ненасильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних случаются все чаще, и с появлением «черного интернета» данная тема получила широкое распространение среди анонимных пользователей через платные платформы во всех странах мира. Также существуют чат-сайты и социальные сети, через которые происходит общение абъюзера с несовершеннолетней жертвой в целях получения порнографических материалов за плату или безвозмездно и дальнейшего их распространения. В статье рассматриваются понятие и проблемные аспекты кибергруминга, исследуются общедоступные меры профилактики, способствующие пресечению распространения детской порнографии, и предлагаются авторские методы и способы решения данной проблемы.

Ключевые слова: кибергруминг, профилактика ненасильственных преступлений, предотвращение преступлений, несовершеннолетние, интернет, жертва, чайлдгруминг, родительский контроль, детская порнография, распространение.

Prevention of non-violent crimes on the Internet (in the context of the distribution of child pornography)

Surbasheva Valeriya Aleksandrovna
cadet of the Faculty of Training Specialists in Higher Education Programs
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Krasnoyarsk, Russia
e-mail: missmistik99@mail.ru

Abstract

With the development of modern technologies, the number of young Internet users is growing, as is the number of users of the global network as a whole. Every year, the facts of non-violent sexual crimes against minors happen more and more often, and with the advent of the "black Internet"this topic has become widespread among anonymous users through paid platforms in all countries of the world. There are also chat sites and social networks through which the abuser communicates with a minor victim in order to obtain pornographic materials for a fee or free of charge and their further distribution. The article examines the concept and problematic aspects of cyber grooming, examines publicly available preventive measures that contribute to the suppression of the spread of child pornography, and proposes the author's methods and ways to solve this problem.

Key words: cyber grooming, nonviolent crime prevention, crime prevention, minors, internet, victim, childgrooming, parental control, child pornography, distribution.

В настоящее время информационно-коммуникационная сеть «Интернет» (далее по тексту - интернет) и социальные сети стали неотъемлемой частью общества. Ответить на вопрос, плохо ли это или хорошо, довольно сложно, ведь выход в глобальную сеть - это самый быстрый способ поиска и сбора необходимой информации, и интернет с каждым годом становится все более востребованным и популярным среди людей разных возрастов, в особенности детей. В то же время увеличивается время, проводимое детьми в виртуальной сети. Интернет из способа развлечения легко может стать средством незаконной деятельности, такой как сексуальная эксплуатация, домогательства и порнография. Также обратим внимание на актуальное замечание П. В, Тепляшина, который

отмечает, что в настоящее время «продолжает расширяться практика использования в криминальных целях информационных технологий, дающих возможность уходить от мониторинга и идентификации источника информации» [1].

В 2020 г. число новых интернет-пользователей увеличилось на 298 млн и составило 4,54 млрд человек, число новых пользователей в социальных сетях выросло на 321 млн и составило 3,8 млрд человек, на 124 млн (до 5,19 млрд человек) возросло число обладателей мобильных телефонов. В России доступ к интернету имеет 81% населения, т. е. примерно 118 млн человек [2]. Поэтому вопрос о совершении противоправных действий в отношении несовершеннолетних с использованием интернета является весьма актуальным в наше время.

Новые вызовы в сфере детства, например деструктивный контент в информационном пространстве, жестокость в подростковой среде, рост преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в т. ч. с использованием интернета, дети в зонах вооруженных конфликтов, вовлечение подростков в протестные акции и митинги, требуют эффективных алгоритмов действий, законодательных инициатив, срабатывающих на опережение в вопросах защиты прав ребенка. Об этом говорится в Докладе о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2019 г. [3].

За последние несколько лет зафиксирован рост преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. И это проблема не только России, но и всего мира в целом.

Во всех странах ведется борьба с преступлениями, совершенными против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием интернета. В особенности с распространением «информации порнографического характера», понятие которой закреплено в п. 8 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее по тексту - ФЗ № 436): это информация, представляемая в виде натуралистического изображения или описания половых органов человека

и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в т. ч. такого действия, совершаемого в отношении животного. Фактически информацией порнографического характера признается любое достаточно детальное изображение половых органов [4].

Так, весной 2021 г. полиция Германии выявила один из крупнейших сайтов по распространению детской порнографии в даркнете (DarkNet). Платформа, которой пользовались более 400 тысяч человек, существовала как минимум с июня 2019 г. Она позволяла пользователям общаться друг с другом, обмениваться изображениями и видео. Как отмечает немецкое ведомство, на сайте публиковали записи жестокого обращения с мальчиками. Руководитель платформы, 34-летний гражданин Австралии, был задержан недалеко от датской границы. Площадкой пользовались около 500 тысяч покупателей, общий объем потраченных на ней средств составляет около 140 млн евро [5]. Цифры, приведенные выше, подтверждают актуальность темы распространения детской порнографии, ведь с каждым годом они только растут.

С целью своевременного пресечения противоправных действий в интернете, направленных на угрозу половой неприкосновенности несовершеннолетних, появилась необходимость в международном сотрудничестве с дальнейшим подписанием документов, направленных на защиту прав детей, ратифицированных Российской Федерацией. Такими документами являются: Европейская конвенция об осуществлении прав детей [6], Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия [7], Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма [8] и др.

Не всегда родители могут вовремя выявить угрозы, с которыми ежедневно сталкивается их ребенок в глобальной сети. Из-за того, что наиболее частым пользователем интернета являются дети и подростки, порой «цифровой разрыв» между родителями и детьми является колоссальным. Детский мир интернета не только малознаком взрослым, но

еще нередко и непонятен им. Оградить ребенка от посещения «опасных» ресурсов является практически невозможным, ведь сайты, на которых происходит общение с несовершеннолетними в целях получения порнографических материалов за плату или безвозмездно, и сайтов, распространяющих эти материалы, достаточно. Они создаются и через некоторый промежуток времени упраздняются, что создает проблему при их выявлении. Также нередки случаи, когда взрослые, зарегистрированные в социальных сетях, пишут несовершеннолетним с целью склонения их к переписке интимного характера. Зачастую несовершеннолетние, поддавшись уговорами собеседника, вступают в переписку и обмениваются своими интимными фото и видео, которые впоследствии преступник загружает на сайт, распространяющий детскую порнографию.

Часто несовершеннолетние становятся жертвами кибергруминга (или чайлдгруминга) - вида сексуального насилия над ребенком, которое происходит в виртуальном пространстве. Чаще всего абьюзером в таких ситуациях выступает взрослый, который посредством знакомства с несовершеннолетней жертвой в социальной сети добивается получения от него снимков интимного характера и переходит к шантажу - вымогательству денег под угрозой распространить изображения, требованиям прислать еще больше подобного рода фотографии или видеоматериалы и пр.

Доказывание по данной категории преступлений порой бывает весьма затруднительно, т. к. разыскиваемое лицо осуществляет свою деятельность в интернете при помощи сетевого оборудования, которое использует уникальный или иной IP-адрес.

Необходимо не только уничтожать уже существующие материалы, содержащие детскую порнографию, но и принимать профилактические меры, предупреждающие передачу несовершеннолетними новых файлов, носящих интимный характер, неизвестному собеседнику в социальных сетях.

Невозможно полностью исключить угрозу воздействия на психику несовершеннолетнего, но существуют правила профилактики и свое-

временного выявления оборота детской порнографии, о которых важно знать родителям несовершеннолетних. Прежде всего необходимо:

1. Выстроить доверительные отношения с ребенком и рассказать о запрете отправления фотографий и видеоматериалов с элементами обнажения и необходимости при факте поступления такой просьбы в социальных сетях рассказать об этом родителям.
2. Ограничить время, проводимое несовершеннолетним в интернете.
3. Использовать средства обеспечения безопасности (антивирусная программа, настройки безопасного поиска, безопасный режим в социальных сетях, контентные фильтры).
4. Подключить функцию «Родительский контроль» (с помощью этой функции в системе Windows можно регулировать использование компьютера детьми).
5. Установить специальную программу, которая блокирует выбранные сайты на персональном компьютере.
6. Осуществлять негласное наблюдение за чатами несовершеннолетних.

Также, стоит обратить внимание на ФЗ № 436, который разделяет недопустимую для изучения несовершеннолетними информацию на два основных блока. Первым блоком является информация, запрещенная для распространения среди несовершеннолетних, вторым блоком - информация ограниченного распространения, т. е. с соблюдением возрастного ценза по четырем возрастным категориям: до 6 лет, до12 лет, до 16 лет, до 18 лет.

В силу этого родителям крайне важно осуществлять контроль за поведением детей в интернете, ведь непосредственно они несут ответственность за их воспитание и развитие. Но некоторые родители несознательно подходят к прививанию нравственных ценностей детям, тем самым допуская возможность ребенку самостоятельно определять поведение в сети. В связи с этим будет целесообразным внести изменения в

ст. 5.35. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних» [9], дополнив ее обязанностями родителей контролировать поведение ребенка не только в реальной жизни, но и в интернете. При этом стоит ужесточить санкцию на нарушение положений статьи в целях мотивации ее исполнения. Представляется, что привлечение родителей к ответственности побудит их пресекать действия несовершеннолетних по размещению (отправке в личных сообщениях, распространению на личной странице и т. д.) интимных материалов, что, в свою очередь, ликвидирует источник поставки информации для платформ порноиндустрии.

Также в целях повышения эффективности профилактических мер по предупреждению фактов насильственных преступлений в отношении детей необходимо активное взаимодействие правоохранительных органов с органами социальной защиты детства, которые располагают значимой информацией о неблагополучных семьях, в отношении которых осуществляется административный надзор. Ведь именно такие дети наиболее подвержены кибергрумингу. Для обеспечения данной цели необходимо разработать на федеральном уровне ведомственные акты, регламентирующие порядок взаимодействия между территориальными подразделениями правоохранительных органов и органами социальной защиты. Также необходимо настроить конструктивные отношения с волонтерскими группами, которые посредством мониторинга интернета будут изыскивать сайты с запрещенной информацией и предоставлять ее в правоохранительные органы на возмездной или безвозмездной основе. Причем данная задача отвечает такому целевому показателю, закрепленному в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», как «увеличение доли граждан, занимающихся волонтерской (добровольческой) деятельностью или вовлеченных в деятельность волонтерских (добровольческих) организаций, до 15 процентов».

Только комплексными методами по профилактике новых преступлений и изобличению фактов уже совершенных преступных деяний можно достичь высокого уровня безопасности в интернете для юных пользователей.

Список литературы

1. Тепляшин П. В. Тенденции преступности в Сибирском федеральном округе (глубина анализа 6 лет) // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сборник материалов XXIV-й международной научно-практической конференции (6–7 июня 2019 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. С. 91–94. С. 94.

2. Глобальный отчет Digital 2020 // Медиаплатформа Vc.ru. URL: https://vc.ru/future/109699-internet-2020-v- rossii- i-mirestatistika-i-trendy (дата обращения: 21.04.2020).

3. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2019 году. URL: http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/May2020/5IYpevfVd8zvvDAvGE47.pdf (дата обращения: 21.04.2020).

4. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 21.04.2020).

5. Раскрыт один из крупнейших сайтов с детским порно в даркнете // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2021/05/04/pornfrg/ (дата обращения: 21.04.2020).

6. Европейская конвенция об осуществлении прав детей ETS № 160 (Заключена в г. Страсбург 25.01.1996) / Международные акты о правах человека. Сборник документов.- М.: Норма-ИНФРА-М, 2002. С. 733-740.

7. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия ETS № 201 (Заключена на о. Лансароте 25.11.2007) // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/70359656/ (дата обращения: 21.04.2020).

8. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287746/ (дата обращения: 21.04.2020).

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.06.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2021)

// СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_34661/ (дата обращения: 21.04.2020).

References

1. Teplyashin P. V. Crime trends in the Siberian Federal District (depth of analysis 6 years) // Activities of law enforcement agencies in modern conditions: Collection of materials of the XXIVth international scientific and practical conference (June 6-7, 2019). Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. Pp. 91–94. P. 94.

2. Global report Digital 2020 // Media platform Vc.ru. URL: https://vc.ru/future/109699-internet-2020-v-rossii-i-mirestatistika-i-trendy (date of access: 21.04.2020).

3. Report on the activities of the Commissioner for the Rights of the Child under the President of the Russian Federation in 2019. URL: http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/May2020/5IYpevfVd8zvvDAvGE47.pdf (date of access: 21.04.2020).

4. On the protection of children from information harmful to their health and development: Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (date of access: 21.04.2020).

5. One of the largest sites with child porn on the darknet is revealed // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2021/05/04/pornfrg/ (date of access: 04/21/2020).

6. European Convention on the Exercise of Children's Rights ETS No. 160 (Concluded in Strasbourg on 25.01.1996) // Consultant Plus. URL: (date of access: 21.04.2020).

7. Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse ETS No. 201 (Concluded on the island of Lanzarote on 25.11.2007) // Garant. URL: http://base.garant.ru/70359656/ (date of access: 21.04.2020).

8. Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds of Crime and on the Financing of Terrorism (concluded in Warsaw on 16.05.2005) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_287746/ (date of access: 21.04.2020).

9. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 11.06.2021, as amended and supplemented, entered into force on 29.06.2021) // ATP Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_34661/ (date of access: 21.04.2020).

УДК/UDC 343.2

К вопросу о качественной характеристике соучастия в преступлении

Фадеев Кирилл Алексеевич
студент юридического института им. М. М. Сперанского
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
г. Владимир, Россия
e-mail: kirillf2012@yandex.ru

Удалов Максим Игоревич
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Юридический институт им. М. М. Сперанского
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
г. Владимир, Россия
e-mail: vika.ud@mail.ru

Аннотация

Значение института соучастия в преступлении, предусмотренного действующим уголовным законодательством Российской Федерации, имеет огромное значение для привлечения к уголовной ответственности лиц, которые совершают общественно опасное деяние путем совместных преступных действий, поскольку в Уголовном кодексе Российской Федерации установлены характерные признаки каждого из субъектов преступления, совершенного в соучастии, а также формы и виды такого преступного посягательства. Также данный институт определяет основания и пределы уголовной ответственности лиц, которые реализуют общественно опасный замысел совместно, а именно правила квалификации преступных деяний, которые они осуществляют. При этом нормы института соучастия в преступлении направлены на привлечение к уголовной ответственности каждого из субъектов преступления, совершенного в соучастии, и назначение наказания в зависимости от степени участия лица в совершении преступного деяния.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, сговор, организованная группа, квалификация преступления, уголовная ответственность, общественная опасность, качественная характеристика, субъект преступления, группа лиц, преступное сообщество.

On the question of the qualitative characteristics of complicity in a crime

Fadeyev Kirill Alekseyevich
student of the Law Institute
Vladimir State University named after Alexander and Nicholay Stoletovs
Vladimir, Russia
e-mail: kirillf2012@yandex.ru

Udalov Maksim Igorevich
Senior lecturer of the Department of the Civil Law and Process
Law Institute
Vladimir State University named after Alexander and Nicholay Stoletovs
Vladimir, Russia
e-mail: vika.ud@mail.ru

Abstract

The importance of the institution of complicity in a crime, provided for by the current criminal legislation of the Russian Federation, is of great importance for the prosecution of persons who commit a socially dangerous act by joint criminal actions, since the Criminal Code of the Russian Federation establishes the characteristic features of each of the subjects of a crime committed with complicity, as well as the forms and types of such criminal encroachment. Also, this institution determines the grounds and limits of criminal liability of persons who implement a socially dangerous plan jointly, namely, the rules for qualifying the criminal acts that they carry out. At the same time, the norms of the institution of complicity in a crime are aimed at bringing to criminal responsibility each of the subjects of a crime committed with complicity, and assigning punishment depending on the degree of participation of a person in the commission of a criminal act.

Key words: complicity in a crime, conspiracy, organized group, qualification of a crime, criminal liability, public danger, qualitative characteristic, subject of a crime, group of persons, criminal community.

Институт соучастия в уголовном праве имеет высокую значимость, поскольку преступления, совершенные в соучастии, представляют наиболее высокую общественную опасность, нежели преступления, совер-

шенные одним лицом самостоятельно. Помимо этого, данный институт уголовного права с точки зрения практического применения вызывает много споров при квалификации преступлений, совершенных в соучастии, в связи с чем в судебной практике одни и те же вопросы, связанные с институтом соучастия в преступлении, разрешаются неоднозначно. Это, в свою очередь, говорит и о недоработке уголовно-правовых норм, содержащихся в российском уголовном законодательстве, в частности в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ).

В научной литературе институту соучастия посвящено большое количество работ. Подходы к определению понятия «соучастие в преступлении» достаточно разнообразны и специфичны. Несмотря на то, что в ст. 32 УК РФ содержится легальное определение данного понятия, под которым понимается «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» [1], его трактование среди правоведов является дискуссионным вопросом. Одни исследователи считают, что данное в законе определение соучастия в преступлении является универсальным и тем самым распространяется на все случаи, прямо предусмотренные уголовным законодательством Российской Федерации. По мнению других ученых, данное определение относится исключительно к тем случаям, когда между субъектами преступления, совершенного в соучастии, предусматривается распределение соответствующих ролей.

Исходя из легального определения понятия соучастия в преступлении, закрепленного в УК РФ, можно сказать, что соучастие представляет собой особое явление при осуществлении преступной деятельности, когда происходит объединение своих усилий несколькими лицами с целью достижения единого общественно опасного результата. Можно отметить, что такая формулировка определения понятия соучастия в преступлении больше раскрывает социальное значение данного института и не несет в себе правового аспекта, в связи с чем на практике данное определение менее значимо, чем то, которое нашло свое отражение в ст. 32 УК РФ.

Несмотря на законодательное закрепление в УК РФ данного понятия, в теории и практике в настоящее время вопрос о сущности соучастия является дискуссионным. Так, А. С. Дрепелев считает, что соучастие в рассматриваемом институте представляет собой совместную виновность круга лиц, которая предполагает единение в преступной деятельности, подразумевающей ряд действий, не связанных между собой, но реализуемых в определенный период времени и на конкретной территории и направленных на одно общее дело [2].

А. В. Шеслер применил к определению понятия соучастия в преступлении критичный подход и определил рассматриваемый институт как соучастие, обусловленное совместным и умышленным участием двух или более лиц в совершении одного и того же общественно опасного деяния умышленно [3].

Исходя из толкования ст. 19 и 32 УК РФ в качестве субъекта преступления, совершенного в соучастии, может быть признано только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. В то же время, по справедливому заключению М. Н. Белова, в случае когда одно из лиц, которое принимает участие в совершении общественно опасного деяния, обладает обязательными признаками субъекта преступления, а у другого лица таковые отсутствуют, их действия невозможно квалифицировать как преступление, совершенное в соучастии. Также если лицом совершается общественно опасное деяние с помощью такого субъекта соучастия в преступлении, как исполнителя, который в силу малолетства или невменяемости не подлежит привлечению к уголовной ответственности, такое преступление не будет считаться соучастием [4].

А. И. Рарог обращает внимание на то, что в определении понятия соучастия, содержащегося в УК РФ, не обозначаются такие признаки субъекта преступления, совершенного в соучастии, как вменяемость и достижение возраста, с наступлением которого лицо может подлежать привлечению к уголовной ответственности [5]. В связи с этим можно заметить, что уголовным законом косвенно подразумевается, что под термином «лица» в контексте рассматриваемого определения понимаются

фактические участники преступления, в т. ч. и те, кто не может быть привлечен к уголовной ответственности.

По нашему мнению, совместное совершение общественно опасного деяния лицом, подлежащим уголовной ответственности, умышленно с одним или более лицами, которым не присущи признаки субъекта преступления в целом, следует квалифицировать не как соучастие в преступлении, а как преступление, совершенное группой лиц.

Однако в теории вопросам качественной характеристики соучастия в преступлении уделяется достаточно много внимания, поскольку законодатель не конкретизирует, кто может являться субъектом в преступлении, совершенном в соучастии. С практической точки зрения для данной категории лиц характерна вменяемость и достижение к моменту совершения такого преступления возраста для привлечения к уголовной ответственности. Как отмечает Г. Н. Иванов, под термином «лица» могут подразумеваться и физические лица, которые не обладают необходимыми признаками для признания их в качестве субъекта преступления, совершенного в соучастии, т. е. вменяемостью и достижением возраста уголовной ответственности [6].

Например, п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве» гласит, что при совершении убийства группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ), считается необязательным, чтобы причинение вреда здоровью, влекущее смерть потерпевшего, осуществлялось нанесением повреждений ему каждым из субъектов преступления, совершаемого в соучастии. Так, один из них может осуществлять насильственное удерживание потерпевшего путем лишения его возможности оказывать сопротивление, а другое лицо при этом непосредственно производить нанесение смертельных ран потерпевшему [7].

Для формы соучастия в преступлении, при которой общественно опасное деяние совершается группой лиц как по предварительному сговору, так и без такового, характерно то, что каждый из субъектов

такого преступления является исполнителем или соисполнителем, при этом необходимо наличие сговора о совместном совершении общественно опасного деяния. Также для данной формы соучастия свойственно отсутствие устойчивости при осуществлении исполнителями или соисполнителями преступной деятельности, при этом квалификация такого преступления, совершенного в соучастии, требует указания ч. 1 или 2 ст. 35 УК РФ в зависимости от признаков, которые нормой предусмотрены.

Отличительными чертами таких форм соучастия в преступлении, как организованная группа и преступное сообщество, исходя из положений п. 3 и 4 ст. 34 УК РФ, является то, что для первой из перечисленных форм соучастия в преступлении недопустимо наличие внутренних структурных подразделений и взаимосвязи с другими организованными группами, в отличии от второй, поскольку для нее наличие данного факта необходимо. Тем самым целью преступного сообщества является совершение тяжких и особо тяжких преступлений, чему предшествует возникновение корыстных побуждений для осуществления задуманного, в чем и заключается отличие от организованной группы. При этом для вышеуказанных форм соучастия в преступлении характерно устойчивое осуществление своей преступной деятельности.

Исходя из позиции Верховного Суда Российской Федерации, общественно опасные деяния каждого из участников преступного образования, будь это организованная группа или преступное сообщество, требуется квалифицировать как деяния, совершенные исполнителями. Поэтому в случае признания действий субъектов преступления, совершенного в соучастии, осуществляемыми, например, организованной группой, действия каждого из участников такого преступления, несмотря на то, какую из ролей они исполняют при реализации общественно опасного замысла, следует квалифицировать исключительно как деяния, совершенные исполнителями или соисполнителями непосредственно, но уже без указания ст. 33 УК РФ [8].

В связи с этим можно сказать, что наука уголовного права не признает соучастие в преступлении, которое совершенно посредственно, т. е. в случае, когда чужими руками реализуется преступный замысел.

Несмотря на различные подходы к определению понятия «соучастия в преступлении», уголовным законом Российской Федерации выделяется две группы признаков преступления, совершенного в соучастии, которые позволяют отграничивать его от других видов преступлений.

Первую такую группу образует объективный признак. Преступлением, совершенным в соучастии, признается участие двух или более лиц, осуществляющих какие-либо общественно опасные действия совместно, за которые они подлежат привлечению к уголовной ответственности по одной и той же статье Особенной части УК РФ.

Однако на практике распространены случаи, когда двумя или более лицами совершается одно преступление, которое не квалифицируется как соучастие. Например, когда при совершении одного преступления умысел нескольких лиц направлен на разный общественно опасный результат.

Для того чтобы преступление квалифицировать как совершенное в соучастии, необходимо прежде всего наличие сговора двух или более лиц о совершении самого деяния. Например, два лица объединили свои усилия для совершения преступления, и их умысел направлен на достижение одного и того же результата. Так, один из них с целью совершить грабеж заранее договаривается с другим о совместных действиях в силу того, что осуществить задуманное в одиночку не представляется возможным. При осуществлении заранее обговоренных действий они вдвоем совершают преступление, целью которого является открытое хищение денежных средств, которые они между собой делят согласно ранее обговоренным условиям либо поровну.

Следовательно, их совместные действия согласованны и объединены единым умыслом, без которого достижение единого преступного результата невозможно, и поэтому данное преступление подлежит квалификации как совершенное в соучастии. Что, в свою очередь, говорит нам

о таком признаке соучастия в преступлении, как наличие совместных согласованных действий двух или более лиц, умысел которых направлен на достижение одного и того же результата.

Следующим признаком соучастия в преступлении, исходя из вышеприведенного примера, является достижение единого общественно опасного результата, на который направлены заранее обговоренные и совместные действия двух или более лиц. Однако если их действия не объединены общим умыслом и не направлены на достижение общего результата, даже если при совершении преступления они действовали совместно, данные лица не будут считаться соучастниками, и привлечение их к уголовной ответственности будет осуществляться по разным статьям Особенной части УК РФ.

Также необходимо наличие того, чтобы субъекты преступления, совершенного в соучастии, были объединены между собой общими мотивами, направленными на достижение единого общественно опасного результата. Данная связь между ними может прослеживаться в действиях совместного характера, связанных с поиском средств и орудий для совершения преступления непосредственно, а также в предварительном сборе необходимой информации для осуществления задуманного преступного посягательства, например изучение местности, получение каких-либо сведений о потерпевшем или иные действия, охваченные единым конечным результатом.

Характеристика данного признака говорит о наличии причинно-следственной связи между субъектами, совершающими преступление в соучастии, и их совместными действиями, направленными на достижение ими конечного преступного результата.

Вторую группу признаков, которые позволяют отграничивать преступление, совершенное в соучастии, от других видов преступлений, составляют субъективные признаки. Данные признаки, как считает С. Д. Аверкин, выражаются в отношении самих лиц, участвующих в преступлении, к общественно опасному деянию, которое ими совершено [9]. Т. е. субъективные признаки представляют собой оценку своих действий ви-

новным лицом в случае понимания и осознания им общественной опасности совершенного преступления.

Ключевым элементом, образующим данную группу признаков, выступает умысел двух или более лиц, который направлен на совершение общественно опасного деяния. Как отмечает Е. В. Благов, соучастие в преступлении предполагает наличие лишь умышленной вины всех лиц такого преступления, что, в свою очередь, исключает из него неосторожность [10].

Получается, что лицами изначально определена цель своих преступных действий, ими также осуществляется подготовка к совершению преступления путем сбора необходимой информации, средств и материалов для реализации своего замысла. При этом каждый из участников такого преступления осознает общественную опасность преступных действий исполнителя и предполагает наступление заведомо противоправных последствий. Следовательно, данными лицами совершаются совместные действия, предусматривающие наступление преступного результата, и тем самым субъективная сторона характеризуется как осознание и понимание того, что своими действиями они нарушают уголовное законодательство.

В преступлении, совершенным в соучастии, умысел лиц, участвующих в нем, может быть как прямым, так и косвенным. При наличии прямого умысла лица, совершающие преступление в соучастии, ясно осознают, предвидят и предполагают наступление общественно опасных последствий, которые в конечном итоге и наступают. При косвенном же умысле такие лица осознают и лишь допускают возможность наступления иных негативных последствий, которые не охватываются общим замыслом участников преступления, совершаемого в соучастии, например совершение убийства или причинение тяжкого вреда здоровью при совершении кражи. При этом данные общественно опасные деяния не охватываются общим замыслом участников преступления, совершаемого в соучастии, однако из-за своего легкомыслия они не допускают возможности наступления такого рода последствий.

Получается, что данные последствия не оговариваются лицами, совершающими преступление в соучастии, но в большинстве случаев они наступают, что говорит нам о том, что кроме одного конкретного общественно опасного деяния, характеризующегося прямым умыслом, совершается и другое преступление, но уже с косвенным умыслом.

Возможны ситуации, когда действия соучастников охватываются разными умыслами каждого из них. Значимым фактором является то, что лица осознают наличие общей конечной цели всех соучастников, но допускают и хотят наступления побочных последствий, т. к. данные побочные действия и являются истинным умыслом.

Институтом соучастия в преступлении предусматривается обстоятельство, при котором субъекты преступления в соучастии, не являющиеся исполнителями, не будут подлежать уголовной ответственности, если исполнителем осуществляется преступное посягательство, которое не охвачено умыслом данных лиц. Применение данного правила осуществляется на основании ст. 36 УК РФ.

Следовательно, основанием привлечения к уголовной ответственности субъектов преступления в соучастии является то, какую роль исполняет каждый из участников такого преступления и как квалифицируются его действия исходя из форм соучастия в преступлении. Однако распространены случаи, когда совершение общественно опасного деяния не доводится до конца в силу различного рода причин, т. к. сам процесс его совершения чаще всего состоит из нескольких этапов, тем более если общественно опасный замысел реализуется двумя или более лицами.

Но когда осуществление преступления заканчивается на каком-либо из этапов из-за обстоятельств, наступление которых не зависит от воли одного из субъектов преступления в соучастии, такое прекращение реализации общественно опасного замысла представляет собой неоконченное преступление, при этом лицо будет подлежать привлечению к уголовной ответственности. Если же осуществление общественно опасных деяний прекратилось до момента наступления единого преступного результата по инициативе одного из участников преступления, когда

имелась потенциальная возможность завершить общественно опасный замысел, то это подразумевает в соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации отказ от совершения преступления.

Таким образом, исходя из определения понятия соучастие в преступлении, которое закреплено в ст. 32 УК РФ, можно сказать, что оно в полной мере указывает на все признаки преступления, совершенного в соучастии, несмотря на то, что им не конкретизируются лица, которые могут быть субъектами такого преступления. Так, среди признаков преступления, совершенного в соучастии, можно выделить совместность действий, обговоренных заранее, умышленное их совершение, общий преступный результат, множественность лиц, участвующих в преступлении, и их умышленная вина.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства РФ.1996. № 25. № 35. Ст. 2954.

2. Дрепелев А. С. Соучастник преступления: закон, теория, практика: дисс. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2017. 239 с. С. 27.

3. Шеслер А. В., Шеслер С. С. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 59–65. С. 60.

4. Белов М. Н. Теоретические и практические вопросы понятия «соучастие» в уголовном праве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 69–75. С. 70.

5. Рарог А. И. Уголовное право России. Части общая и особенная. Учебник для бакалавров. М.: Проспект. 2020. 624 с. С. 254.

6. Иванов Н. Г. Категории «соучастие» и «группа» в решениях Верховного Суда РФ (вновь о наболевшем) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 42–48. С. 44.

7. О судебной практике по делам об убийстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 27.01.1999 // Российская юстиция. 1999. № 4.

8. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 27.12.2002 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

9. Аверкин С. Д. Значение субъективных признаков соучастия в преступлении // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения. Сборник научных трудов. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. Вып. 1. С. 208–214.

10. Благов Е. В. О признаках соучастия в преступлении // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 3. С. 4–10. С. 7.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 27.10.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. No. 35. Art. 2954.

2. Drepelev A. S. An accomplice in a crime: law, theory, practice: diss. ... Cand. Legal sciences. Yaroslavl, 2017. 239 p. P. 27.

3. Shesler A. V., Shesler S. S. The consistency of the committed crime as a sign of complicity // Bulletin of the Surgut State University. 2018. No. 3 (21). Pp. 59–65. P. 60.

4. Belov M. N. Theoretical and practical issues of the concept of "complicity"in criminal law // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. 2018. No. 1. Pp. 69–75. P. 70.

5. Rarog A I. Criminal law of Russia. The parts are common and special. Textbook for bachelors. M .: Prospect. 2020. P. 254.

6. Ivanov N. G. Categories "complicity"and "group"in the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation (again about the sore point) // Criminal justice. 2019. No. 1. Pp. 42–48. P. 44.

7. On judicial practice in cases of murder: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated January 27, 1999 // Russian Justice. 1999. No. 4.

8. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 dated 27.12.2002 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. No. 2.

9. Averkin S. D. The value of subjective signs of complicity in a crime // // Criminal proceedings: problems of theory, rule-making and law enforcement. Collection of scientific papers. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2006. Vol. 1. Pp. 208–214.

10. Blagov E. V. On the signs of complicity in a crime // Topical issues of combating crimes. 2017. No. 3. Pp. 4–10. P. 7.

УДК/UDC 343.9

Представление о коррупции и взяточничестве в древних источниках права и произведениях философов

Хлус Александр Михайлович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN-код: 1560-4979

Аннотация

В статье рассмотрены взгляды и представления о коррупции и взяточничестве, сформировавшиеся в различные исторические периоды и нашедшие свое отражение в трудах философов и древних источниках права. Сделан вывод, что для ограничения современной коррупции и минимизации проявлений взяточничества необходимо осознание и использование исторических достижений в борьбе с этими негативными явлениями. Требуется понимание всего, чему учит история в аспекте борьбы с коррупцией и взяточничеством. Анализ положительных результатов и ошибок, имевших место на пути их искоренения, позволит определить наиболее эффективные меры противодействия этим деструктивным феноменам. Положительный опыт применения ушедшими поколениями антикоррупционных мер послужит основой для выработки стратегии противодействия коррупции на современном этапе и будет способствовать результативной борьбе с ее основным проявлением - взяточничеством.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, взяточничество, источники права, философия, антикоррупционные меры.

The concept of corruption and bribery in ancient sources of law and the works of philosophers

Khlus Aleksandr Mikhailovich
Candidate of Law, assistant professor, assistant professor of the Department of Criminalistics
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN Code: 1560-4979

Abstract

The article examines the views and ideas about corruption and bribery, formed in different historical periods and reflected in the works of philosophers and ancient sources of law. It is concluded that in order to limit modern corruption and minimize manifestations of bribery, it is necessary to recognize and use historical achievements in the fight against these negative phenomena. It requires an understanding of everything that history teaches in terms of combating corruption and bribery. An analysis of the positive results and mistakes that have taken place on the path of their eradication will help determine the most effective measures to counter these destructive phenomena. The positive experience of the past generations of anti-corruption measures will serve as the basis for developing a strategy for combating corruption at the present stage and will contribute to an effective fight against its main manifestation - bribery.

Key words: corruption, fighting corruption, bribery, sources of law, philosophy, anti-corruption measures.

История свидетельствует, что в понятие «коррупция» вкладывалось множество смысловых значений. Оно не сразу воспринималось как нарушение закона со стороны чиновников, выражающее различные злоупотребления ими властными полномочиями. Латинское слово corrumpere означало «повреждать желудок плохой пищей», «портить воду в закрытой таре», «расстраивать дела», «расточать состояние», «приводить в упадок нравы», «упускать возможности», «истощать источник» и т. д. [1, с. 11].

Описание исторических событий в летописях, хрониках, анналах и т. д. с древности и до наших времен свидетельствует о постоянной борьбе практически всех государств с коррупцией (взяточничеством) и попытках избавления от этого явления.

Для ограничения современной коррупции и взяточничества необходимо осознание исторических достижений в борьбе с этими негативными явлениями. Требуется понимание всего, чему учит история, анализ положительных результатов и ошибок, имевших место на пути искоренения коррупции и борьбы со взяточничеством. Уроки, извлеченные из опыта применения ушедшими поколениями антикоррупционных мер, послужат основой для выработки стратегии противодействия коррупции на современном этапе и результативной борьбы с ее основным проявлением - взяточничеством.

Историко-правовые исследования указывают на существование коррупции в обществе с момента возникновения государственного управленческого аппарата. Шарль Монтескье писал: «. . . Известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [2, с. 289].

Первое упоминание о борьбе с коррупцией нашло отражение в архивных документах Древнего Вавилона и связано с именем Уруинимгина, шумерского царя города-государства Лагаша, правившего во второй половине XXIV в. до н. э. [3].

О коррупции как явлении упоминается в различных литературных источниках (научных, религиозных, художественных, юридических) первых государств, возникших на территории Древнего Востока. Одно из первых, содержащихся в юридической литературе, отдаленных упоминаний о коррупционных преступлениях можно встретить в Законах вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), где установлена ответственность и отстранение от должности судьи за изменение ранее постановленного решения [4, с. 18]. Непосредственно в них не говорится о подкупе судьи, но одним из оснований для изменения судебного реше-

ния, как можно предположить, является получение судьей взятки. Именно со взяточничеством, продажностью «слуг государевых» связывались первые представления о коррупции.

Вполне вероятно, что сам термин «коррупция», который означает также подкуп, порчу, упадок, упоминался и в Законах XII таблиц, содержавшем нормы уголовного права Древнего Рима V в. до н. э. [5].

Законы XII таблиц не сохранились в первоначальном виде, но отдельные их положениях содержатся в произведениях древних философов писателей: Цицерона, Помпония, Марциана Капеллы, Авла Геллия и др. Например, в книгах Авла Геллия «Аттические ночи» говорится о применении смертной казни в отношении судьи или посредника, принявшего денежную мзду во время отправления правосудия [6].

Негативное восприятие коррупции и взяточничества отражено в религиозных книгах. В Библии и в Торе содержится рекомендация не принимать подарков, т. к. они отрицательно влияют на объективность восприятия происходящего. Содержит Библия и другие изречения о фактах, которые можно расценить как проявления коррупции: «Князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки, и гоняются за мздою. . . », «Горе тем, которые за подарки оправдывают виновного и правых лишают законного!» [7, с. 682, 684].

Упомянутые цитаты из Библии и Торы, иные религиозные цитаты, в т. ч. и из Корана, используются для профилактики коррупции. В связи с этим руководство Министерства внутренних дел Российской Федерации приняло решение о размещении этих цитат в памятке для сотрудников полиции [8]. На наш взгляд, результативность этого весьма сомнительна. И уж тем более непонятна рекомендация сотрудникам полиции перенести вопрос о времени, месте передачи или получения взятки до следующей встречи [9]. По-нашему мнению, здесь кроется возможность провокации дачи взятки, что само по себе является преступлением.

Историко-правовые исследования неопровержимо доказывают существование коррупции в обществе с момента возникновения государственного управленческого аппарата. В связи с этим Ш. Монтескье пи-

сал, что: «. . . всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею. . . » [10]. На это обращается внимание в сочинениях по искусству государственного управления. Так, в древнеиндийском литературном памятнике «Артхашастра» в одном из трактатов, написанном чиновником под псевдонимом Каутилья, сделан вывод, что «имущество царя не может быть, хотя бы в малости, не присвоено ведающими этим имуществом» [11]. Для проверки честности чиновника древнеиндийская «Артхашастра» предлагала направлять к нему секретных агентов под видом просителей, которые предлагали бы ему взятку. Основным средством борьбы с казнокрадством становится слежка. В качестве метода контроля упоминается провокация [12, с. 11].

Аналогичны меры ответственности за преступления коррупционного характера по Законам Ману, действовавшим в Индии во II в. до н. э. В отношении судьи, изобличенного во взяточничестве, применялась в качестве меры наказания конфискация, и он отстранялся от дальнейшего исполнения своих служебных обязанностей [5].

В Древнем Египте одним их желаемых в обществе являлось положение жреца. Статус жреца наделял его обладателя значительными преимуществами. Между претендентами на роль жреца велась нешуточная борьба, что нередко приводило к покупке-продаже статуса жреца, а в некоторых случаях он передавался знати в виде взятки. Коррупция в Древнем Египте представлена и как «взаимообогащающий элемент в общении людей, т. к. субъекты дарения и субъекты получения могут меняться своим положением в зависимости от мощи или слабости политической власти» [13, с. 39–40].

Первым правителем Древнего Египта, издавших специальный указ, предусматривающий наказания для взяточников, считается фараон Рамсес I (1292–1290 гг. до н. э.) В связи с этим указом чиновникам, пойманным на взятке, отрезали нос, а затем их ссылали на каторгу.

Но еще ранее, в XXII в. до н. э., царь Гераклеополя обратил внимание на ненадежность придворных. Это нашло отражение в «Поучении гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», где содержатся сове-

ты, направленные на предупреждение злоупотреблений среди окружения царя (фараона). Вот некоторые из них: «Возвеличивай твоих вельмож, и они исполнят твои постановления. Тот, кто обеспечен в своем доме, не пристрастен, ибо он богат и не нуждается» [14]. Фактически данная рекомендация соотносится с предложением, высказанным многими современными учеными, исследующими проблемы противодействия коррупции. Ее суть состоит в необходимости достойного материального обеспечения государственных служащих. Уровень материального обеспечения должен быть таким, чтобы чиновнику было невыгодно брать мелкие подношения, подарки. Выработав к ним «иммунитет», чиновнику легче отказаться и от тех подношений, которые уже рассматриваются как взятка. И наоборот, имея низкий уровень материального достатка, чиновник будет использовать любую возможность его повысить, т. е. при любой возможности он будет брать все, что предлагают и, более того, создавать условия для того, чтобы давали взятку. В итоге причиняется вред делу, которому чиновник призван служить. Анализируя советы правителя Древнего Египта, высказанные более четырех тысяч лет назад, можно сделать вывод об их актуальности для современности. Но возможность реализации этого совета зависит от экономического развития государства.

Крайне негативно о коррупции и взяточничестве в Древней Иудее отзывается историк Иосиф Флавий. Он приводит конкретные примеры, когда назначенные на должность судьи «. . . за подарки и гнусные взятки стали нарушать справедливость, постановляя судебные решения не сообразно истине, а сообразно личной своей выгоде. . . » [15, с. 300].

В Вавилоне коррупция процветала среди лиц, отправляющих правосудие. В отношении судьи-взяточника применялся штраф, и виновный отстранялся от должности. Но Геродот описал исключительный по своей жестокости случай, связанный с именем вавилонского царя Камбиса (VI в. до н. э.), старшего сына царя Кира. Он приказал казнить судью Сисамна и содрать с него кожу за несправедливый приговор, постановленный за взятку. Затем кожа судьи было натянута на кресло, на котором тот

сидел во время исполнения судебных обязанностей. На этом кресле пришлось сидеть сыну Сисамна, назначенного судьей по велению Камбиса.

Нидерландский художник Герард Давид в 1498 г. написал картину-диптих «Суд Камбиса», или «Сдирание кожи с продажного судьи» [16]. Данное произведение назидательного характера находилось в здании ратуши города Брюгге с целью предупреждения светских властей, выполняющих судейские функции.

Упоминание о коррупции, коррупционных отношениях имеется в легендах и мифах Древней Греции. Например, Пелопс, понимая, что победить царя Эномая на равных в состязаниях на колесницах не представляется возможным, подкупает его слугу [17, с. 137–140].

Во многих легендах и мифах Древней Греции и Древнего Рима упоминается жертвоприношение богам. Об этом говорят и многие библейские легенды. В качестве жертвы выступали животные (быки, овны, тельцы, козлы), которых сжигали с целью ублажения богов. Отсутствует связь жертвенных животных с пищей богов. Пищей богам являлась амброзия, дававшая им вечную молодость и бессмертие, а в качестве напитка служил нектар. Неизвестно происхождение и в ряде случаев непонятно назначение этого священного ритуала, учитывая сверхъестественные возможности богов и их бессмертие.

В Средние века понятие «коррупция» имело только каноническое значение. «Corruptibilitas» означало бренность человека, подверженность разрушению, подчеркивало его греховную природу в целом, проявлявшуюся не только и не столько в способности брать и давать взятки. Понятие «коррупция» подразумевало подверженность соблазнам, обольщениям дьявола, а т. к. грех понимался как без-законие, поэтому коррумпированность человека - это его тяготение к беззаконию, нарушению законов.

Религиозные традиции также внесли свой вклад в формирование идеи коррупции. Жертвоприношения языческим, христианским и другим богам переросли в подношение подарков представителям власти. «Дарообмен стал обыденным явлением, сложившимся из обрядов и ре-

лигиозных верований. Подвластный люд стремился одарить своего наместника, а тот в свою очередь принимал дары и как дань, и как оплату своих услуг» [18, с. 8].

В ряде случаев жертвоприношение как обязанность возлагалась богом на людей или конкретно на отдельных лиц. Например, Аарону было предписано входить «во святилище: с тельцом в жертву за грех и с овном во всесожжение» (Библия; Ветх. завет: Левит 16:3). Вне зависимости от понимания необходимости и значения приношения жертвы богам люди усвоили главное: посредством преподнесения подарков (фактически те же жертвы богам) власть предержащим можно решать свои вопросы. А власть предержащие пользуются сформировавшимся на протяжении тысячелетий в сознании людей чувством выражения материальной благодарности за их действия, что и приводит к коррупционным отношениям.

Среди реальных примеров должностных злоупотреблений в Древней Греции интерес представляют сведения о крупном коррупционном скандале, коснувшемся древних греков. Так, в III в. до н. э. наместник Египта Клеомен, назначенный Александром Македонским, занялся спекуляциями на рынке зерна. В результате его действий жители Греции оказались на грани голода [5].

Римские философы и юристы связывали коррупцию не только с нарушениями нормального хода судебного процесса, но и с управлением обществом.

В римском мире взяточничество было настолько развито, что современники насчитывали около полусотни его видов и форм. Но это характерно для Римской республики начиная со II в. до н. э. До указанного времени коррупция не была известна обществу Древнего Рима. Этот факт противоречит мнению исследователей, утверждающих, что коррупция появилась одновременно с государством и его органами власти.

В ранние периоды Древнего Рима высшие государственные органы власти формировались на основе демократических принципов. Народ ежегодно избирал представителей власти: консулов, преторов, трибунов

и др. Избранным на эти должности жалованье не платилось, но это не уменьшало количество претендентов, желающих служить своему народу. Состоятельные граждане, избранные на государственные должности, считали своим долгом за счет своих средств организовать для народа массовое зрелище или построить общественное сооружение, например театр и др. [19].

Постепенно в течение II в. до н. э. римское общество претерпевает кардинальные изменения. Появилось значительное количество богатых людей, стремящихся увеличить свое состояние за счет служебного положения. Сенаторы уже больше беспокоились о своем собственном благополучии, а не о благе для народа. В отношениях друг с другом сенаторы демонстрировали свою материальную «мощь», что вызывало зависть и ответное стремление укрепить свою власть и, соответственно, материальное положение. Все это явилось фоном для развития в Древнем Риме коррупционных отношений. Они привели к тому, что выборы, например в сенат, проходили уже на основе подкупа избирателей. Это явление быстро распространилось на территории Древнего Рима. Римские граждане, принимавшие участие в выборах, рассматривали получаемые ими суммы как законное жалованье. Подкуп избирателей превратился к концу республики в реальность повседневной практики [20, с. 17].

Римляне в развитии коррупционных отношений дошли до такого уровня, что даже коррумпировали своих врагов - варваров (готов, вандалов и гуннов), которым платили огромные деньги за то, чтобы они не нападали на Рим.

В то же время римские императоры жестко боролись с коррупцией и сурово наказывали за коррупционные преступления. Гай Юлий Цезарь запретил прием наместниками в провинциях золотых венков от подвластных городов [21, с. 107]. Он казнил не только за подкуп, но и за подарки должностным лицам. Октавиан Август (43 г. до н. э. - 14 г. н. э.) установил в провинциях жесткий контроль над деятельностью наместников-сенаторов.

Коррупционные действия и коррупционное поведение не только упоминалось, но и осуждалось известными древнегреческими ораторами. Древнеримский политический деятель и знаменитый оратор Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н. э.) о противодействии взяточничеству в среде должностных лиц говорил так: «Подарков да не принимают и не дают, ни добиваясь власти, ни исполняя свои должностные обязанности, ни исполнив их. Если кто-нибудь нарушит какое-либо из этих положений, то кара да соответствует преступлению» [22, с. 115]. Нравственность Цицерон считал главным критерием для претендентов на занятие должности: «Сословие это да будет без порока; да служит оно для других сословий примером». Возражающим на это оппонентам Цицерон говорит: «. . . Т. к. закон велит, чтобы сенат был свободен от каких-либо пороков, то ни один человек, страдающий пороком, не должен вступать в это сословие. . . зло не только в том, что проступки совершают первенствующие люди (хотя это само по себе - большое зло), сколько в том, что у них находится очень много подражателей» [22, с. 115–116].

Цицерон обратил внимание на тенденцию массового распространения коррупции и условие самосохранения коррупционеров: «Взяточники должны трепетать, если они наворовали лишь сколько нужно для них самих. Когда же они награбили достаточно для того, чтобы поделиться с другими, то им нечего более бояться» [23, с. 257]. Эту тенденцию можно представить в виде определенных форм современной коррупции. Коррупционер нижнего ранга для обеспечения своей безопасности (непривлечения к уголовной ответственности или, как минимум, отсутствия повода для увольнения) вынужден делиться с вышестоящим начальником, от которого зависит его благополучие, продвижение по службе и т. п.: преподносит ему подарки, вручает часть полученного незаконным путем и пр. В свою очередь, вышестоящий коррупционер, чтобы не быть разоблаченным своими подчиненными, «подкармливает» их из средств, полученных в виде взятки, либо иным способом «покупает» их преданность.

Цицерон прославился и как активный изобличитель коррупционеров, несмотря на то, что сам был сенатором, которому не чуждо было богатство. В разных местах Цицерон имел «10 дворцов, не считая 5 квартир в Риме и 6 сельских домов» [19]. Его практическая деятельность связана не только с Сенатом, но и с судами Римской империи, где он выступал в качестве государственного обвинителя. Несовершенство судебной системы Древнего Рима (взяточничество судей, шантаж участников судебного процесса, вынесение неправосудных решений и приговоров) компенсировалось ораторским мастерством Цицерона, участие которого в судопроизводстве приводило к положительному результату в борьбе с преступниками. Изобличая преступников во взяточничестве, крупных хищениях, Цицерон говорит и о массовых нарушениях римского права, допускаемых иными государственными чиновниками, а также судьями. Цицерон говорит о ненависти к судьям со стороны населения Римской империи: «Установилось гибельное для государства, а для вас опасное мнение, которое не только в Риме, но и среди чужеземных народов передается из уст в уста, - будто при нынешних судах ни один человек, располагающий деньгами, как бы виновен он ни был, осужден быть не может» [23].

Философ-стоик Сенека (4 г. до н. э. - 65 г. н. э.) указал на стремления и мотивы римского общества: «Люди повсюду ищут наслаждений, каждый порок бьет через край. Жажда роскоши скатывается к алчности; честность в забвении; что сулит приятную награду, того не стыдятся» [19]. Эти слова философа отражают основу возникновения социального явления - коррупции, основывающейся на множестве человеческих пороков, главенствующим из которых является страсть к наживе и богатству (алчность).

Еще ранее древнегреческий философ Демосфен (384–322 гг. до н. э.) утверждал, что «если кто-нибудь из афинян возьмет от кого-либо взятку, или сам предложит другому... он должен быть лишен гражданской чести, сам и его дети, а имущество его подлежит конфискации и продаже с торгов» [5].

Динарх (360–290 гг. до н. э.), констатировал следующее: «. . . для людей, берущих взятки, они [законы] установили только два наказания: либо смерть, чтобы судьба взяточника, которого постигло такое наказание, послужила уроком для других; либо штраф в десятикратном размере по отношению к сумме взятки, чтобы не было никакой выгоды для тех, кто отважится на такое дело» [5]. Вместе с тем применение смертной казни не решает проблему борьбы со взяточничеством и уже многократно доказало свою неэффективность.

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) в качестве меры воздействия на преступность видел борьбу с коррупцией. Он предлагал установить запрет одному человеку в государстве занимать одновременно несколько должностей. Вместе с тем борьбу с коррупцией Аристотель рассматривал как основу обеспечения государственной стабильности. Он отмечал, что «только государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными» [24, с. 456]. Отклонения же от справедливости в государственном строе он считал главной причиной крушения государств.

В Древнем Китае систему противодействия коррупции разработали сторонники легизма (от лат. lex - закон), ярким представителем которого был Шан Ян (390–338 гг. до н. э.). Он говорил: «Когда законы не проводятся в жизнь, следует понимать, что их нарушают сверху». За малейшие проступки была предложена карательная политика в виде смертной казни, при этом доносительство как общественный институт являлось законным правом каждого [21, с. 101].

В современном мире крайность мер наказания за коррупцию характерна для Китайской Народной Республики, где для взяточников наравне со смертной казнью предусмотрены и штрафные санкции. Вместе с тем начиная с 2012 г., когда появились «мягкие меры воздействия», число лиц, совершивших преступление коррупционной направленности, среди чиновников увеличилось [25, с. 6].

Рассматривая вопросы борьбы с коррупцией, Г. В. Ф. Гегель обращал внимание современников на положительные меры, существовав-

шие во времена Древнего мира. Он указывал: «В Афинах существовал закон, предписывающий каждому гражданину отчитываться, на какие средства он живет: теперь же полагают, что это никого не касается» [26, с. 269].

Известно также изречение древнеримского историка Публия Корнелия Тацита (около 50–120 гг. н. э.): «Чем больше в государстве коррупции, тем больше законов» [18, с. 8]. С утверждением Тацита можно согласиться только в части. Сама по себе коррупция не порождает законы, но она заинтересована в таких нормативных актах, на основе которых возможно ее процветание. Если в подготовке проектов законов участвуют лица, склонные к коррупции, то они будут инициировать принятие законов, способствующих развитию коррупции. В то же время и позитивные участники законотворческого процесса, устанавливающие значительное количество запретов, содержащихся в законах, невольно порождают коррупционные отношения. Следовательно, чем больше нормативных запретов, тем больше коррупции в государстве.

Итальянский философ и политический деятель Н. Макиавелли (1469–1527 гг.) о коррупции говорил как о «системе грабежа со стороны чиновников», сравнивая ее с болезнью, которую вначале трудно распознать, но легко лечить, а позже - уже легко распознать, но почти невозможно лечить [18, с. 8]. Являясь «общим заболеванием» государства, коррупция разрушала общество, его гражданскую добродетель [27].

В истории зарубежных стран упоминаются различные источники права, научные труды и трактаты известных ученых. Во многих из них рассматриваются понятия «коррупция» и «взяточничество». Содержание их толкования отличается в зависимости от эпохи, мировоззрения, культуры, обычаев и традиций, сложившихся в обществе. Но общим для них являлось указание на необходимость непримиримой борьбы с коррупцией и взяточничеством, препятствующих развитию общественных отношений.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Коррупция и взяточничество во все исторические времена и у всех народов воспринимались как негативные явления, связанные с деятельностью чиновников.
2. Для ограничения современной коррупции и минимизации проявлений взяточничества необходимо осознание и использование исторических достижений в борьбе с этими негативными явлениями.
3. Анализ положительных результатов и ошибок, имевших место на пути искоренения коррупции и взяточничества, позволит определить наиболее эффективные меры противодействия этим деструктивным феноменам.
4. Деятельность государственных органов, направленная на противодействие современной коррупции и взяточничеству, должна осуществляться с учетом исторических достижений в борьбе с ними.
5. Положительный опыт применения ушедшими поколениями антикоррупционных мер может быть взят за основу для выработки стратегии противодействия коррупции на современном этапе и будет способствовать результативной борьбе с ее основным проявлением - взяточничеством.

Список литературы

1. Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. М., 2011. 301 с.

2. Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 803 с.

3. Полева И. А., Полев К. О. Историческое развитие понятия «коррупция» // Сайт Rusnauka. URL: http://rusnauka.com/4_NIC_2016/Pravo/1_207157.doc.htm (дата обращения: 07.04.2021).

4. Сборник Законов царя Хаммурапи // Источники права. Вып. 1. Тольятти: ИИП «Акцент», 1996. 56 с.

5. Бологов П. От Вавилона до Сингапура: в каком круге ада должны гореть коррупционеры // Платформа профессиональной журналистики Republic. URL: https://slon.ru/posts/50044 (дата обращения: 07.04.2021).

6. Авл Геллий. Аттические ночи // Электронная библиотека «ЛитМир». URL: https://www.litmir.me/br/?b=150687 (дата обращения: 10.04.2021).

7. Библия. Ветхий Завет. Книга пророка Исайи. 1, 23; 5, 22–23. Российское библейское общество. М., 1995. 1372 с.

8. Цитаты из Библии, Торы и Корана вошли в памятку МВД против взяток // Информационное агентство CNL News. URL: https://cnl.news/2018/08/14/462901 (дата обращения: 02.12.2020).

9. Памятка для сотрудников органов внутренних дел по противодействию коррупции // Официальный сайт ГУ МВД России по г. Москве. URL: https://77.xn–b1aew.xn–p1ai/%D0%B3%D1%83-%D0%BC%D0%B2%D0%B4/Protivodejstvie_korrupcii/Metodicheskie_materiali/Pamjatka_dlja_sotrudnika_organov_vnutren (дата обращения: 02.12.2020).

10. Мизерий А. И. История борьбы с коррупцией в России // Электронная библиотека Университета Лобачевского. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001_2(4)/27.pdf (дата обращения: 07.04.2021).

11. Каутилья. Артхашастра, или наука политики. Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград, 1959. 802 с.

12. Практика уголовного сыска. Научно-практический сборник / Сост. А. Ваксян. М.: Лига Разум. 1999. 244 с.

13. Довгяло Г. И., Перзашкевич О. В., Прохоров А. А. История Древнего Востока. Минск: ТетраСистемс, 2002. 191 с.

14. Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9C%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B0#: :text=%D0%9F%D0%BE%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9C%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B0%20(%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%3A%20%D0%9F%D0%BE%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5,%D1%8D. (дата обращения: 17.04.2021).

15. Флавий Иосиф. Иудейские древности. В 2-х т. Т. 1. Кн. 1–12. М.: Юрайт, 2019. 427 с.

16. Медкова Е. Искусство. Золотой век живописи Нидерландов // Календарь. 2009. № 11(419). 1–15 июня. URL: https://art.1sept.ru/article.php?ID=200901101 (дата обращения: 07.04.2021).

17. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима. Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. Самое полное оригинальное издание. М.: АСТ: Астрель, 2010. 512 с.

18. Бугаевская Н. В. Коррупционные преступления: виды и особенности субъекта: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 200 с.

19. Коррупция в Римской республике // Власть: сайт о борьбе с коррупцией. URL: http://vlasti.biz/korruptsciya-v-stranah/korruptsciya-v-drevnem-mire/korruptsciya-v-rimskoi-respublike.html (дата обращения: 07.04.2021).

20. Александровская С. В. Антикоррупционная концепция в праве Древнеримской Республики: V–I вв. до н. э.: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2004. 32 с.

21. Таирова Н. М. Коррупция как социальное явление: историко-философские и политологические аспекты мировой мысли и практики // Управленческое консультирование. 2014. № 1. С. 98–108.

22. Александровская С. В. Стратегия борьбы с коррупцией в сочинениях Марка Туллия Цицерона // Древнее право. 2003. № 2 (12). С. 113–118.

23. М. Т. Цицерон. Диалоги о государстве - о законах / Сост. И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн, С. Л. Утченко; Отв. ред.: С. Л. Утченко. М.: Наука, Ладомир, 1994. 223 с.

24. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. / Пер. С. А. Жебелева. М., 1984. 644 с.

25. Зотов Г. Палач для взяточника. Как в Китае борются с коррупцией // Аргументы и факты в Белоруссии. 2016. № 4. 26 янв. URL: https://aif.by/social/palach_-dlya_vzyatochnika_kak_v_kitae_boryutsya_s_korrupciey (дата обращения: 07.04.2021).

26. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М: Мысль, 1990. 524 с.

27. Капустина З. Я. «Гражданская добродетель» в своей первооткрытости бытию // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-dobrodetel-v-svoey-pervootkrytosti-bytiyu/viewer (дата обращения: 07.04.2021).

References

1. Andrianov V. D. Corruption as a global problem: history and modernity. M., 2011. 301 p.

2. Montesquieu C. Selected works. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 803 p.

3. Poleva I. A., Polev K. O. Historical development of the concept of "corruption"// Site Rusnauka. URL: http://rusnauka.com/4_NIC_2016/Pravo/1_-207157.doc.htm (date of access: 04.07.2021).

4. Collection of the Laws of King Hammurabi // Sources of law. Issue 1. Togliatti: IIP "Accent 1996. 56 p.

5. Bologov P. From Babylon to Singapore: in which circle of hell should corrupt officials burn // Platform of professional journalism Republic. URL: https://slon.ru/posts/50044 (date of access: 04.07.2021).

6. Aulus Gellius. Attic nights // Electronic library "LitMir". URL: https://www.litmir.me/br/?b=150687 (date of access: 10.04.2021).

7. Bible. Old Testament. The book of the prophet Isaiah. 1, 23; 5, 22–23. Russian Bible Society. M., 1995. 1372 p.

8. Quotes from the Bible, Torah and Koran were included in the memo of the Ministry of Internal Affairs against bribes // CNL News Information Agency. URL: https://cnl.news/2018/08/14/462901 (date of access: 02.12.2020).

9. Memo for employees of internal affairs bodies on combating corruption // Official site of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow. URL: https: //77.xn–b1aew.xn–p1ai/%D0%B3%D1%83-%D0%BC%D0%B2%D0%B4/Protivodejstvie_korrupcii/Metodicheskie_materiali/Pamjatka_dlja_sotrudnika_organ (date of access: 02.12.2020).

10. Miserius A. I. History of the fight against corruption in Russia // Electronic library of Lobachevsky University. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001_2(4)/27.pdf (date of access: 04.07.2021).

11. Kautilya. Arthasastra, or the science of politics. Publishing house of the USSR Academy of Sciences, Moscow – Leningrad, 1959. 802 p.

12. The practice of criminal investigation. Scientific and practical collection / Comp. A. Vaksyan. M .: League of Reason. 1999. 244 p.

13. Dovgyalo G. I., Perzashkevich O. V., Prokhorov A. A. History of the Ancient East. Minsk: TetraSystems, 2002. 191 p.

14. The teaching of the Heracleopolitan king to his son Merikar // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD% D0% B8% D0% B5_% D0% 9C% D0% B5% D1% 80% D0% B8% D0% BA% D0% B0% D1% 80% D0% B0 #: : text =% D0% 9F% D0 % BE% D1% 83% D1% 87% D0% B5% D0% BD% D0% B8% D0% B5% 20% D0% 9C% D0% B5% D1% 80% D0% B8% D0% BA% D0 % B0% D1% 80% D0% B0% 20 (% D0% BF% D0% BE% D0% BB% D0% BD% D0% BE% D0% B5% 20% D0% BD% D0% B0% D0% B7% D0% B2% D0% B0% D0% BD% D0% B8% D0% B5% 3A% 20% D0% 9F% D0% BE% D1% 83% D1% 87% D0% B5% D0% BD% D0% B8% D0% B5,% D1% 8D. (date of access: 17.04.2021).

15. Flavius Joseph. Jewish antiquities. In 2 volumes. T. 1. Book. 1-12. M .: Yurayt, 2019. 427 p.

16. Medkova E. Art. Golden Age of Painting in the Netherlands // Calendar. 2009. No. 11 (419). June 1-15. URL: https://art.1sept.ru/article.php?ID=200901101 (date of access: 04.07.2021).

17. Kuhn N. A. Legends and myths of Ancient Greece and Ancient Rome. What the Greeks and Romans told about their gods and heroes. The most complete original edition. M .: AST: Astrel, 2010. 512 p.

18. Bugaevskaya N. V. Corruption crimes: types and characteristics of the subject: monograph. M.: Yurlitinform, 2015.200 p.

19. Corruption in the Roman Republic // Power: a website on the fight against corruption. URL: http://vlasti.biz/korruptsciya-v-stranah/korruptsciya-v-drevnem-mire/korruptsciya-v-rimskoi-respublike.html (date of access: 04.07.2021).

20. Alexandrovskaya S. V. Anti-corruption concept in the law of the Ancient Roman Republic: V–I centuries. BC e.: author. diss. ... Cand. legal sciences: 12.00.01. Krasnodar, 2004. 32 p.

21. Tairova N. M. Corruption as a Social Phenomenon: Historical, Philosophical and Political Aspects of World Thought and Practice // Management Consulting. 2014. No. 1. Pp. 98–108.

22. Alexandrovskaya S. V. Anti-Corruption Strategy in the Writings of Mark Tullius Cicero // Ancient Law. 2003. No. 2 (12). Pp. 113–118.

23. M. T. Cicero. Dialogues about the state - about laws / Compiled by: I. N. Veselovsky, V. O. Gorenstein, S. L.Utchenko; Resp. ed.: S. L. Utchenko. M.: Nauka, Ladomir, 1994. 223 p.

24. Aristotle. Politics // Aristotle. Works in 4 volumes / Per. S. A. Zhebeleva. M., 1984. 644 p.

25. Zotov G. Executioner for the bribe-taker. How China Fights Corruption // Arguments and Facts in Belarus. 2016. No. 4. 26 Jan. URL: https://aif.by/social/palach_-dlya_vzyatochnika_kak_v_kitae_boryutsya_s_korrupciey (date of access: 04.07.2021).

26. Hegel G. V. F. Philosophy of Law. M: Thought, 1990. 524 p.

27. Kapustina Z. Ya. "Civil virtue"in its first-openness to being // Scientific electronic library "CyberLeninka". URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-dobrodetel-v-svoey-pervootkrytosti-bytiyu/viewer (date of access: 04.07.2021).

УДК/UDC 343.9

Теоретико-методологический подход к современному состоянию преступности несовершеннолетних

Шайкова Марина Витальевна
кандидат психологических наук, доцент
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Россия
e-mail: shaikovavarina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9243-4548

Аннотация

Противодействие и профилактика преступности несовершеннолетних являются одними из ключевых задач Российской Федерации. В статье обозначаются проблемы преступности несовершеннолетних в современном обществе. Отмечается, что за последние годы количество преступлений, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетия, сокращается. Дается определение понятия ювенальной групповой преступности. Рассматриваются возрастные особенности указанной категории лиц, влияющие на специфику совершения ими преступлений. Дается характеристика такой категории несовершеннолетних, как «трудные» подростки. Приводится социально-психологическая типология подростков-правонарушителей. Анализируется количественная характеристика преступности несовершеннолетних в стране в целом и в регионах Российской Федерации в частности. Особое внимание автором уделяется формированию личности несовершеннолетнего преступника и мерам коррекции и профилактики преступного и асоциального поведения подростков.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, ювенальная преступность, личность подростка, криминальное и асоциальное поведение, статистические данные, профилактические и коррекционные меры.

Theoretical and methodological approach to the current state of juvenile delinquency

Shaykova Marina Vitalyevna
Candidate of Psychology, assistant professor
Southwestern State University
Kursk, Russia
e-mail: shaikovavarina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9243-4548

Abstract

Counteracting and preventing juvenile delinquency is one of the key tasks of the Russian Federation. The article outlines the problems of juvenile delinquency in modern society. It is noted that in recent years the number of crimes committed by persons under the age of majority has been decreasing. The definition of the concept of juvenile group crime is given. The age characteristics of the specified category of persons, influencing the specifics of their commission of crimes, are considered. The characteristics of such a category of minors as "difficult"adolescents are given. The socio-psychological typology of juvenile delinquents is presented. The quantitative characteristics of juvenile delinquency in the country as a whole and in the regions of the Russian Federation in particular are analyzed. The author pays special attention to the formation of the personality of a juvenile offender and measures of correction and prevention of criminal and asocial behavior of adolescents.

Key words: juvenile delinquency, juvenile delinquency, adolescent personality, criminal and antisocial behavior, statistical data, preventive and corrective measures.

Проблема преступности несовершеннолетних была и остается актуальной проблемой, которая привлекает внимание ученых различных специальностей: юристов, психологов, педагогов, социологов и др. Преступность несовершеннолетних является далеко не уникальным явлением в современном мире. Данная проблема зародилась еще в древние времена и, несмотря на интенсивное и многолетнее развитие мирового сообщества, не исчезла, а преобразовалась в совершенно новые формы. Преступления, совершаемые подростками, связаны с особенностями лично-

сти несовершеннолетних, спецификой преступлений, которые ими совершаются, а также иными особенностями, включая состояние социально-экономической сферы государства.

Согласно материалам статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации несовершеннолетние в России ежегодно совершают или участвуют более чем в 40 000 преступлений. В 2019 г. большинство несовершеннолетних (83%) совершили преступления против собственности, 8% - против жизни и здоровья и более 4% - связанные с незаконным оборотом наркотиков. О серьезности ситуации говорит и выросшее почти до 145 000 число подростков, поставленных в прошлом году на учет подразделениями по делам несовершеннолетних (далее по тексту - ПДН). Из них более чем 70 000 совершили административные правонарушения, не достигнув 16-летнего возраста [1].

В России определены регионы с наибольшем удельным весом преступлений, совершенных несовершеннолетними за 2020 г.: Республика Карелия - 7,8%, Новгородская область - 7,2%, Республика Тыва - 6,3%, Республика Бурятия - 5,7%, Забайкальский край - 5,7%, Новосибирская область - 5,6%, Республика Коми - 5,4%, Вологодская область - 5,4%, Архангельская область - 5,4 %, Кемеровская область - 5,4% [2].

Из числа наиболее часто совершаемых несовершеннолетними преступлений многие исследователи (Ю. М. Антонян, А. Д. Глоточкин, В. В. Знаков, К. Е. Игошев, Г. Г. Миньковский и др.) выделяют преступления насильственного характера, а также преступления, совершаемые из корыстных побуждений. Среди них особое место занимают преступления против собственности, а также хулиганство. Наиболее активными преступниками по данной категории дел являются лица в возрасте 16–17 лет.

Чаще всего подростки совершают кражи (включая угоны), мошенничество, а также преступления против жизни и здоровья и преступления против половой неприкосновенности. Рассматривая совершение краж несовершеннолетними, следует обратить внимание на специфику их совершения. Предметом краж наиболее часто выступают какие-либо

детали автомобилей, товары в магазинах, телефоны и иные малогабаритные вещи, которые впоследствии продаются случайным гражданам или обмениваются на какие-либо иные ценности [3].

Угоны автомобилей зачастую совершаются с целью «повеселиться», а также повысить авторитет среди сверстников. Как правило, несовершеннолетние угонщики практически сразу попадают в дорожно-транспортные происшествия в силу неопытности и отсутствия навыка вождения автомобиля, вследствие чего оказываются пойманными правоохранительными органами. После угона транспортного средства несовершеннолетние преступники попросту оставляют его в любом месте [4].

При этом нельзя не обратить внимание на то, что по состоянию за 2020–2021 гг. наблюдается серьезное уменьшение совершения такого рода преступлений несовершеннолетними. Также в силу развития информационно-коммуникационных технологий и довольно открытого доступа к ним среди несовершеннолетних существенно возрос уровень несовершеннолетней преступности в сети «Интернет». Наибольшую долю преступлений составляют кражи с банковских карт, мошенничество в социальных сетях и на электронных торговых площадках, а также сайтах купли-продажи имущества, т. е. так называемый скам [5].

На сегодняшний день, к сожалению, не уменьшается количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Как правило, в такой категории преступлений преобладают убийства, разбои и изнасилования. По мнению ученых, изнасилования совершаются в силу отсутствия должного полового воспитания, а также в результате гипертрофированного истолкования насилия при половой связи [6].

Преступления, совершаемые несовершеннолетними, характеризуются рядом особенностей. Например, отсутствует тщательная подготовка к преступлению. Так, при совершении кражи с проникновением в помещение несовершеннолетние зачастую выбивают окна, ломают несложные замки, проникают внутрь через узкие проемы, щели, вентиляционные шахты и пр. Подростки обычно крадут имущество небольшого

размера, по возможности отдавая предпочтение деньгам и электронике. При совершении преступления несовершеннолетние не обращают внимание на камеры наблюдения, не скрывают лица и пр., могут вести себя непоследовательно на месте совершения преступления, проявлять особую жестокость и т. д. [7].

Зачастую преступления совершаются спонтанно, вследствие чего на месте преступления остается большое количество следов. Такими следами могут быть следы обуви, одежды; оставленные на месте преступления личные предметы; следы ладоней, пальцев, зубов и т. п.

Несовершеннолетние в настоящее время наиболее часто совершают преступления в группе [8]. В соответствии со ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два и более лица.

Являясь частью общей групповой преступности, ювенальная групповая преступность имеет свои особенности:

1. Однородный и разнородный состав группы: группа может состоять из одних несовершеннолетних или включать взрослых лиц.
2. Возможное наличие взрослых подстрекателей, уголовная ответственность которых наступает по ст. 150 УК РФ.
3. Сложная структура ювенальной групповой преступности: ее части входят в групповую организованную, корыстную, насильственную преступность, женскую групповую преступность и другие подвиды групповой преступности.

Одной из причин совершения преступлений в группе выступает пропаганда криминальной субкультуры среди молодежи, что запрещено на территории Российской Федерации. Тем не менее романтизированный криминальный мир привлекает молодежь возможностью легкого и быстрого заработка, а также возможностью заслужить уважение среди сверстников [9].

Однако, как правило, молодежные группы формируются не в целях совершения преступления, а задолго до этого. Большинство таких групп образуется по принципу проживания в одном микрорайоне, доме, дворе и пр., в группах нередко присутствует ярко выраженный лидер [10].

При этом существует следующая закономерность: чем ниже возраст, тем больше преступлений совершается в составе группы несовершеннолетних. Подростковая преступность в составе группы считается одной из наиболее опасных, т. к. нередко именно эти группы являются формирующим преступное поведение криминальным сообществом. Как правило, в асоциальные группы набираются новые несовершеннолетние участники с помощью определенного рода «проверки», которой является совершение какого-либо преступного деяния. На наш взгляд, опасность несовершеннолетней преступности заключается в том, что именно она является фундаментном для дальнейшего формирования уже взрослой преступности.

Правоохранительные органы считают, что особое внимание необходимо уделить совершении преступлений родителями (законными представителями; родственниками) в отношении несовершеннолетних. Инспекторы ПДН выражают обеспокоенность, потому что данный фактор способен оказать серьезное влияние на дальнейшее формирование личности несовершеннолетних.

Статистика по Курской области показывает снижение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними. Показатель несовершеннолетней преступности в 2020 г. ниже, чем в 2019 г. По нашему мнению, на уменьшение показателей преступности вполне мог оказать влияние период пандемии COVID-19, ведь именно в 2020 г. вводились многочисленные карантинные меры, ограничивающие свободное перемещение граждан, в т. ч. и несовершеннолетних.

Динамика несовершеннолетней преступности за последние пять лет согласно статистическим данным УМВД РФ по Курской области выглядит следующим образом (табл. 1).

Статистика преступлений, совершаемых несовершеннолетними на территории Курской области

Год	Количество преступлений	Количество тяжких и особо тяжких преступлений	Удельный вес	Кол-во несовершеннолетних преступников
2016	421	151	3,45%	291
2017	401	110	3,38%	251
2018	327	108	2,9%	229
2019	317	106	4,0%	230
2020	305	86	3,9%	231

Таблица 1

Основываясь на статистических данных, можно сделать вывод о том, что на протяжении пяти лет уровень несовершеннолетней преступности в Курской области снижался, однако удельный вес несовершеннолетней преступности оставался практически неизменным. Важно отметить и то, что несовершеннолетними преступниками нередко совершается более одного преступления.

Согласно представленным статистическим данным количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними, также снижается на протяжении всех пяти лет, что является положительным фактором благодаря применению мер по профилактике преступлений.

Несовершеннолетние обладают рядом возрастных особенностей, главными из которых являются:

1) гибкость психики,
2) низкий уровень самокритичности,
3) отсутствие всесторонней и взвешенной оценки обстоятельств,
4) повышенная эмоциональная возбудимость,
5) повышенная внушаемость,
6) импульсивность,
7) склонность к подражанию,
8) обостренное чувство независимости,
9) стремление к самовыражению,

10) максимализм,

11) отсутствие жизненного опыта и др. [11].

Личность подростка формируют общие и индивидуальные признаки. Общими признаками, характерными для всех подростков, являются особенности нервно-психической организации, протекания познавательных и эмоционально-волевых процессов, формирования характера; резко возрастающая активность; стремление к самостоятельности, к самоутверждению, пониманию сложных отношений в окружающей социальной среде. Индивидуальные признаки формируются в процессе развития и воспитания (в семье, школе и пр.). При наличии семейных конфликтов, воспитания в неблагополучной семье, проявлениях лжи, равнодушия и формализма в школьном обучении и воспитании, неумении включать подростков в доступные их возрасту содержательные и социально полезные формы деятельности, неумении организовать систему правильных отношений в коллективе возникают предпосылки для педагогической запущенности детей и их дальнейшего перехода в категорию «трудных» [6].

Основные общие дефекты поведения «трудных» подростков проявляются в негативном отношении к нравственным нормам отношений между людьми (грубость, упрямство, лживость, жестокость, недисциплинированность и т. д.), к учебной работе (лень, постоянная невнимательность, интеллектуальная пассивность, отсутствие познавательных интересов и др.). Эти общие дефекты поведения получают у конкретных подростков самые разнообразные формы проявления, в связи с чем выделяются различные основания для типологии трудновоспитуемости: по уровням нравственно-правовой сформированности личности, фиксирующим различные поведенческие позиции; по форме сопротивляемости ребенка психологическим воздействиям; по конкретным проявлениям характерологических и интеллектуальных особенностей подростков в деятельности и общении и т. д. [12].

При оптимальных условиях воспитания все особенности подростковой личности могут быть компенсированы социально-положительной деятельностью, в то время как хорошее воспитание, правильный пример

родителей, законных представителей и родственников, взросление в «хорошей компании» лишь закрепят положительные качества в сознании ребенка. Отсутствие хорошего воспитания, должного внимания и контроля, а также нормальных социальных условий, наоборот, приводит к девиантному поведению. При этом важно понимать, что внимание со стороны родителей, а также их методы воспитания тоже могут оказывать отрицательное воздействие.

Так, например, если ребенку уделяется большое количество внимания, но он воспитывается в маргинальной семье, он все равно может и будет брать с родителей плохой пример [13].

Особая динамичность и гибкость психики детей и подростков в одинаковой мере делает их податливыми как в сторону правильного поведения в обществе, так и в сторону девиантного поведения. Самый сложный, переломный этап приходится на возраст 14–15 лет, когда подросток наиболее впечатлителен, податлив и склонен к совершению необдуманных поступков.

В социальной среде различают следующие важные направленности личности: гуманистическая направленность - когда отношение подростка к себе и обществу положительно; эгоистическая направленность - подросток считает себя более значимым, чем общество; депрессивная направленность - подросток не представляет сам для себя никакой ценности, его отношение к обществу можно назвать условно положительным; суицидальная направленность - когда ни общество, ни личность для самой себя не представляет никакой ценности.

Преступления совершают «трудные» подростки - это такая категория несовершеннолетних, которая в силу отсутствия должного воспитания и иной психологической коррекции переходит в стадию, характеризующуюся устойчивым асоциальным поведением и склонностью к правонарушениям.

Мы солидарны с О. В. Ивановым, который выделяет следующую типологию подростков-правонарушителей:

1. Инициаторы или организаторы асоциальных групп. Такие подростки являются лидерами и авторитетами среди несовершеннолетних. Именно они зачастую подталкивают других к совершению противоправных деяний, а также занимаются «вербовкой» новых лиц. Характеризуются устойчивыми асоциальными качествами: жестокостью, деспотизмом, анархизмом, паразитизмом и т. п.
2. Подверженные примитивным желаниям. В данную категорию входят несовершеннолетние, совершающие преступления исходя из потребностей. Как правило, таковыми потребностями являются: наркотические, алкогольные, половые и т. п. Они готовы удовлетворить их любыми способами и средствами. В силу собственной слабости и отсутствия воли нередко подчиняются первой категории.
3. Неустойчивые. Данная категория несовершеннолетних испытывает внутренний конфликт из-за массы внутренних противоречий между аморальными и позитивными побуждениями. Обычно совершают противоправные деяния под влиянием собственного эгоизма или давления со стороны социальной среды.
4. Безвольные. Несовершеннолетние, входящие в эту группу, не имеют собственных убеждений, у них отсутствуют сила воли и собственное мнение. Как правило, являются исполнителями чужих желаний.
5. Аффективные. Особая группа, которая характеризуется постоянным чувством внутренней обиды, фрустрации, агрессивности по отношению к окружающим. Нередко к таким группам относятся приверженцы «блатной романтики», основной идеей которых является полный отказ от привычных норм жизни [14].

Такое количество типов в классификации обусловлено разнообразными подходами к формированию и перевоспитанию «трудных» подростков. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно отказаться от узко

прагматического подхода к определению отдельных свойств личности подростков-правонарушителей, наблюдающегося в практике следствия, судебно-психологической экспертизы и т. д. и перейти к более сложной, нелинейной стратегии изучения личности подростков во всей совокупности их психологических свойств, различных по качеству, генезису и уровню сформированности.

По нашему мнению, в основу выбора общего критерия сформированности нравственных качеств личности подростка следует положить степень соответствия субъективных личностных смыслов общественно выработанным значениям (нормам) поведения: полное соответствие, преимущественное соответствие, ситуативное соответствие (или несоответствие), расхождение, противопоставление. Создаваемая на основе такого критерия классификация «трудных» подростков должна сопровождаться выделением соответствующих специфических признаков при характеристике более частных групп и подгрупп. Это позволит более четко и в полной мере отразить реальную структуру психологических свойств личности, а также их генезис [15].

Более того, степень приверженности к одной из перечисленных групп также должна иметь оценку. Это обусловлено тем, что психологическое исправление «трудных» подростков является крайне трудоемким и точечным процессом. Для того чтобы в целом влияние на личность оказалось положительным, должна быть проделана огромная подготовительная работа как правоохранительными органами, так и органами сообразования, социальной защиты по определению степени запущенности, а также возможным перспективам и методам исправления.

Такая психолого-правовая работа заключается в решении целого ряда профилактических и коррекционных задач:

1. Выявление истинных мотивов совершения противоправных деяний, а также особенностей личности несовершеннолетнего, сформированных дефектов и убеждений. Есть примеры из практики, когда у нескольких подростков со схожими внешне асоциальными особенностями абсолютно разные причины их

возникновения. Данные причины принято выделять в две большие группы: объективные и субъективные. К объективным относят те влияния, которые оказывают на подростков в ходе воспитания в семье. Семья в целом считается первой микросредой, в которую попадает человек и в которой он начинает формироваться как личность. Отсюда вытекает ответственность родителей перед детьми и перед обществом за их воспитание. Под субъективными факторами понимаются индивидуально-психологические свойства, формирующиеся уже непосредственно у несовершеннолетнего без чьего-либо участия. Сюда относятся: потребности, интересы, чувства, идеалы, уровень развития и психологической устойчивости. Именно с изучения субъективных факторов начинается активная работа психолога и педагога. Выявление имеющихся негативных и асоциальных проявлений поведения, а также последующая замена их целой системой более содержательных, полезных и позитивных установок позволяет достигнуть положительного результата в перевоспитании несовершеннолетнего.

2. Выявление основных целей, стремлений и ориентиров поведения несовершеннолетнего. На данном этапе психологу и педагогу важно выяснить жизненные цели подростка для установления контакта с ним, а также для выработки основного направления работы по исправлению. Как правило, жизненные цели прослеживаются в поступках подростка, его отношении к различным видам деятельности, обучению, труду и т. п. Для того чтобы практически верно реализовать и решить данную задачу, необходимо установить контакт с несовершеннолетним путем общения.
3. Определение уровня готовности несовершеннолетнего к изменению своего асоциального поведения и сознательному выбору социально-положительных форм поведения. Данная задача вытекает из предыдущих двух. Для того чтобы начать исправ-

лять неправильно сформированные ценности и идеалы, а также корректировать асоциальное поведение, следует установить тесный психологический контакт с подростком. Важно определить, что несовершеннолетний готов к самостоятельному изменению жизненных ориентиров и исправлению.

Также необходимо сформировать систему стимулов к дальнейшему саморазвитию и самовоспитанию в правильном направлении во избежание рецидивов асоциального поведения. Важно у подростка сформировать самокритичность, адекватное отношение к ошибкам и критике, моральные устои, умение контролировать свое поведение. Этому должны способствовать не только родители и психологи, но и школы, университеты и иные образовательные учреждения.

Отдельно выделим возрастные особенности подростков, которые тесно взаимосвязаны с их личностными качествами. В определенном возрасте несовершеннолетний получает спектр навыков, знаний и опыта, который является катализатором его развития. Путь развития зависит от характеристики (положительная или отрицательная) полученного опыта, а также восприятия его несовершеннолетним.

При этом обязательно необходимо учитывать возрастные кризисы - переломные моменты, которые в корне меняют отношения между несовершеннолетним и обществом. Именно в такие моменты несовершеннолетний переходит на новый этап развития [16].

Современная психология и педагогика выделяет следующие возрастные кризисы несовершеннолетних:

1) кризис новорожденности, который характеризуется появлением зачатков новой личности;
2) кризис трех лет, в период которого закладывается психологический фундамент, основанный на благоприятности условий существования ребенка;
3) кризис семи лет, когда ребенок покидает привычную домашнюю среду и идет в школу, где возникает острая необходимость налаживания социальных контактов не только со сверстника-

ми, но и с педагогами, а также появляется или увеличивается определенная доля ответственности;

4) кризис подросткового периода, являющийся наиболее сложным периодом развития личности из-за эмоциональной неустойчивости подростка, повышенной возбудимости, неуравновешенности, неадекватности реакций, часто проявляющихся в неоправданной резкости и повышенной конфликтности с окружающими.

На наш взгляд, повышенная конфликтность, особенно в отношениях со взрослыми, родителями, учителями, объясняется тем, что меняется система отношений подростка с окружающими его людьми. Вследствие обостренного чувства взрослости он стремится к равенству в отношениях со взрослыми и сверстниками. Стремясь избавиться от опеки, от оценок и влияния взрослых, подросток становится очень критичным по отношению к ним, начинает обостренно чувствовать недостатки родителей и учителей, подвергать сомнению советы и высказывания старших.

В условиях такого кризиса огромную роль играет способность взрослых оценивать переживания подростков и уважать их. Важно в такой период направить несовершеннолетних в правильное русло путем общения, совместной деятельности, смягчения ситуации, при этом грамотно оценить ситуацию. К сожалению, зачастую в связи с некомпетентностью и нетерпимостью педагоги и воспитатели, занимающиеся воспитанием, смотрят на проблемы подростков со своей точки зрения, не воспринимая их переживания, что приводит к серьезному психологическому отторжению взрослых, обострению агрессии и в некоторых случаях к совершению преступлений.

Поэтому мы остановимся на особой типологии несовершеннолетних преступников - возрастной, ведь именно от возраста зачастую зависит направленность преступной деятельности несовершеннолетних. Это связано с тем, что с точки зрения психологии разница даже в один год у подростков может значительно влиять на их сознание. Так, например, лица в возрасте до 14 лет совершают наименьшую долю преступлений и

объектом их преступных посягательств является собственность. Мотив у таких преступлений как правило один: удовлетворение потребностей.

Следующая возрастная категория несовершеннолетних - лица в возрасте 14–15 лет. Несовершеннолетние, которые входят в данную категорию, обычно совершают преступления против собственности, чуть реже - против жизни и здоровья. У них нередки случаи живодерства, нанесения вреда здоровью сверстников, поджоги, хулиганство. Мотивы преступлений у таких подростков совершенно разные: от желания развлечься до самоутверждения или стремления выделиться среди сверстников.

Наиболее часто совершают преступления несовершеннолетние в следующей возрастной группе - 16–17 лет. Для данной категории лиц наиболее характерно совершение преступлений против жизни и здоровья, половой неприкосновенности, а также многочисленные правонарушения, в число которых входит мелкое хулиганство.

Таким образом, преступность несовершеннолетних представляет собой особое негативное социальное явление, подразумевающее совершение различного рода преступлений несовершеннолетними лицами. Данная категория преступлений характеризуется следующими особенностями: преступления чаще всего совершаются в составе группы; наибольший удельный вес составляют преступления против собственности, а также жизни и здоровья граждан и половой неприкосновенности; данный вид преступности является фундаментом для формирования взрослой преступности.

В процессе формирования личности несовершеннолетнего важен комплексный подход к изучению и воспитанию «трудных» и асоциальных подростков со стороны правоохранительной системы, педагогического коллектива и всего общества в целом. Воспитатели, учителя, мастера производственного обучения должны изучать личность подростков в сфере осуществляемых ими форм профессиональной деятельности, где каждый из них имеет возможность выявить положительные качества и задатки своих воспитанников, опираясь на которые, можно более успеш-

но разрабатывать профилактические и коррекционные методы перевоспитания подростков с наибольшей эффективностью.

Список литературы

1. Особо опасные дети. Генпрокуратура сообщила о росте подростковой преступности в стране // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/04/20/genprokuratura-soobshchila-o-roste-podrostkovoj-prestupnosti-v-strane.html (дата обращения: 17.06.2021).

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/22678184 (дата обращения: 20.07.2021).

3. Беляйкина А. И., Анощенкова С. В. Особенности личности несовершеннолетнего преступника, совершающего корыстные преступления // Апробация. 2015. № 34. С. 73–75.

4. Михайлова Н. В. Особенности личности несовершеннолетнего преступника, совершившего корыстное преступление // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 7. С. 142–149.

5. Андреева О. И. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 446 с. С. 36.

6. Иголкина К. П. Несовершеннолетние преступники и их преступления как социальное явление в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 106–108.

7. Мурзак Е. С. Преступность несовершеннолетних. Психологические особенности поведения несовершеннолетних преступников // Профессиональное образование и общество. 2017. № 22. С. 285–294.

8. Долгова А. И. Преступность. Российская криминологическая энциклопедия. М.: НОРМА, 2000. 808 с. С. 721.

9. Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 256 с.

10. Писаревская Е. А. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 1–5.

11. Бакаев А. А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних. М.: Логос, 2004. 218 с.

12. Ямалетдинова Н. В. Криминологическое изучение личности несовершеннолетнего преступника // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2015. № 18. С. 68–72.

13. Гобечия Ф. В. Психологические факторы поведения несовершеннолетних правонарушителей. Тбилиси: Мицниереба. 1979. 81 с.

14. Иванов О. В. Характеристика личности несовершеннолетнего преступника // В сборнике: Актуальные проблемы современного права и политики (К 100-летию Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина). сборник научных трудов по материалам Всероссийской студенческой научной конференции. 2015. С. 345–348.

15. Шайкова М. В. Психолого-криминологическая характеристика личности несовершеннолетних преступников // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 5. С. 85–88.

16. Шайкова М. В. Особенности агрессивного поведения несовершеннолетних правонарушителей // Дельта науки. 2018. № 1. С. 68–74.

References

1. Especially dangerous children. The Prosecutor General's Office announced the growth of juvenile delinquency in the country // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2020/04/20/genprokuratura-soobshchila-o-roste-podrostkovoj-prestupnosti-v-strane.html (date of access: 17.06.2021).

2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2020 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https: //xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/22678184 (date accessed: 20.07.2021).

3. Belyaikina A. I., Anoschenkova S. V. Features of the personality of a juvenile offender committing mercenary crimes // Approbation. 2015. No. 34. Pp. 73–75.

4. Mikhailova N. V. Features of the personality of a juvenile offender who has committed a mercenary crime // Russian Science and Education Today: Problems and Prospects. 2015. No. 7. Pp. 142–149.

5. Andreyeva O. I. Criminal Procedure: A Textbook for Undergraduate Law Schools. Rostov on Don: Phoenix, 2015. 446 p. P. 36.

6. Igolkina K. P. Juvenile criminals and their crimes as a social phenomenon in modern Russia // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. No. 11.
Pp. 106–108.

7. Murzak E. S. Juvenile delinquency. Psychological features of the behavior of juvenile criminals // Professional education and society. 2017. No. 22. Pp. 285–294.

8. Dolgova A. I. Crime. Russian criminological encyclopedia. M.: NORMA, 2000. 808 p. P. 721.

9. Kon I. S. Psychology of early adolescence. Moscow: Education, 1989. 256 p.

10. Pisarevskaya E. A. Group juvenile delinquency and its prevention // Bulletin of the Kemerovo State University. 2010. No. 1. Pp. 1–5.

11. Bakayev A. A. The system for the prevention of juvenile delinquency. M.: Logos, 2004. 218 p.

12. Yamaletdinova N. V. Criminological study of the personality of a juvenile offender // Actual problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen. 2015. No. 18. Pp. 68–72.

13. Gobechia F. V. Psychological factors in the behavior of juvenile offenders. Tbilisi: Mitsniereba. 1979. 81 p.

14. Ivanov O. V. Characteristics of the personality of a juvenile offender // In the collection: Actual problems of modern law and politics (To the 100th anniversary of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin). Collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian student scientific conference. 2015. Pp. 345–348.

15. Shaikova M. V. Psychological and criminological characteristics of the personality of juvenile criminals // Russian science and education today: problems and prospects. 2015. No. 5. Pp. 85–88.

16. Shaikova M. V. Features of aggressive behavior of juvenile offenders // Delta Science. 2018. No. 1. P. 68–74.